Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№8

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Мустафа ЧЕМЕНЛИ. **Чахаргях.** *Рассказ* 21
Ляман БАГИРОВА. *Эссе-фантазия. Путевые новеллы* 29
Александр ДИМИДОВ. *Рассказы* 61
Евгений СТЕПАНОВ. **Волчица, любящая людей.** *Рассказ* 86
Октай ШАМИЛЬ. *Рассказы* 99
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. *Новеллы* 105
Медина ЭЛЬДАРОВА. *Миниатюры* 120
ЛАЧИН. **Записки ангела Данте.** *Рассказ* 121
Сергей ШАУЛОВ. **Дневник неандертальца…** 126

ПОЭЗИЯ

Алина ТАЛЫБОВА. *Стихи* 58
Татьяна КАДНИКОВА. *Стихи* 93
Марат ШАФИЕВ. **Современный диван.** *Рубаи* 113

ПУБЛИЦИСТИКА

Бахрам БАГИРЗАДЕ. **Каспаров и пустота** 3
Рамиз МОВСУМ. **Прогноз оказался правильным** 6
Егяна АЛИЕВА. **Погребенные судьбы.** *Картинки из памяти.* 9
Ширин МАНАФОВ. **Человек наблюдающий: прогулка по Карабаху** 12
Ульвия АХМЕДОВА. **Хранитель наследия** 51
Римма ЭРККО. **Женская поэзия страны ветров** 96
Княз Гочаг. **Словотворец с именем Октай Шамиль** 99
Марат ШАФИЕВ. *Два эссе* 116

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Тофик МЕЛИКЛИ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 27.7.2023г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2023г.

БАХРАМ БАГИРЗАДЕ

КАСПАРОВ И ПУСТОТА

2023 год. Каспаров даёт очередное длинное интервью. Честно говоря, я бы не стал тратить время и писать этот пост, но Каспаров снова упустил возможность промолчать о Гейдаре Алиевиче Алиеве хотя бы в год его столетнего юбилея. Каспаров в очередной раз допустил недопустимое – ложь, цинизм, предательство. Хотя, о чём я? Эта триада давно стала спутницей его жизни. Я уже не говорю о том, что его высказывания о Гейдаре Алиевиче являются высшим проявлением человеческой подлости, ведь Алиева уже нет и он не может ответить… Но живы те, кто знают весь путь, которым Гейдар Алиевич Алиев провёл талантливого мальчика к вершине.

Не буду цитировать и пересказывать все «перлы» бывшего шахматиста. Перейду к сути. Многие часто задают вопрос: «А что именно сделал Гейдар Алиевич для Каспарова?». Если коротко, то **ВСЁ**. Но отвечу более развёрнуто.

Гейдар Алиевич великолепно понимал какое значение имеют шахматы для развития молодого поколения. Именно поэтому, став главой республики в 1969 году, он дал поручение построить во всех районах Азербайджана шахматные школы и подготовить грамотных тренеров. Также Гейдар Алиевич прекрасно осознавал, что наличие сильных шахматистов является наилучшим показателем интеллектуальной развитости Азербайджана. И здесь всё совпало, потому что в мире в ту эпоху, за исключением Бобби Фишера, не было такого шахматного таланта, как Гарик Каспаров.

Подавать надежды Гарик начал довольно рано и в 12-13-летнем возрасте его талант уже ярко проявился. И Гейдар Алиевич не мог этого не заметить и не отметить. Первая встреча Алиева и Гарика с его мамой состоялась в 1979 году. Гейдар Алиевич пригласил их к себе и после обстоятельной беседы дал поручение создать все необходимые условия для юного таланта. Фактически, это означало, что Гарик взят под крыло лично Гейдара Алиева, Азербайджанской республики и мощного щита в лице коммунистической партии. Гейдар Алиевич, будучи гениальным политиком и руководителем, не мог не понимать, что Каспаров – это алмаз, который надо огранить до состояния бриллианта. Но этим поступком Гейдар Алиевич пошёл против центра. Дело в том что у Москвы уже был свой чемпион – Анатолий Карпов, который незадолго до этого в тяжелейшем матче победил Виктора Корчного. Карпов олицетворял всю мощь советского интеллекта и советского государства, поэтому в Москве так и говорили: «У нас есть чемпион, другого нам не надо». Советская идеологическая машина рассматривала Карпова чемпионом на долгие годы, ведь он был идеально встроен в систему по всем параметрам и при этом был невероятно сильным шахматистом и реальным чемпионом. В 1981 году против Корчного, который в 1976 году попросил политическое убежище на Западе и стал невозвращенцем, сражалась вся советская шахматная машина. Вся!

Безусловно, Гейдар Алиевич, взявший под своё крыло Каспарова, не мог не знать, что, готовя и взращивая новую шахматную звезду, он столкнётся с противодействием Москвы. После 1979 года последовали и другие встречи Алиева и Каспарова. Это был действительно уникальный случай, потому что ни в одной другой из бывших советских республик не было подобных прецедентов и Азербайджан стал несомненным лидером! Найти будущего чемпиона – это половина успеха, а создать для его развития всё условия и довести его до звания чемпиона мира – это высший пилотаж. И это целиком и полностью заслуга Гейдара Алиевича!

В 1981 году Карпов в очередной раз выиграл звание чемпиона мира у Корчного, а следующий матч был назначен на 1984 год. Система отбора была очень сложной - национальные соревнования, зональные соревнования, межзональные соревнования, потом шли матчи претендентов по олимпийской системе выбывания. В полуфинале сложилась уникальная ситуация. Четвертьфинал Гарик блестяще выиграл у Александра Белявского и попал на игру с Корчным.

80-е годы прошлого века были временем наибольшего противостояния двух систем – американской и советской. В 1980 году США и многие западные страны бойкотировали Олимпийские игры в Москве из-за того, что СССР ввёл войска в Афганистан. И всё шло к тому, что Советский Союз также будет бойкотировать Олимпиаду-84 в Лос-Анджелесе. На этом фоне ФИДЕ и скандально известный президент ФИДЕ Кампоманес назначает место проведения двух полуфинальных партий: Корчной-Каспаров в Пасадене и Смыслов-Рибли в Абу-Даби.

И тут Советский Союз под предлогом, что в Пасадене из-за высокой преступности нет гарантии безопасности участникам турнира, а в Абу-Даби слишком жаркий климат для пожилого Смыслова, отказался от матчей! С Каспаровым случился нервный срыв – он на пике возможностей, цель близка и вдруг всё отменяется. Несмотря на то, что отказ засчитался как поражение для советских шахматистов, СССР таким ходом убрал с шахматной доски опасного для Карпова противника в лице Каспарова, которого лишили возможности завоевать чемпионский титул. Последовало обращение к Гейдару Алиевичу Алиеву, который понял, что нашего парня обижают и ФИДЕ, и политическая машина Советского Союза, и спорткомитет. Ситуация была абсолютно проигрышная и только гений Алиева, включившего свой высочайший авторитет и все свои ресурсы, смогли одолеть гигантскую политическую машину Советского Союза, всех секретарей по идеологии спорткомитет и ФИДЕ, и полуфинальные матчи переиграли в Лондоне. Смыслов выиграл у Рибли, а победа Каспарова над Корчным позволила Гарику напрямую выйти на Карпова.

Наступил 1984 год. Год, когда начался легендарный матч за звание чемпиона мира. Каспаров безнадёжно проигрывал 4:0, ему все сочувствовали и практически списали со счетов. Карпов же напротив был воодушевлён и хотел закончить матч со счётом 6:0, превзойдя таким образом самого Фишера.

И снова всё изменилось благодаря Гейдару Алиевичу. Вы же ещё не забыли о том, что он создал для Гарика ВСЕ условия и с бакинским шахматистом работали лучшие специалисты, среди которых был и знаменитый и уникальный Тофик Дадашев. Он и помог Каспарову привести нервную систему в нормальное состояние. Кстати, Гарик об этом сейчас даже не вспоминает…

Каспаров успокоился и начал делать одну ничью за другой. Карпов никуда не торопился, так как был уверен, что Каспаров полностью сломлен. И вот наступила партия, когда Каспаров после многих ничьих выиграл у Карпова и счёт стал 5:1. После 46-ой партии матч перенесли из Колонного зала Дома Союзов в гостиницу «Спорт». Шёл 1985 год… Финал продолжался бесконечно. 47 и 48 партии выигрывает Каспаров. И тут уже Карпов был никакой…

Для разрешения этой патовой ситуации созвали собрание, которое было инициировано ФИДЕ и Шахматной Федерацией СССР и было объявлено, что новый матч начнётся со счёта 0:0. А за кулисами, предваряющими это собрание, развернулись жаркие споры, какой же должен быть счёт – 5:3, 2:0 в пользу Карпова и продолжить с этого момента? Карпов был на всё согласен, потому что он не мог играть, он боялся проигрыша, какие случились с ним в предыдущих двух партиях. И вновь вперёд вышел Гейдар Алиевич и совершил невозможное – матч начался не с 5:3, а с 0:0!

А Гарик тем временем в рамках подготовки к новому матчу отправился в Европу играть турниры. В Германии он дал интервью Der Spiegel, в котором раскритиковал действия советского спорткомитета и наговорил много нелицеприятного в адрес

своей страны. Это был настоящий подарок для его противников и для Карпова, конечно же, и в высоких кабинетах зазвучало слово «дисквалификация»…

В этот момент, когда казалось, что это конец для Каспарова, Гейдар Алиев при поддержке Александра Яковлева, которого весь мир знает, как главного идеолога перестройки, предприняли титанические усилия и не дали дисквалифицировать Каспарова.

Вот что «ничего особенного», как говорит Каспаров, сделал для него Гейдар Алиевич! Это «ничего» включало в себя личную поддержку Алиева, ресурсы Азербайджанской республики и компартии, абсолютно бесплатное обеспечение высокого уровня бытовой жизни, лучшие специалисты разных сфер, офицер КГБ Литвинов, который день и ночь охранял покой Каспарова, особняки для отдыха и подготовки к турнирам, поездки, машины, перелёты, отели. Всё это сделал Гейдар Алиевич! Не говоря уже о битвах за Каспарова, которые многое лет с успехом вёл Алиев. В 1990 году за два дня до кровавых событий 20 января, 18 января Каспарову предоставили самолёт и он вывез из Баку в Москву своих родственников. И где же жил Гарик в столице СССР? В Постоянном представительстве Азербайджана в Москве! Жил он там два с половиной года, занимая целый этаж, и всё это было за счёт Азербайджана.

Не знаю, как сложилась бы судьба Каспарова, если бы он родился не в Азербайджанской Советской Социалистической Республике во время правления Гейдара Алиевича Алиева, а в любой другой стране. Возможно, он и стал бы чемпионом мира, но его путь к вершине был бы усеян такими трудностями и материальными затратами, что я даже не знаю, смог бы Каспаров их преодолеть. В Азербайджане же ему создали поистине райские условия, оградили от всех проблем и сделали всё, чтобы он стал победителем. Неужели обычная человеческая благодарность такая высокая цена для Каспарова? Видимо, да.

А закончить мне хотелось бы одной историей, которая стала притчей. Однажды один американский профессор во время лекции написал на доске большую цифру 1 и, посмотрев на студентов, объяснил: «1 (единица) – это ваша человечность. Самое необходимое в жизни качество». Затем рядом с цифрой 1 написал 0 и сказал: «А это ваши достижения, которые с человечностью увеличили вас в 10 раз». Ещё один 0 – это опыт, с которым человек стал «100». И так добавлял 0 за 0 – интеллект, воспитанность, любовь, благосостояние…

«Каждый добавленный 0 в 10 раз облагораживает человека», – сказал профессор. И вдруг он стёр цифру 1, стоящую в начале ряда цифр. На доске остались никчемные, ничего не значащие нули. Профессор подвёл итог: «Если у вас не будет ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, остальное ничего не стоит».

Каспаров давно стёр свою «1». И сегодня, предав своё прошлое и Гейдара Алиева, Каспаров ничего не стоит. От него остались только нули.

Из интернета, со страницы «Bahram Arif Bagirzadeh»
facebook.com›bahrambagirzadehofficial/

РАМИЗ МОВСУМ

ПРОГНОЗ ОКАЗАЛСЯ ПРАВИЛЬНЫМ

В октябре 1972 года в Центральном Шахматном Клубе проводились городские полуфинальные игры по шахматам. В борьбе за первенство по шахматам соревновались самые знаменитые игроки. Между ними шла напряженная борьба. Мне тоже пришлось поучаствовать в этой почетной игре. Главным арбитром соревнования был чемпион Азербайджана по шахматам Солтан Халилбейли. Из состава судей мне сообщили, что мой первый «конкурент» – шахматист Закиев – был незрячим. Я узнал, что он претендует на звание кандидата мастера спорта по шахматам. Помощник главного арбитра сообщил мне, что прежде чем сделать ход, он имеет права прикасаться к ним и может повторять это несколько раз. Я впервые играл в шахматы с незрячим человеком.

Получив нужную мне информацию, я сел на свое место. Передо мной стоял человек громадного телосложения в черных очках. После того, как он поздоровался со мной, он занял свое место. Вынув из кармана толстый блокнот, положил его возле правой руки.

Помощник арбитра настроил часы. Я сделал ход белыми e2-e4. В ответ на мой ход он сделал ход c7-c5. Потом я сделал ход конем: Kg1-f3, а он сделал Kb8-c6. Затем игра продолжалась таким образом:

Белые	**Черные**
d2-d4	c5-d4
Kf3:d4	Kg8-f6
Kb1-c3	d7-d6
Cc1-g5	e7-e6
Фd1-d2	a7-a6

Таким образом, черные выбрали Сицилианскую защиту. Перед каждым ходом он, немного раскрыв пальцы, тихонечко прикасался к моим шахматным фигурам, а затем к своим. Сделав шахматный ход, он на картонном листе делал заметки с помощью специального грифеля, а потом пальцами наощупь «читал» то, что написал. Наша игра с дебюта перешла на миттельшпиль. Возникла сложная ситуация.

Шахматная доска была необычной. Посередине каждого квадрата шахматной доски были проделаны отверстия. Шахматные фигуры тоже были необычными, с небольшими стержнями под каждой, позволяющими вдевать их в отверстия на доске. Это было сделано для того, чтобы незрячие игроки касались руками фигур во время шахматного перехода, и они не падали. Но все это не могло отвлечь меня, потому что я чувствовал себя бойцом на шахматной доске.

По принятым правилам, каждый игрок в течении 2 часов должен сделать 40 ходов. Если он сможет сделать это вовремя, то считается непобежденным.

Мой «соперник» делал очень сильные шахматные ходы. Всего один раз дотронувшись пальцами до фигуры, он быстро записывал следующий ход. Иногда я долго думал, и это приближало меня к опасному цейтноту. За 20 минут он смог сделать 30 ходов, я же за это время потратил лишь 36 минут. Значит, в течение 4 минут я должен был сделать 10 ходов, да еще на таком престижном соревновании!

Мне не хотелось, чтобы первая же игра закончилась неудачей.

Я старался не упасть духом и усилием воли собрал все свои силы. Оставались считанные секунды на все ходы. Я не сводил глаз с часов, на которых вот-вот должны были соединиться стрелки. Уже в последний момент я сделал 40-й ход и вышел из цейтнота. Глубоко дыша, встал на ноги и стал внимательно наблюдать за сложной ситуацией на шахматной доске.

Несмотря на то, что Закиев играл черными фигурами, он смог занять выигрышную позицию. Это меня очень беспокоило. Черные по линии шаха совершили нападение. Хоть и с трудом, белые, выбрав правильную тактику борьбы, смогли предотвратить нападение. Но ситуация на шахматной доске не переставала оставаться напряженной. Время, отведенное для турнира, подошло к концу, игра была отложена в пользу положительной позиции черных в 67-ом ходу. Закиев записал свой скрытый ход. На следующий день игра должна была продолжиться. Я, воспользовавшись временем и проанализировав всю игру от начала до конца, должен был сыграть с ним хотя бы вничью. Несмотря на усталость, я всю ночь анализировал нашу игру с Закиевым. Я решил, что проигрываю во всех позициях. К утру мое внимание привлек непостижимый уму ход Ке6. После этого хода шанс на победу у черных разбился в прах. Моей радости не было предела. Я забыл про жажду и еду, подумал, что теперь смогу легко вздохнуть. Шахматы действительно удивительная игра!

В назначенное время я пришел в шахматный центр. Встретился с делегацией судей. Закиев сидел и ждал меня на своем месте. Мы поздоровались. Помощник судьи открыл пакет и настроил часы. Закиев визуально сделал свой «скрытый» ход на шахматной доске. Я, не раздумывая, сделал свой ход Ке6. Он согласился со мной на ничью и, пожав мне руку, сказал:

– Вас спас только этот ход, а все остальные ходы были проигрышные. Желаю вам удачи на следующих играх.

Я тоже, поблагодарив его, пожелал ему удачи!

У состава судей мы поинтересовались нашими соперниками на завтрашний день. Моим конкурентом был кандидат в мастера Багдасаров, а конкурентом Закиева был 9-тилетний кандидат в мастера Вайнштейн Гарри.

***

Гарри был избалованным ребенком, очень дерзким и эгоистичным. Шахматам его с малых лет обучала мать. Говорят, что Клара Шагеновна сама хорошо играла в шахматы, имела даже звание кандидата. И поэтому первым тренером маленького Гарри была именно она. Клара Шагеновна, взяв за руку маленького Гарри, приводила его в шахматный клуб в любую погоду, стоя часами на ногах, ждала его. Маленький Гарри был очень привязан к матери. Он больше всего слушался мать, чем отца. И поэтому в дальнейшем, уже в 1976 году, он взял фамилию матери: стал Каспаровым Гарри Кимовичем.

Во втором туре внимание всех было приковано к игре между Закиевым и Каспаровым. Погода была холодной, Клара Шагеновна подняла воротник своего черного пальто. Весь процесс игры маленького Гарри демонстрировали на шахматной таблице, которая висела на стене. Клара Шагеновна с переживанием наблюдала за процессом игры своего сына. Каспаров, выбрав защиту Каро-Канн, играл черными.

Каждый раз, делая очередной ход, он, подняв голову, с иронией смотрел на Закиева, вставал с места, бросал взгляд в сторону матери и словно пытался что-то «сказать». Мол, смотрите на моего «калеку-конкурента». Положив руки в карман, он хвастливо вертелся туда-сюда. Это означало, что я не считаю Закиева игроком. Он думал, что свою вторую победу будет отмечать с матерью, но на 28-ом ходу его мечты развеялись в прах.

Закиев, сделав сильный шахматный ход, поднялся, а Гарри, сидя на своем месте, обхватил голову обеими руками, зависнув над шахматной доской более получаса. Наконец, он, остановив часы, с гневом поднялся с места. Схватившись за волосы и расплакавшись, он побежал к матери:

– Мама, я слепому турку проиграл!

Солтан Халилбейли, услышав это, торопливыми шагами подошел к ним. Главный арбитр, еле сдержав свой гнев, повернулся лицом к матери девятилетнего Каспарова и терпеливо сказал:

– Клара Шагеновна, заберите своё чадо и уходите!

После их ухода был объявлен перерыв. Солтан Халилбейли тогда сказал нам:

– У этого ребенка не было права так оскорблять невинного человека. Это не его слова, это слова взрослых, то «воспитание», которое дали ему его родители. С такой дерзостью, с таким упорством он может стать большим шахматистом, но не станет настоящим человеком!

Подлый поступок Гарри привел в ярость нас всех. Перед нашими глазами Гарри оскорбил и задел самолюбие нашего коллеги, человека с большой светлой душой, который был слепым. И все потому, что Гарри воспитывался в семье, где культивировалось тюрконенавистничество.

Все вокруг, от детей до взрослых, днем и ночью неустанно выполняли его желания, терпели его капризы, отвечая ему: «Будет исполнено»!

Даже знаменитый экстрасенс Тофик Дадашев во время борьбы за мировое шахматное первенство между Карповым и Каспаровым, в трудном для него положении «помог» ему, человеку, который, как оказалось, в душе так нас ненавидел.

Гарри Каспаров стал новым чемпионом мира по шахматам. Наш народ праздновал его победу, радовались все – от мала до велика.

Получив шахматную корону, он уже не скрывал своего презрения к народу и республике, которая и вывела его на это место. Не считая нужным хотя бы на словах поблагодарить за оказанную помощь и поддержку, он уехал, навсегда забыв все то добро, которое ему было сделано. Что поделаешь? Неблагодарностью нас не удивишь!

Мы, азербайджанцы, считали его своим, но это отношение не было взаимным. Правильно говорят: вытащи неблагодарного из воды, он тебя самого в воду сбросит.

Когда-то прогноз, данный Солтаном Халилбейли – царство ему небесное – к сожалению, оказался верным.

Каспаров приложил все свои усилия, чтобы доказать это.

И добавить тут нечего.

21 декабря 2011 год

Перевод: Саадет СУЛТАН

ПАМЯТЬ

ЕГЯНА АЛИЕВА

Погребенные судьбы

Ужас, молитва, клятва, стол и топор…

Картинки из памяти

Губа, 31 марта 1918 года

Город погружен в глубочайшую тишину. Ранним утром вооруженные мужчины ждут на городском кладбище вражеской атаки. Неизвестно откуда ударит враг. Среди них Муртуза – дядя моего деда. Укрывшись за одной из могил с охотничьим ружьем в руках, он готов сделать всё возможное, чтобы защитить город.

Говорят, Муртуза был симпатичным, храбрым, отважным, буйным молодым человеком, который не мирился с несправедливостью. По причине своего буйства, не слушаясь наставления старших, он в ночной темноте закуривает папиросу. Тлеющая папироса выдает его врагу и…

Женщины, дети, старики прячутся в подвалах своих домов. Вооруженный до зубов враг обходит улицу за улицей, квартал за кварталом, зверски убивает стариков, детей, женщин, жестоко расправляется с ними. Дом и амбары моего прадеда купца Мешеди Алиаббаса Оруджева горят уже седьмой день, на пепелище все еще тлеют угли. Дом и имущество Мешеди Алиаббаса, пользующегося большим уважением в городе, сожжены из-за того, что он не подчинился приказам ворвавшихся в город армян.

Город окутан дымом пожарищ и наполнен запахом смерти.

В подвале нашего дома, расположенного возле губинской Старой бани, спрятались женщины нашей семьи. Среди них моя бабушка, которой тогда был всего месяц от роду, ее мать, сестры матери. Женщины замерли, затаив дыхание. И тут они услышали как вооруженная банда армян пинком ноги ворота распахнул ворота. Женщины понимают, что враг уже во дворе. Воздев руки к небу, они клянутся: «Всевышний, мы обращаемся к Тебе! Если враг нас не обнаружит, если мы выберемся невредимыми из этого подвала, клянемся до конца жизни не расчесывать и ничем не украшать свои волосы». В этом момент один из головорезов-армян подходит к столу в саду и со всей силы вонзает свой топор в стол. Топор, пробив стол, застревает в столешнице. Бог внял их молитвам. Убийца и головорез, чьи глаза застилает кровь, смотрит по сторонам и, словно ничего не видя и не слыша, покидает двор…

Наутро на кладбище находят тело молодого Муртузы, смертельно раненого в лоб… Он только-только закурил папиросу и тут же пал от вражеской пули.

Губа, 24 августа 1978 года

Проходят годы… Я – первая внучка в роду. Летом приехали из Риги к деду, погостить в Губе. Точная дата – 24 августа, день рождения первой внучки в семье. В доме праздник. Дедушка зарезал жертвенного барашка, вокруг него собрались родственники, тетушки. Иногда я без спросу выхожу на улицу. Бабушка объяснила, что женщины нашей семьи не должны выходить на улицу, это не приветствуется, у нас другие адаты, мы неместные, переехали в Губу из Ардебиля, во времена Надир-шаха в качестве его представителей… Но я не мирюсь с этими словами – как так, нельзя выходить

на улицу? Перед домом в жаркий солнечный день с гор тек арык с ледяной водой. Я иду дальше по улице и вижу заснеженную вершину Шахдага. Гордо возвращаюсь домой и прошу, чтоб дед рассказал, как в мой день рождения в горах шел снег в жаркий летний день. В сознании девчушки, живущей в холодной и снежной Латвии, тот факт, что в летний день в жаркой южной стране шел снег, подтверждает ее уникальность и в воображении снова и снова оживают мистические картины.

Каждый предмет в доме мне интересен: «Бабуль, мой папа чемпион-борец. Пускай он вынет топор из столешницы». Бабушка, аккуратно подбирая под келагаи свои нерасчёсанные окрашенные хной волосы с легкой проседью, говорит: «Нельзя. Это топор армянина. Мы дали обет Богу и остались живы». Я ребенок, сконцентрироваться мне тяжело… Не могу выслушать историю до конца, но покойная моя мама в знак уважения внимательно выслушивает рассказ своей свекрови о той ужасающей ночи.

Опускается вечер. Гости расходятся. Перед зеркалом у порога тети моего отца – Батура, Тура, Хурийе, Атья и Асья – аккуратно заправляют под платок свои нерасчесанные волосы, покрываются келагаи и возвращаются к себе. Они улыбаются, они живы-здоровы, они могут увидеть свадьбу своих детей и внуков. Они остались верны своей клятве.

Баку, 31 марта 2023 года

Город покрыл туман. Сегодня День геноцида азербайджанцев. Смотрю телевизор. Идет передача. Опаздывает приглашенный на передачу историк. Наша певица родом из Шемахи, где произошла большая резня азербайджанцев, но она настойчиво утверждает, что родилась в Баку и мало что знает о тех событиях. Рассказывает о своем визите в Норвегию, о том, как Тур Хейердал был влюблен в Азербайджан. Запыхавшийся историк поспевает к концу передачи… «Прошу меня простить, я обошел семь мероприятий и на каждом рассказывал одно и то же», – говорит он, отвлекая внимание зрителя… и не может как следует, со всей точностью донести до своего народа всю горечь и скорбь случившейся трагедии. Во всяком случае мое внимание уже рассеяно…

Под печальную музыку передачи я делаю запрос в Википедии, читаю сведения о 31 марта 1918 года. Перехожу от ссылки к ссылке… Перед глазами встаёт всё, что рассказывала бабушка…

Снова Губа, 31 марта 1918 года

До Губы добрался тот ужас, который вот уже столько дней творится по ту сторону гор – в Шемахе. Часть города, откуда все время доносятся звуки выстрелов, стоны, душераздирающие крики, впоследствии губинцы стали называть «güllə atılan yer» (там, где стреляют). Мирные жители – старики, дети, женщины и девушки – укрылись в подвалах и мечетях. Они даже помыслить не могут, что в дом Божий осмелятся ворваться вооруженные бандиты, решатся предать всё огню. Те, у кого нет подвалов, крепко-накрепко заперли деревянные ставни, ворота, калитки и обратили всю надежду на Бога и на прочность своих домов. Никто не верит, что в город могут ворваться вооруженные армяне. Не верят настолько, что надеются: обычные запертые ставни встанут стеной перед озверевшими армянами, жаждущими крови…

Гаджи Мусе не везло с самого начала. Он всё надеялся и надеялся, что однажды Бог услышит его молитвы и ниспошлет ему сына. Он совершил паломничество в Мекку, воздевал руки к небу и просил у Бога сына, но на молитвы ответа не было. Все знали Гаджи Мусу как доброго человека, всегда готового протянуть руку помощи. Он тоже услышал в тот день звуки выстрелов. И тут же вместе с женой, взяв самое ценное, решил скрыться в гостином доме, который построил возле городского кладбища для паломников, приходящих сюда из окрестных сел и деревень.

Армяне, не рискующие в светлое время суток сталкиваться с нашими отрядами самообороны, ходили по домам, по улицам, ища очередных жертв для своих кровавых зверств. С наступлением ночи армяне врывались в пустующие дома бежавших жителей и до самого утра устраивали засады. Жители Губы, прислушиваясь к стрельбе, по звуку определяли, где, на какой улице происходит расправа, находили на улицах и во дворах тела и хоронили их тут же, прямо на месте.

Земляк Гаджи Мусы, примкнувший к банде головорезов и грабителей, в полночь позвал его поговорить к широкому арыку возле кладбища. Гаджи Муса велит жене приготовить ужин и спешно отправляется на условленное место. «Гаджи, дай пятьдесят золотых. Тебя не тронут…», – воровато говорит отделившаяся от мрака тень. Гаджи Муса снимает чуху, расстегивает верхнюю пуговицу рубахи и показывает ключ, висящий на шнурке: «Все знают, что я щедрый. Этот ключ открывает тайник, где я спрятал золото. Если выживу, если семью мою не тронут, поделю золото с тобой пополам»… Тень не соглашается на это обещание…

В утренних сумерках Джаннат-ханым обнаруживает отсутствие мужа и поручает самому расторопному и смелому из слуг принести муки из подвала их дома и разведать что-нибудь о Гаджи Мусе. Слуге удается тайком от вражеских глаз принести муки для хлеба, но никаких вестей о Гаджи разузнать не удается…

Спустя несколько дней губинцы после пятничной молитвы в мечети Гаджи Джафара, тяжело качая головой и горестно вздыхая, делятся друг с другом о случившемся: «Если б не турки, подоспевшие на помощь с гор, нас истребили бы до последнего». Они рассказывают друг другу еще и то, что среди спасителей были английские солдаты в «юбках».

…В те дни Гаджи Бабе – ахунду мечети – удалось убедить армян отказаться от намерения запереть стариков, женщин и детей, спрятавшихся в этой мечети и сжечь их заживо. Согласно рассказу губинцев, ставшему притчей во языцех, к армянам вышел Гаджи Баба, который призревал сирот-армянок: «Мы опекаем ваших девушек как своих детей, а вы взамен хотите убить нас». Этими словами ему удается предотвратить жуткую трагедию.

После пережитого ужаса, собравшиеся во дворе мечети просят у Бога милости погибшим.

...В тот день сотни людей стали жертвами, их похоронили без обмывания и савана… Среди них был и Гаджи Муса… Его выдала армянам та самая тень, вышедшая от мрака. Горожане, на следующий день выбравшиеся из подвала в поисках пропитания, обнаружили его тело с пулей в сердце и похоронили прямо возле арыка. Гаджи Муса, до самого конца не выдавший тайник, где он припрятал свое золото, крепко сжимал в ладони ключ от клада.

31 марта 2023

Мои воспоминания рассеиваются словно туман в вершинах Шахдага. Шумиха на передаче по телевизору возвращает меня в реальность. В эту секунду я жалею, что не слушала рассказов бабушки. Эх, будь она жива, то… Надо было внимательно ее слушать и записывать, увы… Мне следовало лучше хранить воспоминания об ужасающих событиях, так же как они хранили верность своей клятве. Но у меня есть надежда: пусть подрастет сын – я терпеливо и неспешно поведаю ему, как моя бабушка, о надеждах и людях, погибших в результате армянской резни, погребенных судьбах и надеждах. Я воспитаю в нем бесконечную любовь и верность к Родине…

Прошли годы, но я никогда не смогу забыть нерасчесанных волос моей бабушки, которые та прятала под келагаи, а еще не смогу забыть топор, застрявший в столешнице…

ШИРИН МАНАФОВ

ЧЕЛОВЕК НАБЛЮДАЮЩИЙ: ПРОГУЛКА ПО КАРАБАХУ

Тема восстановления контактов между азербайджанской и армянской общинами Карабаха является сейчас актуальной. Необходимо изучить, из каких источников воду пили карабахские армяне, чем спаивали «айастанцы» тех, кого за глаза называли презрительно «аштвац» (перевертыши). Какими токсичными веществами были отравлены эти источники, и как теперь нейтрализовать многолетнее воздействие этих ядов, оказывавших галлюциногенное воздействие.

В начале осени 1986 года известный кинокритик Тогрул Джуварлы обратился к руководству общества «Знание» с предложением прочитать цикл лекций по культуре в городах Нагорного Карабаха и азербайджанских селах Армении.

Председатель общества, конечно, поддержал инициативу. С Карабахом нет проблем, а вот насчет дальнейшего маршрута все сложнее. Обратились к руководству армянского общества «Знание». Ответ заинтриговал: «Мы не можем дать согласие без разрешения Москвы». Придется ждать несколько месяцев, пока Ереван получит ответ. Посоветовали читать лекции на своей территории. Полнейший бред, дикость, вранье и какая-то программа, – решили Тогрул и шеф бакинского «Знания». Он посетил Карабах, оттуда без согласования вообще с кем-либо проехал в одно из азербайджанских сел Армении близ Сисиана. Все, кто знает Тогрула, удивились бы, если бы он этого не сделал. Теперь становится яснее, с какой целью он приехал в Карабах осенью тишайшего 1986 года. Тогрул хотел посетить зону потаенных идей. Тогда в Баку единицы знали, что идет подготовка к взрыву, к митингам 1988 года, к изгнанию азербайджанцев из Армении, позднее из Карабаха. А пока Ханкенди (Степанакерт) – обычный советский город. Именно в этом старались убедить гостей из Баку, хотя уже шло активное продавливание плана Еревана об изгнании азербайджанцев со своей родины. В автономии среди армян были как сторонники, так и противники этого плана, и существовала большая потребность в контрпропаганде. Ее не было, Баку отделывался давно не работавшими штампами, что преподносилось местному населению как бессилие официального Баку.

Знакомство с загадочной программой началось с села Армянские Борисы близ Шаумяновска. Прежде о причинах, почему эта поездка была для Тогрула необходима. Годом ранее, летом 1985 года, он с семьей отдыхал в Доме творчества кинематографистов СССР в Дилижане. В СССР дан старт перестройке, с ней и с Горбачевым связаны надежды на реформы и обновление, страна и люди радостно ждут преобразований, полные надежд и иллюзий. Время всесоюзного оптимизма и энтузиазма. Но в Дилижане часы показывают другое время. Отдыхающие в Доме творчества киношники из Еревана, обращались к Тогрулу и к членам его семьи только по-армянски, несмотря на то, что прекрасно говорили по-русски. Поразила атмосфера закрытости во Всесоюзном доме творчества. Это было диковато и глуповато, провинциальная заносчивость требовала каких-то объяснений. Кто-то из кинематографистов, случайно оказавшись с Тогрулом один на один в саду перед зданием, заговорил с ним на русском. Тогрул поинтересовался причинами искусственного возведения языкового барьера и примитивным усердием, с которым все это делали. И это при том, что на всесоюзных совещаниях, кинофестивалях армянские «киношники» всегда отличались излишней словоохотливостью, хотя похвастаться стоящими кинокартинами особо и не могли. Зато выделялись страстным желанием быть замеченным столичной кинобогемой, стать своим в их среде.

А тут вдруг с ним говорили только на армянском, опустив глаза, и если скажут пару фраз на русском, то пугливо озираются, как бы кто не услышал.

– Какое-то всевидящее око наблюдает за всеми в Доме творчества в Дилижане? – спросил Тогрул.

– За всеми в Армении, – тихо отвечал собеседник.

Это так заинтересовало Тогрула, что он поехал в Ереван с семьей, прогулялся по городу, и зашел к председателю Комитета армянских кинематографистов. Повод имелся: Тогрул забронировал люкс, а его с семьей поселили в обычном номере. Затем он перевел разговор к возведенному языковому барьеру. На дворе, повторюсь, полный надежд 1985 год, в воздухе тотальный оптимизм по поводу исчезновения из Кремля вечно заспанного Брежнева и прочих старцев. От Горбачева и перестройки ждали радостного, комсомольского прорыва в духе первых пятилеток. Никто в 1985 году еще не мог заподозрить в Горбачеве разрушителя. Да, болтлив излишне, но ведь встречи с народом, обещания, энтузиазм, рядом улыбающаяся Раиса Максимовна, как бы заверяющая советский народ в том, что супруг ее не трепач, обещает светлое будущее – значит будет светлое. Тогрул тактично заговорил о попахивающей средневековьем атмосфере в Доме творчества в Дилижане. Ответ был странным: Тогрулу не повезло, слишком много технических сотрудников, а настоящая кинобогема – режиссеры и актеры – приедет через месяц. Если Тогрул джан приедет через месяц, то его радостно встретят творцы и художники, они жаждут пообщаться с коллегами из разных республик. Ведь для этого и созданы дома творчества – общение, диспут, взаимообогащение… Как же иначе вырваться из пут провинциализма.

Председатель врал, вместе с Тогрулом отдыхала вся ереванская киноэлита. После Дилижана и было принято решение: Карабах.

Первая лекция прошла в молоканском селе Русские Борисы близ Шаумяновска. На следующий день лекцию прочитал в соседнем селе Армянские Борисы, где Тогрула встретил местный представитель общества «Знание» по имени Овик. Скромный, тихий, вежливый молодой человек. Выступление состоялось в местной школе. Старшеклассники не знали ни азербайджанского, ни русского языка. Переводила одна из учительниц. Расстояние между Русскими и Армянскими Борисами всего десять километров – и кардинально разные миры. Молокане прекрасно знали азербайджанский и охотно общались с лектором, масса вопросов, жизнерадостная обстановка. В Армянских Борисах его встретили монолитные ряды закрытых, угрюмых лиц, удивленные самим появлением лектора из Баку. Они были скованные, настороженные, не понимающие, как себя вести, и лектора из Баку восприняли как посланца из другого мира, чужого им и враждебного. Поразительный контраст с аудиторией в соседних Русских Борисах. Село готовит молодежь жить в замкнутом мирке маленькой Армении, не допускающей к себе чужаков, никого из своих во внешний мир и не выпускающей. Детей готовят служению маленькой Армении, затерянной в глухих горах. Удивительная тактика для времени начала перестройки, полной светлых ожиданий и радостных предчувствий. С Армянскими Борисами так было всегда, община вне времени, вне государства.

– Откуда такая скованность у школьников? – спросил Тогрул. – У ваших соседей обстановка повеселее.

Училка в ответ промямлила что-то про неожиданность приезда лектора.

Какая старательность в стремлении сберечь какую-то тайну. Все очень напоминает председателя Союза армянских кинематографистов.

После лекции, опустив глаза, Овик сказал, что не может пригласить Тогрула к себе домой пообедать. Он переживает один из самых печальных периодов в своей жизни. Каждый день он и его опечаленная семья ждут, что придут к ним во двор и срежут их любимое тутовое дерево.

– В СССР объявлена программа борьбы с алкоголизмом, по всей стране уничтожают виноградники, вырубают тутовые деревья, – хотел объяснить Тогрул.

– Нет, эта инициатива исходит из Баку, – отвечали местные жители Тогрулу, – и направлена на уничтожение тутовых деревьев именно в армянских селах. А в таких селах, как Армянские Борисы, да и многих других в Нагорном Карабахе, самогоноварение – одна из самых прибыльных отраслей местного хозяйства. Производством и продажей тутовки занимаются сотни семей, на тутовке держится их благосостояние. Какой самогонщик виноват в том, что покупатели принимают тутовку не как лекарство от ревматизма и радикулита, а как алкоголь/горячительный напиток.

Итак, Овик был опечален и, как все вокруг, был твердо убежден, что инициатива исходит из Баку.

– Как же тогда объяснить то, что по всей республике, в частности, вокруг Кировабада вырезают виноградники? – спрашивал Тогрул.

Ответ был восхитителен и заставлял вспомнить о лукавых увертках председателя Союза кинематографистов насчет атмосферы в Доме творчества в Дилижане. Отвечали Тогрулу так: «Азербайджанцы на все готовы пойти, даже на уничтожение своих виноградников, лишь бы заставить армян срезать тутовые деревья и прекратить пить самим и спаивать мусульман». Тут и начинается самая интересная часть путешествия Тогрула по Карабаху: качество аргументации тех, кто настроен на раскол. Ночевал в гостинице в Шаумяновске, где полно было командированных из Еревана. Для человека, наблюдающего большое скопление в одном месте людей, уверяющих друг друга и заодно местных в том, что Баку мог навязать свою волю Кремлю и заставить объявить бой алкоголикам всей страны, чтобы лишить армян-самогонщиков куска хлеба, – *пердуха*, как выражался Горбачев. *(Генсек ЦК КПСС и президент СССР вместо пир духа произносил пердуха.)*

В этом городке работали филиал Кировабадской кондитерской фабрики и филиал Степанакертского шелкового комбината. Командировочный люд попивал тутовку и ругал Баку за объявленную по всему Союзу антиалкогольную программу. Утром следующего дня Тогрул направился в столицу Нагорного Карабаха. В Ханкенди (Степанакерте) жил в гостинице рядом с обкомом партии, недалеко от стадиона. Мимо длинных рядов торговок семечками он направился на стадион, где проходил футбольный матч двух местных команд, полстадиона женщины в возрасте от 17 до 40 лет, лузгают семечки и комментируют игру. Конечно, по-женски. Обсуждают футболистов, кто из игроков женат, кто холост, у кого в семье так себе, а у кого все нормально, у Ашота последнее время плохое настроение, говорят, жена ушла или грозится уйти, у Армика ноги кривые, и рост маленький, хорошо для игры, но жених незавидный, у Гарика совсем дела плохи, смотрите, вот как по полю мечется, так он и по жизни носится без толку. Словом, это смотрины товара для местных сводниц, выбор потенциальных женихов.

В столице автономии к Тогрулу прикрепили гида Бориса Махмудовича, представителя местного общества «Знание». Этот тип так старался оградить Тогрула от контактов с местным населением, а население от Тогрула, что сам стал объектом исследования. Прежде всего бросалось в глаза стремление скрыть от местного населения и особенно молодежи тот факт, что на карте мира есть город Баку. Нет ни Азербайджана, ни Баку, ни даже близкого Агдама. Есть Степанакерт и Армения. Правда, смущало прибытие с далекой планеты представителя Баку Тогрула. Это – неприятность, ее надо пережить. На следующий день в центральном зале города состоялось торжественное собрание в связи с 30-летием местного общества «Знание». На нем выступили члены делегации из Баку: капитан первого ранга в отставке Коротченко, театровед Шамиль Керимов, замредактора газеты «Коммунист» на армянском языке поэт Сурен и другие гости из Баку. Все говорили о дружбе народов СССР, скрепленной на полях сражений и трудовыми подвигами на колхозных полях, о совхозах-миллионерах Нагорного Карабаха, добившихся поразительных успехов в области перевыполнения планов по озимым, яровым и надою молока благодаря совместному труду доярок-армянок и пастухов-азербайджанцев…

А в переполненном зале нарастал гул, лекторы старались не замечать уже откровенного массового мычания. Причем интересно отметить интернационализм мычания. Зал равно отвергал выступление как русского Коротченко и азербайджанца Керимова, так и армянина поэта Сурена. Ведущий собрания делал вид, что все в порядке, под гул зала благодарил изумленных лекторов и передавал слово очередному оратору. В завершение, после удивленных, ошарашенных «теплым» приемом гостей из Баку к трибуне подошел Тогрул. Оглядел зал, готовящийся спровадить очередного лектора, и произнес речь, которую зал проглотил молча, не издав ни звука.

– Вы интеллигенция Степанакерта, – сказал Тогрул. – У меня к вам вопрос: почему вы мычите? Если есть возражения, встаньте и скажите: я против. А вы мычите, как дети в школе, когда им говорят, что весь класс будет наказан за побег с урока. Я не осуждаю, хочу понять. Давайте разбираться вместе, что вы скрываете и не смеете сказать. Раньше вы молчали, теперь стали возражать. Вы не принимаете общие слова, лозунги и болтовню про трудовые подвиги. Хорошо, но что вас интересует, чем вы обеспокоены… – Зал слушал, затаив дыхание. – Половина зала – педагоги местных школ, – продолжал Тогрул, – другая половина – партийные и комсомольские работники. Мычит весь зал, так пусть хотя бы один встанет и скажет о своих претензиях к нам, к выступающим. Вы считаете, все эти фразы про дружбу народов враньем? Так не скрывайте. Зачем же прятаться так, как прячутся дети, школьники. Да, было сказано много дежурных фраз, но скажу вам честно, я с большим уважением отношусь к армянской культуре, к поэзии… Наапет Кучак, Мкртыч Нагаш, Мовсес Карнаци, Давтак Кертог, написавший «Плач на смерть великого князя Джеваншира». Восхищаюсь стихами Григора Нарекаци. Мне нравится и Ованес Ерзнкаци Плуз, поэт XIII века:

Кто умен, тот с морем схож:
Лей ушатами – все вместит;
На бурдюк дурак похож:
Лишний ковш – и уже трещит.

Хочу напомнить вам слова обращения к девушке влюбленного христианина из его «Ованес и Аша»:

Я живу по Христову закону,
Мусульманин родитель твой.
Что же значит яблоко это, наземь брошенное тобой?
Ты сказала мне: Семя гяура,
Не смотри на меня так хмуро!
Ничего, что твой отец священник,
Мой отец мулла и кади.
Все забудем мы во мгновенье,
Лишь прижмешь ты меня к груди.

Неужели мы глупее людей, живших в XIII веке? – завершил свое выступление Тогрул.

Газеты в таких случаях пишут: «Оживление в зале, бурные аплодисменты, переходящие в овации». По окончании выступления сразу несколько человек, перебивая друг друга, встав со своих мест, заявили, что они ждали таких, как Тогрул, лекторов, они готовы его слушать, оратор наконец-то стал говорить с ними серьезно и откровенно, и они давно ждут такого разговора. Потому что представители Еревана ведут последний год с арцахцами разговор не так, как лекторы – очень редкие – из Баку, которые прикрываются штампами, не понимая, что лицемерие ведет к потере времени, народ хочет разобраться, кто прав и за кем идти. Так разоткровенничались и за десять минут обсуждения так много рассказали о происходящем в Нагорном Карабахе, что ведущий поспешно объявил об окончании торжественного собрания, и микрофоны были отключены.

Зал опустел, гостей пригласили на банкет. Устроителем банкета в ресторане был ректор местного педагогического института, один из лидеров «Крунка», человек очень состоятельный и влиятельный в этом городе, являющийся духовным, финансовым и идеологическим центром движения. Банкет прошел в атмосфере дежурного оптимизма, как будто не было ни коллективного мычания, ни выступления Тогрула, ни бурной реакции слушателей на его выступление. Один за другим партийные руководители автономии произносили дежурные тосты за дружбу народов, за здоровье партийных вождей, как московских, так и местных. Клялись продолжать и развивать, хранить, сохранить и передать самое главное наше общее завоевание – советскую родину, которую наши отцы защитили в борьбе с фашизмом, а нам завещали защитить в борьбе с мировым империализмом. Тогрулу слова не дали, слишком опасно, велик риск того, что хотя бы один-два из вроде бы надежных и проверенных участников банкета могли его поддержать. Тогда как задача ректора и его свиты, среди которых был комсомольский активист Серж Саргсян, минимизировать впечатление от якобы случайного, нестандартного происшествия – массового мычания. Да, в зале было несколько то ли националистов, то ли шовинистов, мы их найдем и накажем, вот они-то и подняли гул, а все остальное сделала акустика зала. В результате у наших дорогих гостей из Баку возникло ощущение, что гудел весь зал. Никогда такого не было в Нагорном Карабахе и больше не будет. Не стоит обращать внимание на выходки двух-трех провокаторов. Если гости хотят, завтра отвезем на любое предприятие, где пообщаетесь с трудящимися и поймете, как мы бережем нашу дружбу.

Но Тогрулу запомнились слова одного из обратившихся к нему после выступления: *Представители Еревана говорят открыто, стремятся убедить нас, что настало время заявить о правах на Карабах, а Баку присылает болтунов, сказочников и они говорят с нами так, будто ничего не происходит*. Нельзя скрывать серьезную проблему – Ереван опережает, инициатива на его стороне. Пассивность была наказана, события после начала митингов в Ереване и изгнания азербайджанцев из Армении были потрясением для руководства во главе с тогдашним главой ЦК республики во главе с К.Багировым.

Вечером в гостинице Тогрул рассказал одному из членов бакинской делегации, что в зале были и местные азербайджанцы, они после выступления подходили ко нему и благодарили за то, что он взорвал тишину, в клочья разнес лицемерие местных властей, в городе все внешне спокойно, но много эмиссаров из Еревана, они открыто выступают перед коллективами предприятий. Тогрул был уверен, что этот коллективный гул зала – не протест, а скорее обращение к представителям Баку принять участие в откровенном обсуждении тревожной обстановки в Армении и Карабахе. Люди в этом городе слушают позицию Еревана, но они хотят обсуждения, им нужна позиция Баку, который прикрывался набором давно не работающих, пустых фраз и лозунгов.

И вот в 2023 году эта тема стала опять актуальной: вновь, как в последние годы СССР, надо донести до армянского населения Карабаха позицию Баку. Вновь, как в 1986-1991 годах, местные власти Ханкенди (Степанакерта) делают все, чтобы именно этого не произошло.

Тогда, в 1986 году, был один армянин, которого очень встревожило не столько выступление Тогрула, сколько реакция зала. Борис Махмудович теперь удвоил свои усилия с целью не допустить контактов местных с Тогрулом. Наблюдательность, открытость в сочетании со знанием армянской истории и культуры делали Тогрула очень нужным собеседником для армянского населения, которое многие годы такие пропагандисты, как Борис Махмудович, уверяли в невероятной легкости присоединения НКАО к Армении. Перед ними варвары. Нет у них ни центров наблюдения, нет и независимых аналитиков, способных предупредить и ликвидировать очередную вспышку арцахомании. А тут очень неприятное открытие: противник не так прост, среди них есть такие, как Тогрул. Знаток армянской истории, поэзии невероятно опасен, умеет мастерски вывести на диалог, на диспут и обсудить существующие проблемы.

Баку проиграл информационную войну в 1985-1991 годах, так как до 1989 года предпочитал ее не замечать. Тогда как, по крайней мере, до 1989 года карабахские армяне стремились узнать позицию Баку, каким видится столице будущее Карабаха.

В результате мы дали время и позволили напитать молодежь иллюзиями. Происходило беспрепятственное конструирование поколения, преданного идее объединения с Арменией. В 1986 году карабахские армяне еще требовали обсуждения, к 1988 году уже не смели. Был установлен контроль, не желающие подчиняться выдавливались из Степанакерта. Уже невозможно было представить себе ни лекторов из Баку, ни обсуждения с ними вопросов, связанных с будущим Карабаха.

Утром после банкета Тогрул наблюдал будни города: школьники рассаживались в автобусы, их везли на прогулку по Еревану. Посещение Баку или Гянджи уже давно не входило в культурную программу для учащихся.

Борис Махмудович тщетно старался отвлечь Тогрула, спросившего у него:

– Интересно, когда была поездка школьников в Баку?

Чем больше старался Борис скрытничать, тем жестче становился взгляд Тогрула.

«Убогий человек, не имеющий ничего, чем бы он мог гордиться, хватается за единственно возможное и гордится нацией, к которой он принадлежит», – отмечал Шопенгауэр. Борис Махмудович и был приставлен к Тогрулу с важной миссией: скрыть по возможности от посторонних глаз процесс создания этого «убогого человека». В 1986 году время еще не созрело. Часть колеблется, восторженная реакция зала на выступление Тогрула – тому подтверждение. Гид напуган, как и ректор и его свита. Большая часть вчерашнего зала оказывается была рада, что Тогрул противоречит всему тому, что им говорят эмиссары Еревана об азербайджанском обществе, обещая легкую победу в блицкриге. Это очень огорчило и насторожило руководство автономии, присутствовавшее на конференции и на банкете. Легкой победы не будет, возможно, как и победы вообще. В 1986 году в Степанакерте еще были люди, сомневающиеся в позиции националистов.

Позднее на встречах с армянскими экспертами на международных симпозиумах Тогрул вновь столкнулся с этим банкетным стилем.

Армянские историки с упоением рассказывали об Ани, древней столице Армении, о великолепных дворцах и храмах – шедеврах армянского зодчества…

Основываясь на исторических фактах, Тогрул опровергал все эти лживые инсинуации, самостоятельно осмотрел Ани, изучил памятники. Выступая на этих конференциях, доказывал, что в Ани представлена и грузинская, и персидская архитектурные школы, что говорит о столице многонациональной империи. В ответ на его заявления армянские историки быстро переводили разговор и намного осторожнее вели диспут, старательно обходя тему древней армянской империи, которой радостно подчинялись (!!!) гораздо менее заметные в экономическом и военном плане государства, такие, как, например, Урарту или Ассирия, не говоря уже о какой-то там Парфии. Удивление и досада в смеси с негодованием – вот состав коктейля, которым угощал Тогрул упивающихся величием древней сказочной армянской империи во главе с Тиграном Великим и сменившим его Ара Прекрасным.

Ни Дилижан 1985 года, ни митинги в Ереване в 1988 году для Тогрула не были потрясением. За много лет до развала страны он наблюдал зачатки карабахских событий, встревожившие его. В 1968 году Тогрул вместе с другом Валерой Иваненко создавал сценарий о ремесленниках Лагича. Происшедшее тогда показалось друзьям всего лишь постыдным мошенничеством. Один из ремесленников предлагал им за неподъемную для друзей цену уникальные, старинные вазы сасанидского периода, примерно VII века. Предки мастера вывезли их из Персии. Произведения были достойны самых престижных музеев мира. Об этом узнала их знакомая Грета Каграманова, тогда сотрудница одного из творческих союзов Баку. На деньги этого самого союза она приобрела уникальные шедевры и несколько работ самого ремесленника-продавца. Так вот в музеях Баку его работы появились, а шедевры сасанидского периода из Баку были вывезены.

Тогрул и Валерий были едины в мнении: Грета обокрала нас всех, обворовала азербайджанский Музей истории, так как шедевры были куплены на деньги музея. Тогда это было воспринято как воровство, мошенничество. Но еще была надежда, так как Грета уверяла, что шедевры в архиве Союза художников, позднее стала уверять, что они перемещены в архив Музея искусств. Тогда никто в Баку и помыслить не мог, что воровство и вывоз произведений искусства – не только грязный бизнес, но и программа, целью которой является обогащение армянской культуры за счет воровства у соседей.

В период развала СССР Грета перебирается в Ереван. В журнале «Литературная Армения» в 1990 году публикует свой очерк о поездке по Нагорному Карабаху под названием «Высек я скале храм божий», где пишет: «Не так давно ученые обнаружили в Азыхской пещере, что стоит, разинув пасть, прямо напротив села Азох в Гадрутском районе, следы доисторического человека, жившего тут миллион лет назад. Что ни говорите, а это обязывает, это делает тебя гражданином человечества и человеком миллионолетней истории». Далее Грета поясняет: «Еще в конце XIX века в пещере видели каменную статую женщины в арцахском одеянии». Ясно, что статую изваяли предки армян, а арцахское одеяние с нее сняли и изорвали в клочья азербайджанцы. Затем надели на арцахскую женщину свои тюркские одеяния, но потом передумали и полностью разрушили статую – символ свободы Арцаха с его миллионолетней историей. В пещере нет никаких намеков на то, что азыхантроп занимался ваянием женских скульптур, равно как и на то, что его спутница предпочитала армянские национальные платья и украшения. Итак, подруга пренеандертальца (при этом следует понимать, что найденные останки не принадлежат предку современного человека, так как в настоящее время учёные больше не считают неандертальцев предками современных людей) – утверждает издающийся в Ереване журнал – была одета в национальные арцахские одеяния.

Этот процесс одурачивания населения, инфицирования манией величия в 1986 году, по мнению Тогрула, в Карабахе только начинался, еще оказывалось ему сопротивление, люди хотели слышать альтернативную позицию. Если бы тогда лектор из Баку рассказал, что самые древние статуи найдены при раскопках вблизи Аммана (Иордания) – VIII тысячелетие до нашей эры. Самая старая статуэтка в виде женской фигуры как символа плодородия найдена в пещере Холенфельд – ей 40 тысяч лет… Хотя бы пара трезвых людей потребовала бы у Греты фото статуи арцахской подруги питекантропа. Далеко не все в 1986 году в Степанакерте позволяли спаивать себя иллюзиями.

Французы как невероятный успех преподносят свои достижения в изучении пещеры Мандрена, им удалось доказать, что время пребывания современного человека в Европе – не 40 тысяч лет, а на целых 10 тысяч лет больше. В Азыхе ставки многократно выше и масштаб памятника много значительнее. Здесь изучается, как происходил процесс «накопления качества», то есть процесс формирования генома представителя расы Хомо сапиенс, который привел к взрывному характеру развития эволюционного процесса. Азых – это лаборатория с гораздо большим масштабом воздействия на эволюционный процесс человека и на генеалогическое древо.

Минимум 20 лет из 26-ти лет оккупации Карабаха армяне с французами копали Азых, издали в Ереване книгу о своих изысканиях. Хватило ума не назвать обитателя пещеры Азых – азыхантропа первым армянином, как это сделала в своем очерке Грета Каграманова, опубликовав в журнале «Литературная Армения» гимн армянской претенциозности.

Тогрул в 1986 году в Степанакерте видел людей, тогда еще смевших возражать бреду ереванских ораторов. Через два года они ушли в подполье. Вопрос в том, как дать реалистам голос? Женщина переехала из Баку в Ереван и из вора стала идеологом культа превосходства. Ведь все дозволено: воровать вазы, чужую историю и пичкать потомков азыхантропа дешевой бурдой из грязных источников. Если азыхантроп охотится на мамонта со своей арцахской спутницей, то ясно, что Ассирия платила дань Тиграну Великому, а Кавказская Албания – лишь сновидения историка Фариды Мамедовой.

Конечно, важно исследовать культуру, которая скармливает своим крепостным иллюзии и создает программу обогащения за счет грабежа культур соседних народов. Тогрул считает важным отметить тот факт, что он еще застал тот период, когда карабахские армяне хотели оставаться реалистами и стремились получить от Баку аргументацию против проповедников миллионолетней истории Армении.

Пещера Азых была настолько ценным объектом, что армяне приложили массу усилий для приватизации ценного объекта. 20 лет подряд Академия наук Армении финансировала проведение полевых работ в пещере Азых, приглашала иностранных археологов. До последнего времени здесь велись раскопки, настолько важное значение придавали закреплению за армянской наукой достижений в исследовании древнего человека. Сразу после потери Карабаха «академики» подняли вой: спасите армянские памятники истории и культуры, среди самых ценных назвали пещеру Азых.

Среди более чем 2600 памятников культуры в Карабахе, среди 121 археологического памятника в этой зоне Азых в мировом рейтинге по Карабаху – в первой пятерке уникальных объектов всемирного наследия. Уникальность Азыха: единственная в мире пещера, где в одном разрезе мощностью в 15 метров зафиксировано три этапа эволюции, приведших к появлению Хомо сапиенс. Выявлены три этапа заселения пещеры: самый глубокий – 1 миллион 200 тысяч лет, второй – 400 тысяч лет спустя, третий – 200 тысяч лет спустя. Это не какой-то липовый Тигранакерт, якобы найденный армянами вблизи крепости Шахбулаг. Это настоящее, подлинное. Стоило потратить значительные средства в попытке присвоить достижения азербайджанской науки.

Ученые НИИ археологии Азербайджана изучают Азых с 1960 года с участием не менее чем 70-ти специалистов из нашей академии и ведущих институтов Баку. Историки, археологи, зоологи, анатомы, антропологи, генетики…. Сотни статей, монографий и книг издано в Баку по всем направлениям проводимых исследований. В начале 1980-х годов в Париже на Международной выставке-конференции достижений археологии СССР был представлен артефактами из пещеры Азых. Тогда в столице Франции было отмечено высокое качество исследований азербайджанских ученых. Руководителем первой экспедиции был открывший уникальный памятник академик Мамедали Гусейнов. Он автор широко известной в научном мире монументальной монографии об исследованиях Азыхской пещеры. В ней изложены результаты многолетних исследований азербайджанскими и московскими учеными за почти 40 лет интенсивного изучения Азыха. Ни одного ученого из Армении в советский период в качестве участника исследований там не было. Ведущие специалисты во главе с академиком Мамедали Гусейновым все годы оккупации Карабаха публиковали материалы об Азыхе в международных научных журналах, считая своим долгом отстоять ценный памятник и не позволить НИИ археологии Еревана приватизировать самый знаменитый в научном мире памятник Карабаха. Ряд ученых – историков и археологов Азербайджана – подписались под требованием о возбуждении уголовного дела против нескольких армянских и европейских ученых по факту незаконных раскопок на временно оккупированных территориях, что преследуется по закону, согласно Гаагской конференции, подписанной и Арменией, в частности.

Точно так же некорректно, без соблюдения в научном мире правил издана в 2016 году академией Армении книга об Азыхе. В ней нет никаких ссылок на более чем 40-летний период изучения Азыха нашими учеными, как будто книга создана по результатам только что проведенных исследований. Армянская сторона, не упоминая о публикациях наших ученых, вместе с тем щедро используют весь накопленный за 40 лет изучения опыт работы в Азыхе бакинских и московских ученых.

Изданная в Ереване книга – это попытка перечеркнуть многолетние исследования и достижения наших ученых. В 2021 году бакинскими археологами возобновились прерванные оккупацией Карабаха полевые исследования Азыха, к которым будут привлечены иностранные специалисты.

То, что бакинские знакомые воспринимали кражу Греты защитно-приспособительной реакцией, попыткой вписаться в ереванскую элиту, в которой производство претенциозного бреда поставлено на поток, оказалось реализацией программы воровства и откровенного присвоения чужой истории и памятников чужой культуры. Только если с сасанидскими вазами Грете повезло, то с азыхантропом – обожателем арцахских красоток она стала посмешищем в глазах археологов и антропологов.

Украденные шедевры должны работать на идею превосходства, мы в окружении варваров. Отсюда поразительная для беззаботного блаженного брежневского застоя установка для школьников в Армянских Борисах на изоляцию.

Армяне забавны тем, что убедили себя: азербайджанское общество монолитно в своей неспособности к рефлексии. Тогрул в своей поездке по Карабаху дал понять, что тот, кто обещает им легкую победу, – враг армянского народа.

– Давайте относиться друг к другу с уважением и интересом, – обратился тогда к залу Тогрул. – Давайте изучать друг друга. Мы знаем друг о друге слишком мало.

Тот факт, что им стоило бы изучать азербайджанцев, воспринят был частью зала как оскорбление, но многие окружили Тогрула после выступления и беседовали с ним откровенно, радуясь свежему человеку. По возвращении домой Тогрул рассказал о стремлении части армянской общины наладить диалог с Баку, но не был услышан.

Проблема ближайших десяти лет – сотрудничество двух общин, адаптация к совместному проживанию в регионе. Эта проблема осложнена тем, что, в частности, в 1984-1988 годах в Нагорном Карабахе мы не оказали поддержки сомневающимся.

Обращение Тогрула тогда выслушали в гробовой тишине. Зал уловил сигнал: *Ребята, вы слишком упрощаете. Высокомерие – штука коварная, и вас ждут открытия. В отношении как азербайджанцев, так и в отношении вас самих. Все эти открытия очень неприятные. Иллюзии опьяняют посильнее тутовки, но не стоит так налегать. Одно из открытий – моя скромная речь насчет вашего мычания. Мы изучаем подземные толчки независимо от распоряжений как Кремля, так и официального Баку.*

Армянская позиция в отношении внешнего мира позволяет себе роскошь не допускать наблюдателя и не считаться с мнением не влюбленных в их сказки и мифы. За это Армения расплачивалось так дорого и так часто, что упорство вызывает интерес к подобному историческому инфантилизму. Армянская история – во многом следствие обожания собственных грез, что привело к странной позиции в отношениях с соседями, да и всем миром: не мешайте нам упиваться грезами о скором будущем, когда Средиземное море станет внутренним морем армянской империи.

Уязвимость великой армянской стены – открытие, которое Тогрул подарил кураторам конференции 1986 года. Годом ранее в Дилижане он наблюдал рождение стены. Бакинец не должен знать, что творится за стеной. Поэтому шеф Союза армянских кинематографистов и сказал ему: *Никто от вас не ограждается. Никакой стены между нами нет. Мы все советские люди.*

Тогда Тогрул и поехал в Карабах, где воочию смог наблюдать возведение этой стены. В 1986 году армянская община Карабаха была отнюдь не монолитной. Еще были возражения, еще смели требовать обсуждения предлагаемого Ереваном сценария.

Человек наблюдающий опасен, он легко прошел сквозь стену, показав ее хрупкость и уязвимость. Беседа со слушателями после лекции убедила Тогрула – у провокаторов есть страх, он не случаен, есть еще в Ханкенди (Степанакерте) много людей, не желающих верить примитивным бредням про армянских львов и трусость врага.

Сокрытие уязвимости стены от вроде бы своих, от карабахских армян и привело к поражению в 2020 году. Более 50 лет упорного труда по присоединению Карабаха к Армении, и каков результат? Три поколения армян возводили замок из стекла, окруженный слепой верой в сказку о том, как государство-крепость способно испугать соседей и возвести на их страхе жалкий миф о Великой Армении.

МУСТАФА ЧЕМЕНЛИ

Чахаргях

Рассказ

Перевод Эльшады АЗИЗОВОЙ

Посвящается светлой памяти
устада-ханенде Сеида Шушинского

– Мансур погиб!!!

– Полководец Мансур погиб в бою!

– Погиб единственный сын шаха Фируза!..

Эта ошеломительная новость словно зависла в воздухе. Все полководцы, тысяцкие, сотники старались сохранить в тайне смерть Мансура, но возможно ли это было? Ведь, как говорится, слухом земля полнится.

Смерть застигла полководца Мансура внезапно, неожиданно. В момент полной победы над врагом, завершения войны, когда знамя победы водружалось над вражеской землёй.

Вот уже сколько лет шли кровопролитные бои, кровь лилась рекою. Уже все устали от сражений, отвоевались, уже один вид крови претил им, вызывал отвращение. И в момент, когда страсти только-только поутихли, начали остывать, когда мечи были вложены в ножны, а стрелы – в колчаны, в момент, когда полководец Мансур пребывал в состоянии блаженства – упоения от одержанной победы, вдруг неожиданно, откуда ни возьмись, одна стрела устремилась в его сторону. Из груди полководца Мансура вырвался короткий стон. Находившиеся рядом воины, в мгновение ока подхватив пошатнувшегося полководца, подняли его над головами.

В тот же миг умолкли трубы-геранаи, тарелки-синджи, трубы-рога, исполнявшие победный марш, были приспущены знамёна. Все закричали в один голос:

– Мансура убили!!!

– Убили!!! Убили!!!

– Убили нашего полководца!..

– Убили… Убили…

Таким образом, полководцам, тысяцким, сотникам не удалось утаить новость о смерти Мансура. Как говорится, плохие вести не лежат на месте. Весть о смерти Мансура, словно обретя крылья, разнеслась с молниеносной быстротой…

Ведь был убит главнокомандующий страны, очистивший родину от заклятого врага. Войско, потрясенное этой вестью, находилось в глубокой скорби. Не стало их полководца, неизменно призывавшего своих воинов к сражениям, рукопашным схваткам, к победам. Весь народ, вся страна погрузилась в неизбывное горе. Было решено хоть на некоторое время скрыть эту горестную, скорбную весть от отца Мансура, властителя страны. Но не удалось. Горькая новость дошла и до шаха. С горя у шаха подогнулись колени, под непосильной тяжестью утраты согнулись плечи, в одну ночь поседела голова. С того дня шах, удалившись в свои покои, замкнулся в себе, став отшельником. Погрузившись в бездну печали и тоски, он таким образом коротал свои безрадостные дни, не желая никого видеть и слышать. Проходили дни, уже могила Мансура покрылась зеленой травой, но шах так и не смог оправиться от горя. Позабыв о своей необъятной стране, он оставался наедине со своим горем.

Визирь, векиль, согнувшись перед шахом в три погибели, пытались как-то утешить его: «Да здравствует шах, – увещевали они, – каждому отпущен свой срок, нельзя умереть вместе с умершим, нельзя идти против воли Аллаха». Однако ни увещевания, ни наставления – назидательные изречения мудрецов, нисколько не подействовали на него. Шах словно не слышал их, был глух и нем.

В один из дней находившийся при дворе шут, набравшись смелости, решил рассмешить шаха, однако бедняга, подпав под гнев повелителя, лишился головы. Одалиски, одна прекраснее другой, тоже не смогли ублажить душу шаха, напротив, старшему евнуху, пославшему наложниц к повелителю, также пришлось расстаться с головой. Так как шах был погружен в горе, страна тоже находилась в трауре. Народ искренне любил своего полководца Мансура за его отвагу и доблесть. Визирь, векиль, каждый вечер собравшись и посовещавшись, искали выход из положения. В один из таких вечеров визирь сообщил векилю, что, мол, до сих пор у шаха не побывали только музыканты. Вся надежда на них. Сказывают, что музыка – это пища для души, может, их игра и пение заставят шаха позабыть о своём горе. Эта группа музыкантов за всё время войны находилась рядом с полководцем Мансуром. Во время отдыха после боя они услаждали слух воинов музыкой и пением. Поэтому главный визирь вызвал к себе старого лютниста – исполнителя на уде. Во дворце все его величали обращением «Устад», т.е. мастер-виртуоз.

Вскоре Устад предстал перед визирем.

– Я явился по вашему зову, ваше высочество, – произнёс он, поклонившись.

Визирь, довольно кивнув головой и скользящими движениями перебирая между пальцами бусины чёток, сказал:

– Устад, наверное, вам известно, в какое затруднительное положение мы попали.

– Да, ваше высочество, известно.

– В таком случае, может, вы найдёте выход из положения.

– Ваше высочество, вы хорошо знаете, что прекрасный голос, сладкозвучная мелодия – услада для души, – склонив голову, произнёс Устад. – Чудотворные звуки, исходящие от сетара, лютни-уда, свирели-нэйя, танбура, синджа, барабана, заставляют человека забыть о своем горе, наполняют душу умиротворением, отрадой. Мансур был сыном не только шаха, но и всего народа. Он – наша гордость. Мы слышали, что многие хотели своим искусством утешить душу шаха, но, к большому сожалению, безуспешно.

– Да, – задумчиво произнёс визирь. – Никакого результата. А вы как думаете?

– Ваше высочество, мы – песенники. Всё, что у нас в душе, все слова мы передаём песнями, музыкой. То, что невозможно выразить языком, мы выражаем через музыку, пением и игрой на инструментах. Конечно, у нас тоже есть что преподнести в дар шаху.

– Что это за дар?

– Мы будем воспевать жизнь и отвагу полководца Мансура. Хотим описать шаху музыкой все события, очевидцами которых мы были.

– Прекрасно, – обрадовался визирь. – Если вы сумеете утешить шаха, вас ожидает большое вознаграждение. Но если вам это не удастся… – визирь, сощурив глаза, посмотрел на Устада. Прочитав по взгляду визиря, что тот собирался сказать, Устад озвучил их:

– Виселица?!

– Так точно, виселица! Ну, что, согласен?

– Как прикажете, ваше высочество.

– В таком случае вечером после ужина предстанете перед шахом.

Устад, что-то подумав, обратился к визирю:

– Ваше высочество, меня осенила одна идея.

– Что за идея?

– Знаете… Если мы, неожиданно представ перед шахом, вдруг начнём петь и играть, то боюсь, что можем вызвать его гнев.

– Ну да, всё возможно, – произнёс визирь.

– В таком случае позвольте нам петь и исполнять музыку в комнате неподалёку от шахских покоев. Поверьте, шах сам, услышав наше исполнение, позовёт нас к себе.

– Хорошо, пусть будет по-вашему, – чуть подумав, согласился визирь. – Ступайте готовьтесь. Но помните, что ваша судьба висит на волоске.

Устад, поклонившись, покинул комнату. После ужина музыканты собрались у визиря. Визирь сам тоже был сильно встревожен, переживал за исход этой затеи. Тяжкие думы одолевали его. Мысль о том, как сложится его судьба, что ожидает его самого, если вдруг, не дай Аллах, исполнение музыкантов не доставит удовольствие шаху, вызвав его гнев, сильно угнетала визиря. Если шах разгневается, то, наверное, он тоже не избежит наказания. Шах обвинит в этом и его, предав в руки палача… Но другого выхода не было. Призвав в помощь Всевышнего, он повел музыкантов в помещение, расположенное в двух комнатах от шахских покоев.

– Вот ваша комната. Теперь всё зависит от вас, – произнёс он, пройдя и усевшись во главе меджлиса. Музыканты, расположившись на постланных на полу тюфяках, начали наигрывать на музыкальных инструментах. Сам ханенде-исполнитель был задумчив. От его пения многое зависело. Вначале зазвучала свирель. Какое же необъяснимое таинство было сокрыто в этом крохотном инструменте, выточенном из обычного тростника. По мере того, как чарующе нежные звуки, извлекаемые из этой тростниковой свирели, разливаясь вокруг, воспаряли всё выше и выше от одного лада к другому, перед глазами оживали живописные картины величественных гор и ущелий, бескрайних степей и лугов, сенокосов, с табунами скачущих лошадей, стадами пасущихся овец, бесконечными верблюжьими караванами.

Вдруг неожиданно на призывный клич свирели подоспел тихий, словно жалобный стон, доносящийся откуда-то из небытия, звук нэйя. Изливающиеся из нэйя проникновенные звуки напоминали стенания, вырывающиеся из груди человека. Эти звуки словно повествовали о происходивших событиях, о превратностях жизни. Наконец, заговорил и канон. Словно подул свежий ветерок. В этот момент звуки лютни Устада, слившись со звуками свирели, нэйя, канона, словно призывали человека к спокойствию, сдержанности. Исходящие из этих разнозвучных и разноформатных музыкальных инструментов мелодии, слившись воедино, создавали такое прекрасное благозвучие, что до сих пор внимавший им визирь, находясь в состоянии отрешенности, позабыл о своих полномочиях. Разливающаяся вокруг пестрота многозвучия, отдаваясь раскатным эхом, напоминала море с его приливами и отливами.

Наконец, исходящее от музыкальных инструментов волшебное многозвучие привело молодого ханенде в состояние экстаза. Ударяя по бубну в такт песне, он начал петь. Исполняя песню, он то впадал в состояние неистовства, то, словно птица Феникс, страдальчески сгорал и вновь возрождался из пепла. Голосовые вибрации ханенде при исполнении мугама «Сегях» сводили человека с ума, приводя в неистовый восторг. В его голосе были заключены вся тайна вселенной, всё волшебство мироздания. В этот миг его голос словно мчался на быстрокрылом гнедом скакуне, гарцуя и паря между небом и землей. Сам ханенде, в состоянии беспамятства, находился в совершенно другом, неведомом мире, полностью отдавшись чувствам невесомости и окрыленности. Он не помнил ни себя, ни окружающих вокруг людей. В его голосе, пении были слышны треск раскачивающихся под ветром ветвей, шелест листьев, трели и щебетание птиц, ржание лошадей, суматошное многоголосие, тысячи оттенков и перемен в настроении. Своим голосом он то убаюкивал, доставляя душе полное умиротворение, то причитал, то возносился до небес, то низвергался на грешную

землю, то был полон воодушевления, то впадал в уныние, то превращался в обездоленного горемычного, то становился отважным героем, то любил и был любим, то корчился от боли, неудач и безнадёжности. Был то пешим, то на коне. Исполняя басом, становился сказителем, на высоких нотах – бунтарём. Был то поверженным, то триумфатором. Голос певца, сверкнув молнией, раздавался раскатами грома. То озарял всё вокруг солнечным светом, то разливался ливневым дождём. В тот момент, казалось, в лице ханенде представал сам полководец Мансур. Мансур, который любил и был любим, радовался и печалился, то отводил войска назад для передышки, то наступал с новыми силами против врага. Глаза визиря были полны слёз. По мере исполнения песни ему казалось, что перед ним распахиваются невидимые доселе врата. За этими вратами не было сокровищ, драгоценностей, но было что-то необыкновенное, более ценное, великолепное, глубинное. Нет, безусловно, всё это сокрытое в голосе ханенде волшебство, таинство, не поддающееся никакому измерению, было ниспослано свыше, шло от Всевышнего. Подобным магическим голосом Всевышний наделял лишь избранных, чтобы можно было лить бальзам на душу, стать утешением для страждущих. И вот теперь этот молодой ханенде своим взметнувшимся до небес чарующим голосом превращал пылающие гневом сердца в воск, словно окропляя водой бушевавшее в их душе пламя. Этот голос пробуждал спящие чувства, напоминал о давно позабытых страстях, призывая людей быть чуткими. Голос ханенде, словно птица, устремлённая из необъятных небесных просторов вниз, опускался от одного лада к другому всё ниже и ниже. Ханенде завершил мугам на той же ноте, с какой и начинал. Едва смолкли последние звуки потрясающей музыки, как тут же распахнулась дверь. В проёме двери появился дворецкий. Обращаясь к визирю, он произнёс:

– Ваше высочество, шах зовёт вас.

Визирь побледнел.

– К добру ли? – спросил он.

– Не могу знать, но шах не выглядел гневным. Иншаллах, будет к добру.

Визирь, быстро вскочив с места, поспешил к шаху. Музыканты стали молча дожидаться конца этого дела.

Визирь, призвав Всевышнего в помощь, вошёл в покои шаха:

– Слушаю вас, ваше величество, гиблеи-алем.

– До моего слуха доходила такая прекрасная музыка, что... Ах, просто чудо... Ханенде пел так божественно. Словно это был сам хазрети-Дауд, – произнёс шах.

– Да здравствует шах, они хотели выступить перед вами. Я не пустил, боялся, что омрачим вам настроение, – произнёс визирь, несколько воодушевившись.

– Визирь, пока они пели и играли, перед моими глазами всё время представал живой образ Мансура.

Из груди визиря вырвался тяжелый вздох:

– Ваше величество, в этой музыке сокрыто великое таинство. Те, кто создал её и исполнял своим восхитительным голосом, – это любимые создания Аллаха. Поверьте, не будь музыки, человек весь извелся бы в скорби и печали.

– Правду говоришь, визирь, снедающие душу по ночам грусть и тоска разят сильнее вражеского войска, неотступно преследуя тебя.

– Так точно, ваше величество. Человеку не всегда дано жить в радости и беззаботных утехах. Грусть и печаль – тоже неизменные спутники нашей жизни.

– Да, так и есть, – произнёс шах. – Таково предписание Всевышнего, всё в Его руках... Ты позови этих музыкантов, пусть явятся.

Визирь, склонив голову, вышел. Он передал сторожившему в дверях лакею – фаррашу, тот, в свою очередь, стоявшему чуть поодаль другому слуге – гуламу, что шах ждёт музыкантов, пусть явятся к повелителю. При этих словах музыканты, тут же поднявшись с места, поспешили к шаху. Поклонившись шаху, они стали ждать его

приказа. Шах дал им знак садиться. Устад, заметив на лице визиря довольное выражение, с облегчением перевёл дух.

Шах обратился к самому пожилому среди музыкантов – Устаду:

– Визирь сообщил мне, что у вас есть какой-то энам – сюрприз для меня. Что это такое?

Устад, отложив лютню в сторону, поднялся на ноги, отвесив шаху низкий поклон:

– Да здравствует шах, мы во всех битвах были рядом с вашим сыном, нашим великим полководцем Мансуром. Были очевидцами страшных кровопролитных сражений. Видели, как на наших глазах гибли люди, то ликовали, то испытывали потрясение, пребывая в горе и печали. И теперь мы все свои горести и печали, чувства восторга и радости передаём через свои песни. Вечной жизни и здравия шаху, каждый изображает увиденное в соответствии со своим ремеслом. Кто-то слагает стихи, кто-то описывает всё это в летописи, третий ткёт ковры, изображая на них сцены из жизни. А мы изображаем, рисуем картину увиденных событий через музыку... Вечной жизни и здравия шаху, мы ублажатели душ. Никому от нас не будет вреда. Позвольте нам исполнить в честь Мансура мугам «Чахаргях».

Шах поудобнее расположился на месте.

– Пожалуйста, милости просим, – произнёс он.

Музыканты заняли свои места. Устад дал знак сидевшим вплотную друг к другу музыкантам приступить к исполнению. Музыканты начали со вступления к мугаму – с прекрасного «дерамеда». Не успели смолкнуть последние звуки «дерамеда», как голос молодого ханенде, подхватив на ходу замирающие аккорды, взмыл ввысь дискантом. Исполняя в высокой тональности, ханенде заливался умопомрачительными руладами, производя виртуозные пассажи. В его голосе грохотал гром, гулко отдаваясь вокруг грозными раскатами. В этот миг ханенде словно находился в преддверии сражения. По мере исполнения он постепенно, словно человек, с осторожностью спускающийся с отвесной горы в ущелье, начал медленно планировать вниз, приближаясь к «Майе». Низвергавшиеся до сих пор с ревом и грохотом с гор селевые потоки теперь уже, утихнув, вошли в свое русло.

Шах, прикрыв глаза, внимал ханенде, весь отдавшись магии его голоса. Нежный, проникновенный голос ханенде, музыкальное повествование, передаваемое этим многокрасочным голосом, доставляли его душе неописуемое наслаждение. Каждый отдел мугама ханенде завершал ритмической песней – теснифом. Исполняемые им теснифы вносили в душу человека покой и умиротворение, состояние весеннего обновления. Шах ясно ощущал героический дух мугама. В это время ханенде, словно позабыв обо всём на свете, витал в совершенно ином мире. Обратившись в птицу Феникс, он дотла сжигал себя в огне. Когда ханенде добрался до отдела «Мансурия», шах, будучи не в силах спокойно слушать эту, созданную в честь его сына, торжественную музыку, испепеляющую всё вокруг своим пламенем, невольно поднялся с места. Визирь тоже, тут же вскочив на ноги, встал рядом. Ханенде, прикрыв глаза, пел всем своим существом. Своим бесподобным голосом он воспевал отвагу и доблесть Мансура, отдавшего жизнь во имя свободы Родины. Каждый перелив, каждая рулада в его голосе обжигали сердца своим пламенем. Голос ханенде, подобно орлу, то устремлялся высоко-высоко в небесные дали, то, расправив крылья, медленно реял в просторах поднебесья. В это время музыканты неотступно следовали за голосом ханенде. Шах и визирь всё ещё находились на ногах. Наконец, ханенде вывел последнюю руладу и умолк.

Шах прошел и уселся на троне.

– Каждого из вас ждет большое вознаграждение от меня, но только вначале вы должны раскрыть нам секреты своего исполнения, а мы послушаем. И в самом деле, мугам – это загадочный мир, полный таинств.

– Вечной жизни и здравия шаху, – произнёс Устад, склонив голову. – Исполненный только что нами мугам «Чахаргях» полон тайного смысла и символов.

– Что означает само слово «чахаргях»? – спросил шах.

– Да здравствует шах, «чахар» означает четыре, а «гях» – место, позиция, ситуация, состояние, – ответил Устад.

– Прекрасно, ну что ж, давайте начните тогда, мы вас слушаем, – произнёс шах, поудобнее расположившись на месте.

– Ваше величество, гиблеи-алем, есть такие понятия, которые невозможно описать обычными словами, в таком случае они утрачивают весь свой смысл и красоту. Есть такие глубокие чувства, которые очень трудно выразить словами. В начале мугама мы исполнили «дерамед». В этом «дерамеде» звучит сигнал тревоги, призыв к мобилизации. «Дерамед» проникнут таким настроением, словно вот-вот неожиданно что-то случится. Далее мы от «дерамеда» перешли к отделу «Майе». В этот момент словно на небе прогремел гром, ударила молния. Этот отдел наполнен смятением, переполохом, суматохой. Эти смятение, тревожность ясно ощущаются и в голосе ханенде. Потому что в этом месте мугама уже речь идёт о начале войны, боевых действий, об угрозе, нависшей над страной, – при этих словах Устад сделал глубокий вздох и продолжил: – Ваше величество, гиблеи-алем, в «Майе» этого мугама есть колено под названием «Бедр», которое указывает на четырнадцатидневную луну. Потому что война была начата в такую лунную ночь. Языком музыки повествуется о том, что, несмотря на такое замечательное время года, враг, невзирая ни на что и попирая всё прекрасное на земле, идёт войной на нас.

На этом месте Устад пристроил свою лютню на коленях.

– Да здравствует шах, а вот это – отдел мугама «Бесте-нигяр», – при этих словах Устад начал играть, а потом продолжил: – Вечной жизни и здравия шаху, ваше величество, в этом отделе как игра на инструментах, так и пение очень трогательны. Голос ханенде здесь тоже звучит необыкновенно проникновенно и горестно. Потому что он пронизан стенаниями и жалобами, пропитан слезами матерей и молодых девушек-невест, калек, пожилых людей, провожающих своих близких и родных на войну, в нём звучат тоска разлуки, беспокойство и тревога... О, ваше величество, чего только нет в этом «Бесте-нигяре». Здесь есть одно колено под названием «Бидад». В этом колене ханенде словно бьёт в набат. Кроме него, внутри «Бесте-нигяра» есть и ещё одно колено – «Бал-Кабутар». В этом колене тоже кроется символика. «Бал» означает крыло, «кабутар» – голубь. Многие могут подумать, что, мол, с каким намерением этому колену дано такое название – «Крыло голубя»? В действительности, всё очень просто. В этом колене упоминаются всадники, делается намёк на быстрокрылых скакунов, сидя на которых, воины громят своих врагов. Ведь недаром говорят: Джигит и конь – неразлучные, сроднившиеся братья. На коне держится всадник, на всаднике – крепость, а на крепости – государство. Наши джигиты-храбрецы на коне родились и состарились, да и на тот свет тоже отправились, находясь верхом на коне, – и Устад вновь заиграл на лютне, другие музыканты тут же присоединились к нему. Устаду хотелось показать шаху, какие чудеса способен творить мугам. Когда на время стихла музыка, шах промолвил:

– Устад, хотя я уже до этого слушал только что исполненный вами «Бесте-нигяр», он нисколько не утомил меня, словно это было впервые.

– Так и есть, о, шах, вечной жизни и здравия вам, в этом и заключаются всё величие и недосягаемость мугама. Хотя мы ходим по одной и той же проторенной дороге, но ведь каждый раз мы двигаемся по ней разной поступью. Если даже мы станем слушать этот мугам по сто раз в день, каждый раз он будет восприниматься нами по-новому. Ведь душевное состояние, настроение и у музыкантов, и у слушателей каждый миг могут меняться. Мы переживаем разные чувства – бываем то печальны, то радостны, то гневаемся, то находимся в состоянии умиротворения. И

музыка тоже воспринимается нами по настроению. В этом мугаме заложены тысячи нюансов человеческих чувств. Мугам подобен громадному костру, в который каждый бросает свою щепку для ещё большего его возгорания. В этом мугаме увековечены наш менталитет, наши намерения и предназначение, национальные обычаи и традиции, наша родина, ее горы и долины, леса, реки и родники, наше прошлое, настоящее и будущее...

Устад говорил, а шах с явным удовольствием внимал ему:

– Да здравствует шах, этот мугам – целая бездна, если кто и скажет, что сможет выбраться из этой бездны, будет ложью. Из этой бездны мы черпаем лишь одну горсть... В одном лишь «Бесте-нигяре» чего только нет... В этом отделе есть одно колено под названием «Зенги-шотер». В нём упоминаются верблюды, нагруженные боеприпасами. Также не ускользнуло от внимания и указание на скалистость местности, где происходят боевые действия. Об этом уже языком музыки повествуется в «Земинхаре». Ну вот и завершился «Бесте-нигяр», и мы уже исполняем «ренг» – ведь невозможно бесконечно сражаться. Войско должно передохнуть и лишь потом атаковать врага с новыми силами. О, шах, после этого ренга – передышки исполняется часть мугама «Хасар». Здесь повествуется о том, как войско подходит к стене вражеской крепости, как обе враждующие стороны вступают в схватку друг с другом. Ваше величество, позвольте нам исполнить часть мугама – «Хасар», а ханенде пусть вновь очаровывает нас своим голосом.

– Пожалуйста, пожалуйста, пусть споёт, а мы послушаем, посмотрим, как будет захвачена нами эта вражеская крепость, – произнес шах.

– Вечного здравия шаху, – продолжал Устад. – В «Хасаре» словно два войска находятся друг против друга, лицом к лицу. Идёт сражение не на жизнь, а на смерть. В этой части происходит такое столпотворение, слышны крики и вопли, возбужденное состояние, звучит торжество над врагом. А теперь мы наглядно покажем это, – при этих словах Устад сделал знак музыкантам. После исполнения отдела «Хасар» Устад сказал: – Да здравствует шах, теперь мы после «Хасара» исполним музыкальный отрывок «Муалиф». В этом отрывке и пение, и музыкальное сопровождение пронизаны грустью и печалью. Потому что во время сражения среди воинов было немало погибших, раненых и пропавших без вести. Вот послушайте...

Ханенде, спев «Муалиф», замолчал.

– А теперь мы исполним «Гярра», – произнес Устад. – Ваше величество, «Гярра» указывает на историю. Давайте послушаем.

Ханенде начал исполнять «Гярра», в момент перехода к «Мухалифу» Устад, без всяких комментариев, громко объявил: «Мухалиф».

Ханенде перешёл к «Мухалифу», словно очутившись в совершенно ином мире.

Когда ханенде, спев «Мухалиф», уже наносил руладами последние штрихи, Устад, обращаясь к шаху, сказал:

– О, великий повелитель, почувствовали ли вы в этом «Мухалифе» то противостояние, противоборство, ту ожесточенную схватку?

– Не только почувствовал, но даже думал, что сам возглавляю это войско, – с улыбкой произнёс шах.

– О, шах, в этом «Мухалифе» словно клокочет и бурлит ваша душа, душа нашей отчизны, народа. Этот мятежный, бунтарский дух в нём неистребим, бессмертен, вечен. А сейчас наш ханенде своим проникновенным голосом исполнит музыкальный отрывок «Маглуб». Тем самым ханенде возвещает о гибели полководца Мансура. После «Маглуба» в честь нашего незабвенного полководца будет исполнена «Мансурия».

«Мансурию» ханенде спел с особым воодушевлением, словно вложив в неё всю свою душу. В этот миг завораживающий голос ханенде засверкал всеми своими гранями, во всех своих неповторимых красках.

Завершив мугам, он посмотрел на Устада.

– О, повелитель, хотя эта «Мансурия» и пронизана героическим духом, в ней также скрыта затаенная печаль.

Видя, с каким вниманием шах слушает его, Устад продолжил:

– В «Мансурии» воспевается отвага доблестного Мансура. О, повелитель, в конце каждого мугама делается «аяг» – возвращение к началу музыкальной темы. Это неизменное правило. Ханенде завершает мугам с того же места, откуда и начинал. Но поскольку мугам «Чахаргях» – это героический дастан, в нём не делается «аяг», он завершается «Фирузом». Потому что «Фируз» также означает победу. Хотя полководец Мансур и погиб в бою, его войско одержало победу над врагом. В этой победе есть и ваша заслуга. Ваше имя тоже запечатлено в мугаме как символ победы, – Устад, завершив свою речь, опустил свою лютню на пол. – На этом наше музыкальное повествование подошло к концу, ваше величество, – произнёс он.

– Эта история будет жить вечно, Устад. Но мне хочется спросить вот о чём. С чем связано использование слова «Баяты» в начале названий наших мугамов? «Баяты-Исфахан», «Баяты-Шираз», «Баяты-Аджем»...

– О, повелитель, само слово «Баяты» имеет отдельную историю. В действительности, слово «Баяты» в начале названий наших мугамов имеет свою тайную символику. Ваше величество, нашим древним предком Огуз-ханом в своё время было завоевано много стран. Огузы состояли из 24 боев – племён. Одним из них были племена баяты. Баяты славились своей отвагой, воинственностью. Во время сражений они проявляли чудеса храбрости, штурмом брали крепости, города. Музыканты тоже в честь этих побед слагали песни. Вот почему в начало названий многих мугамов добавляли слово «Баяты». Всё это указывало на героизм племени баяты. Мы тоже происходим от огузского племени баяты и поэтому так сильно, всем сердцем привязаны к мугаму.

– Выходит, ничего не бывает без причины, – сказал шах.

– Конечно, ваше величество, в этом мире ничто не может исчезнуть бесследно, любое дело оставляет свой след, свой отпечаток. Все разговоры о мугамах невозможно исчерпать за одну ночь, они тоже подобны сказкам «Тысяча и одна ночь» – оставим продолжение на следующую ночь.

Шах, приняв предложение Устада, отпустил их, щедро вознаградив дорогими подарками.

Тогрул Нариманбеков
Картина «Мугам»

ЛЯМАН БАГИРОВА

ТРИ РОЗЫ

Эссе-фантазия

Вместо предисловия

Никоим образом не беру на себя смелость оценивать противоречивую, сложную и прекрасную личность Александра Сергеевича Грибоедова. Пронзительнее, чем сделал это Ю.А.Тынянов в своем романе в прозе «Смерть Вазир-Мухтара», вряд ли кому удастся.

Но хотелось бы сказать несколько слов о той, кого Судьба назначила ему в спутницы в недолгие месяцы земного счастья и вечную жизнь в бессмертии.

***

Легкая прохлада, наполненная терпким запахом винограда и зреющей хурмы, все явственнее ощущалась в Тифлисе. Заканчивался август 1828 года. Молочно-сизые утренние туманы – вестники осени окутывали окрестности, стелились в ложбинах и затем медленно рассеивались. Колокола Сионского Собора созывали богомольцев на службу. В эти дни отмечался большой церковный праздник – Марьям-Обá – День Успения Пресвятой Богородицы.

22 августа колокол звенел особенно торжественно. Он извещал о венчании 33-летнего жениха и 16-летней невесты. Юная и робкая, окутанная облаком прозрачной фаты, неизъяснимо прелестная и хрупкая, она стояла, не осмеливаясь даже взглянуть на суженого. А священник, улыбаясь, тем временем записывал в церковной книге: «Полномочный министр в Персии его императорского величества, статский советник и кавалер Александр Сергеевич Грибоедов вступил в законный брак с девицею Ниной, дочерью генерал-майора, князя Александра Чавчавадзе».

Клятва, произнесенная перед алтарем, связала их судьбы навек. Исполненные надежд на будущее, они уверены были, что отныне ничто не сможет разлучить их, мечтали о будущем. После богослужения юная жена упала на колени перед крестом, свитым из виноградной лозы. Этот крест некогда принадлежал просветительнице Грузии – Святой Нине. У нее и просила защиты и милости Нина Чавчавадзе, теперь уже Грибоедова.

Но Судьба – такая озорница!.. Почти всегда трактует просьбы своевольно! Нина и Александр Грибоедовы действительно стали неразлучны, но уже… в вечности. В земной жизни Судьба уготовила им всего несколько месяцев счастья…

Белая роза Тифлиса

Слуги в последние дни сбились с ног! Без устали перемывались лестницы, полы, деревянные резные перила балкона. Не дай Бог, хоть где застрянет пылинка или соринка! Выбивались беспощадно ковры, матрасы, кресла, диваны, тяжелые гардины, легкими облаками трепетали на веревках прозрачные тюлевые занавески! Повара орали на своих помощников, щедро раздавая им подзатыльники и в сотый раз повторяли им, что кулинария – это не ремесло, а искусство и спешки не терпит! С

окрестных деревень свозились в усадьбу корзины с провизией: парное мясо, молоко, масло, мацони, яйца, нежнейшие свежие овощи, душистую зелень и благоуханные фрукты. В специальных крепко завязанных мешочках приносили знаменитые грузинские пряности: уцхо- и хмели-сунели, бархатистые холмики красного перца, сванскую соль и сухую аджику. Запах их был таким сильным, что даже около закрытых мешков все немедленно начинали чихать! Солнце всходило над синими горами, солнце золотило зеленые лужайки парка, солнце обещало радость!

В усадьбе Цинандали, родовом поместье князей Чавчавадзе, готовились к большому событию. Проездом из Туркманчая в Петербург в имение с гостевым визитом прибывал давний друг главы семьи Александра Чавчавадзе – Александр Сергеевич Грибоедов. Казалось, еще совсем недавно здесь, в Цинандали, он читал свою комедию «Горе от ума». Теперь из Персии встречали полномочного министра, резидента Российской Империи.

Когда послышался цокот копыт и раздался голос гостя, юная княжна Нина (или Нино, как называли ее на грузинский лад) в нарядном бело-розовом платье влетела в кабинет отца и по детской привычке хотела броситься к Грибоедову на шею! Давно ли кажется было то время, когда Сандро учил ее с сестрой Екатериной – Като и братом Давидом французскому языку и игре на фортепиано. А Грибоедов был одним из лучших пианистов своего времени! Да, так и хотела броситься юная Нина на шею давнему знакомому их дома! Но тот с растерянной улыбкой смущенно отступил. Узнать Нину после долгой разлуки было действительно сложно. Грибоедов ожидал увидеть знакомое озорное лицо, худенькую, почти мальчишескую фигуру и вечно растрепанные косички. Но…

Перед ним стояла высокая стройная девушка с огромными золотисто-карими глазами. И пусть щечки еще были по-детски пухлыми, но что-то неуловимо женственное, прекрасное, зыбкое появилось в удлиненном разрезе глаз, изгибе губ и повороте шеи. И косички больше не трепались, их сменила аккуратная девическая прическа с уложенной на затылке косой, перевитой бело-розовой лентой.

«И эта маленькая Нино, которую я учил игре на фортепиано и французскому языку, – думал Грибоедов. – Та самая Нино, которая таскала на занятия своих кукол и рассаживала их около инструмента? А я лишь улыбался и, покачивая головой, начинал занятия. Не скажешь ведь ребенку, что куклы мешают!»

Он любил говорить об искусстве и особенно о творчестве своего любимца – средневекового испанского художника Хосе Эстебана Мурильо. И пока учитель восхищался его Мадоннами, Нино больше всего хотела, чтобы и о ней он рассказывал так же пылко, как о них. Грибоедов же шутливо называл ее «мурильевской пастушкой».

И вот теперь, после нескольких лет разлуки Нина стояла перед Грибоедовым. Она была прекрасна. Не пастушка уже, но Мадонна… И кожа ее, прелестного оттенка молочной желтизны, той самой, что таится в самом сердце белой розы, медленно покрывалась румянцем.

Искушенный дипломат, известный писатель и композитор, масон, храбрый воин, гусар, дуэлянт и арестант (по делу о декабрьском восстании 1825 года полгода проведший в тюрьме), модник и ловелас, считавший женщин «поверхностным полом», влюбился словно мальчишка. Охваченный вспыхнувшим чувством, он внезапно, по-гусарски, чуть ли не за первым семейным обедом сделал ей предложение. Напрасно повара орали на своих помощников и щедро раздавали им подзатыльники. Напрасно вносили в обеденную залу все более изысканные блюда старинной грузинской кухни, напрасно лилось из запотевших глиняных кувшинов терпкое домашнее вино – почетный гость был рассеян, ел и пил неохотно и все думал о чем-то. Наконец он встал и попросил Нину выйти в соседнюю небольшую комнату, где стояло фортепиано.

– Мне нужно вам что-то сказать, – проговорил он тихо.

Никто не обратил на эту фразу внимания, все, да и сама Нина решила, что Сандро просто захотелось музицировать. Она покорно вышла за ним.

«… я не помню, что начал ей бормотать, и все живее и живее; она заплакала, засмеялась, потом к матушке ее, к бабушке… нас благословили»(*из письма Грибоедова*).

Алая роза Тифлиса

Через некоторое время Грибоедов рука об руку с юной невестой вошел под древние своды Сионского собора. После церемонии венчания, казалось, весь Тифлис вышел встречать новобрачных. К их ногам летели охапки уже осенних цветов – георгин, цинний и маленьких алых роз, из окон сыпались конфеты, и отовсюду слышались пожелания долгой и счастливой жизни.

Начать совместную жизнь молодые решили в Цинандали. Здесь с террасы огромного дома супруги любовались величественной картиной Гомборского перевала, ведущего вглубь Алазанской долины. На живописном берегу Алазани они поклялись никогда не расставаться. «Счастливые часов не наблюдают», – беззаботно смеялась Нина, и серебристый смех подхватывался речными брызгами. Счастливая, она еще не знала, что хоть и не через часы, но уже через несколько недель ее Александр должен отбыть в Тегеран, куда он так не хотел ехать.

После подписания Туркманчайского договора Грибоедова в Персии не любили. Ведь договор этот, составленный самим Грибоедовым, был очень выгоден для России и очень унизителен для Персии. После его подписания даже родилась поговорка: «Вай, вай, Туркманчай!» Так персы говорят, когда хотят выразить настроение человека, потерявшего значительную часть своего состояния. За составление и подписание этого договора Александр Грибоедов был пожалован в статские советники и награжден бриллиантовыми знаками ордена Святой Анны 2-й степени и 4000 червонцев. Министр иностранных дел граф К. В. Нессельроде в письме к полководцу И.Ф.Паскевичу сообщал, что «Грибоедов награжден по заслугам и будет полезен во многом и вперед по делам Персии»….

Последний Восток

Он не хотел ехать в Персию. Здесь, в Грузии, было все, что нужно для счастья: льдистый горный воздух, острые синие хребты Кавказских гор, приветливая Алазанская долина, резной дом в Цинандали и Нина – нежная алая тифлисская роза.

Он знал, что поедет. Что назначат именно его. Никто лучше него не владел восточными языками, никто, как он, не знал восточных порядков.

Он должен теперь контролировать выполнение Персией обязательств договора. Россия отныне имела на Каспии флот, а русские купцы получили право беспрепятственной торговли по всей Персии. Кроме того, на страну налагалась контрибуция в огромную сумму – 20 миллионов рублей серебром.

Нина собиралась сопровождать мужа в Тегеран. Но Грибоедов не желал подвергать молодую и уже ожидавшую ребенка супругу опасности. И решительно противился. Но и молодая жена была непреклонна. Не для того же, в самом деле, она выходила замуж, чтобы после свадьбы сидеть под родительским крылом! Наконец был найден компромисс. Нина осталась в относительно спокойном Тебризе, где тогда находилась резиденция российского посла.

Проведя переговоры с министром Аббас-Мирзой, Грибоедов во главе делегации отправился в Тегеран к персидскому шаху. Приезд министра в Тегеран совпал с месяцем Реджеб – временем, когда запрещаются всякие ссоры и раздоры. Прибытие

именно в разгар Реджеба послов России – недавних своих врагов и виновников пресловутого Туркманчая – персы восприняли как преднамеренное неуважение к своим традициям. Они чувствовали, что русские дипломаты прибыли говорить не о мире, а о выполнении требований.

Грибоедов старался отсрочить трудные переговоры, хотя бы до окончания месяца. Но Петербургу требовалось срочное решение всех контрибуционных вопросов. Для достижения этих целей Грибоедов должен был, вопреки личным склонностям, держаться как можно тверже, не уступая ни в чем. За неуступчивость персидские чиновники прозвали Александра Сергеевича – Сахтир, что означает «жестокое сердце».

Иногда Грибоедов действовал не по-дипломатически вызывающе. Ему вообще были свойственны некоторое высокомерие и какая-то молодецкая куражливость. Он мог порой нарушить этикет шахского двора, демонстрировать неуважение к самому шаху, что было недопустимо. Восток может простить ошибки, но никогда их не забудет…

В придворных кругах шаха к Грибоедову нарастала злоба. Ненависть росла и в народе – он был обложен непомерными налогами для выплаты контрибуции. Персидские женщины всех сословий вынуждены были расставаться со своими украшениями – все шло на переплавку и тоже в уплату государственного долга.

Тем временем Александр Сергеевич торопился в Тифлис. Там были синие Кавказские горы, ласковый климат, приветливая Алазанская долина, и туда надо было увезти его Мадонну – Нину. До рождения ребенка оставалось совсем немного, и лучше, если это время Нина проведет в отчем доме, среди любящих родных людей, а не в чужом и неуютном Тебризе.

Ежедневно он отсылал супруге письма. Последнее было за две недели до гибели:

«Грустно без тебя, как нельзя больше… Теперь я истинно чувствую, что значит любить… Скоро и искренне мы с тобой сошлись и навек…Помнишь, друг мой неоценённый, как я за тебя сватался, без посредников, тут не было третьего. Помнишь…первый вечер… как я тебя прижимал, а ты, душка, раскраснелась, я учил тебя, как надобно целоваться крепче и крепче. А как я потом воротился из лагеря, заболел, и ты у меня бывала. Душка!..

… Прощай, Ниночка, ангельчик мой. Теперь 9 часов вечера, ты, верно, спать ложишься, а у меня уже пятая ночь, как вовсе бессонница. Доктор говорит – от кофею. А я думаю – совсем от другой причины.Целую тебя в губки, в грудку, ручки, ножки и всю тебя от головы до ног. Грустно…. Завтра Рождество, поздравляю тебя, миленькая моя, душка. Я виноват (сам виноват и телом), что ты большой этот праздник проводишь так скучно, в Тифлисе ты бы веселилась».

Нина в ответ делилась своими мечтами и планами. Она была уверена, что родится мальчик, и даже выбрала ему имя – Александр, в честь супруга и князя-отца.

К весне 1829 года Грибоедов собирался завершить дела в Персии и вернуться в Тифлис, как он полагал, навсегда. Так и случилось, только немного по-другому…

30 января 1829 года около ста тысяч фанатиков, подстрекаемых переодетыми слугами шаха, ворвались в здание русского посольства. В считанные минуты все посольство, все 37 человек, было растерзано. В прямом смысле этого слова… Чудом спасся только 21-летний первый секретарь посольства Иван Сергеевич Мальцов, в будущем крупный фабрикант, дипломат и литератор. По одной из версий, его завернули в ковер, и он так и простоял в нем всю резню, по другой – Мальцов перелез на крышу соседнего дома, и хозяин успел спрятать его до того, как толпа ворвалась в комнаты. В течение трех дней озверелая толпа таскала изуродованное тело Грибоедова по улицам и базарам Тегерана. Потом его кинули в придорожную канаву. Его голову – голову дипломата, поэта, музыканта, лингвиста, свободно говорившего на 10 языках – насаженную на шест, таскали чуть больше. Потом и ее выбросили в канаву…

Известие об ужасной смерти мужа всячески пытались скрыть от Нины. Она была уже на 7-м месяце беременности. Ей сказали, что муж просит ее немедленно покинуть Тебриз и ехать в Тифлис, куда вскорости приедет сам. Нина отказывалась ехать, требовала, чтобы ей показали письмо мужа. Тогда решились на хитрость. Попросили мать Нины, уже знавшую страшную правду, написать дочери письмо и, сказавшись больной, попросить ее приехать. На этот раз Нина поехала. Цинандали встретил ее приветливо. Мать, Саломея Ивановна, заботливо вилась вокруг дочери. И только отворачивала от нее опухшие глаза, говорила, что болят от слишком яркого света. Кто-то проговорился случайно, за обедом… Нина билась в рыданиях два дня, а на третий случились преждевременные роды. Новорожденный мальчик прожил несколько часов, но его успели окрестить и назвали Александром. В одночасье 17-летняя Нина потеряла не только мужа, но и сына.

Черная роза Тифлиса

Еще в краткий медовый месяц, вернее медовые недели, Александр Сергеевич, гуляя с женой по окрестностям Тифлиса, говорил ей: «Если со мной что случится, не оставляй моих костей в Персии. Если умру там, то похорони меня в Тифлисе, в монастыре Давида».

Похоронить Грибоедова в Тифлисе долгие месяцы не удавалось. Тело его якобы опознали по кисти руки, простреленной в 1818 году на дуэли с будущим декабристом А.И.Якубовичем. Полгода ушло на то, чтобы прах Александра Сергеевича перевезли из Тегерана в Тифлис. Нина сдержала слово. Ее муж нашел упокоение в монастыре святого Давида, что на горе Мтацминда. На могиле поставили часовню, а перед ней памятник в виде скорбящей женщины, припавшей к кресту.

«Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?», – такую надпись Нина Чавчавадзе сделала на могильной плите.

Между тем персидский шах послал в Петербург посольскую миссию во главе со своим внуком – Хосровом Мирзой и вместе с принесением покаянных извинений подарил Николаю Первому драгоценный алмаз «Шах» весом в 87 каратов. Это был один из самых крупных и дорогих камней в мире. На его гранях значатся имена всех, начиная с 1501 года, персидских владык.

Николаю Первому не нужна была новая война с Персией. Внимательно выслушав извинения и рассмотрев камень, он сказал: «Предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие». Дело было закрыто… Русское правительство назначило вдове дипломата пожизненную пенсию в пять тысяч рублей ассигнациями.

Но 17-летняя несчастная женщина была безутешна. После смерти супруга она облачилась в черные одежды и дала обет не снимать траура до самой смерти.

Руки прекрасной вдовы просили многие, в том числе и губернатор Тифлиса, и безнадежно влюбленный в нее поэт Григол Орбелиани. Но все получили отказ.

Нет, она не закрылась от жизни. Всегда ровно-приветливая, ласковая, Нина была готова выслушать каждого, помочь советом или деньгами. И только большие темные глаза оставались печальными.

«Черная роза Тифлиса»… Так называли ее за верность покойному мужу. Нина полностью посвятила себя родным, стала ангелом-хранителем для детей брата и сестры. Когда летом 1857 года в Тифлисе началась эпидемия холеры, Нина не захотела уезжать из города и осталась ухаживать за больными родственниками. В итоге заболела сама и умерла 28 июня. Ей было неполных 45 лет…

Рассказывали, что ее последними словами были: «Что только не перенесла твоя бедная Нина с той поры, как ты ушёл. Мы скоро свидимся, свидимся... и я расскажу тебе обо всём. И мы уже навеки будем вместе, вместе...». И потом уже в бреду: «Меня к нему, к нему…»

Похоронили Нину Грибоедову-Чавчавадзе рядом с мужем. Сбылось то, о чем они мечтали молодые и влюбленные: «они сошлись и навек…» в Тифлисе, который безмерно любили оба. Рядом с камнем Нины крохотная могилка – ребенка. Монастырь Святого Давида на горе Мтацминда укрыл своей сенью семью.

Много лет спустя побывавший в Тифлисе поэт Яков Полонский напишет:

Там, в темном гроте, – мавзолей,
И, – скромный дар вдовы,
Лампадка светит в полутьме,
Чтоб прочитали вы
Ту надпись, и чтоб вам она
Напомнила сама
Два горя: горе от любви
И горе от ума.

***

В конце августа 2022 года, спустя ровно 194 года с дня венчания Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе, я стояла перед их усыпальницей на горе Мтацминда. Солнце прорывалось сквозь запертые решетчатые двери усыпальницы и золотило надпись «Ум и дела твои…».

Я думала об истории трагического и все же счастливого брака Александра Грибоедова и Нины Чавчавадзе. Хотя злые языки и тогда сулили несчастье союзу – жених уронил кольцо во время венчания, что считалось плохой приметой. Но, в отличие от Пушкина – своего знаменитого тезки, так же уронившего кольцо при венчании, Александр Сергеевич Грибоедов не был суеверен.

И все-таки они были счастливы. Он был пророчески прав, когда писал: «Счастливые часов не наблюдают». Слишком мало было прожито вместе, еще слишком ярко и сильно пылала молодая страсть. Возможно, со временем они свыклись бы друг с другом, очарование и пылкость первых любовных месяцев улеглись бы, но Судьба распорядилась по-другому. То, что стало трагедией для них, переродилось в бессмертную идеальную любовь для потомков. Наверное, все-таки те люди были сделаны из какого-то другого теста…

В 16 лет выйти замуж за человека, объяснение с которым было скоропалительным; Нина и сама потом писала, что это было, как солнечный ожог.

В 17 лет остаться вдовой, причем потерять сразу и мужа, и ребенка. И 30 лет потом хранить ему верность, не снимая траурных одежд. Она действительно была благородна; чувства ее, так неожиданно расцветшие, не успели померкнуть, и воспоминания питали ее душу все 30 лет. Она заслужила свое прекрасное и грустное прозвище – «Черная роза Тифлиса». Королева всех цветов, но печальная, черная. И в ее поведении не было театральности. Иначе не родились бы в сердце 17-летней девочки те великие слова, что велела она высечь на могильном камне мужа. В одной фразе: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?» – уместилась вся его и ее жизнь: он велик в памяти своего народа, но сердце его навеки принадлежит ей, а ее – ему, и отныне вся ее последующая жизнь – лишь пепел розы, воспоминания о нескольких месяцах счастья. Чтобы в 17 лет написать такое, нужно и вправду иметь любящее сердце.

Кажется, это единственный случай, когда и Грузия, и Россия проявляют редкостное и трогательное единодушие – память Нины священна для обеих стран. Для Грузии тем, что она явила миру пример самоотверженности настоящей кавказской женщины, верной своему долгу и любви и ничем не опорочившей себя в последующие годы, а для России тем, что она так свято хранила память о ее великом сыне.

Вместо послесловия

К своей книге «Фрам в полярном море», посвященной исследованию Северного полюса, великий норвежский путешественник и ученый Фритьоф Нансен поставил эпиграфом следующие слова:

«Ей, что дала имя кораблю и имела мужество ждать».

Эти слова выразили благодарность и почтение к супруге Нансена – Еве Сарс-Нансен. Трудно сказать точнее и пронзительнее – «имела мужество ждать».

Ева Сарс-Нансен дождалась своего супруга из похода.

17-летняя вдова Нина Чавчавадзе-Грибоедова имела мужество ждать, зная, что муж ее никогда не вернется.

Это грань, когда мужество превращается в величие.

Нина Чавчавадзе-Грибоедова имела величие ждать.

Цикл «Тбилисские сны»

Путевые новеллы

Часть 1
Амаглебули. Златоуст

Посвящается Валентине Аситашвили и ее семье.
Друзья, я буду хранить в своем сердце праздник,
который вы создали для меня.

Вместо предисловия. Когда совершенно отупевший, задавленный лавиной информации, тревогой, усталостью мозг отказывается что-либо соображать и – свято место пусто не бывает! – принимается выдумывать монстров воображения, спасение одно: уехать! Неважно, куда: к морю, в горы, к реке, в другой город, в деревню, в лес…

И грех ведь жаловаться. Не на что, по сути. В доме – достаток, родные – живы и здоровы, слава Богу, питомцы раздобрели и благоденствуют, но все равно душа чего-то просит. Однако пока еще не *«стесняется лирическим волненьем»* – до этого томительно-сладкого состояния должен пройти еще целый исторический этап.

И вот тогда – Господи, как чутко улавливает душа это тончайшее состояние – словно волшебный Föhn – еще не ветер, а только предтеча ветра странствий – и ты не можешь ему сопротивляться…

Грузины сохраняют вино в узких длинных
глиняных кувшинах и зарывают их в землю.
В этом прообраз грузинской культуры –
земля сохранила ее узкие благородные формы..,
запечатлела полный брожения и аромата сосуд…

О.Мандельштам

Походка в Тбилиси становится медленной. Жизнь проникает в тебя словно солнечное вино – по глотку, пронизывает твое существо, наполняя его бархатной истомой. Так, наверно, боги на Олимпе вкушали от даров виноградной лозы, иронично поглядывая на землю – как вы там, люди?.. Не забываете ли восславить нас, бессмертных, за счастье жить?!

Нет, не забываем! Только за будничной рутиной благодарность немного отступает, словно тушуется, но потом… Ей не будет границ, стоит только перевести дух.

– Это что за улица? – спрашиваю я, упираясь взглядом в небольшую дощечку с витиеватыми буквами.

– Это-о-о? (речь в Тбилиси тоже мгновенно изменяется, становится певучей, независимо от языка, на котором говоришь) – нараспев отвечает мне моя милая спутница. – Это Амаглеба – улица Вознесения.

Она произносит это короткое слово так музыкально, что у меня захватывает дух. Кажется, что у слова ударение на всех четырех гласных – так раскатисто, словно на качелях, перекатывает она в горле звуки, особенно выделяя гортанное с придыхом «г». Поднимает его на ударную ступеньку к «е», а оттуда по неведомым законам физики и фонетики опять подчеркивает, возносит к «а». «Амаглеба» – вознесение.

Пожалуй, что так. Трудно найти лучшее определение этому городу. Он действительно вознесенный. Проросший, выдолбленный в горах, скалах. Шаг за шагом, камень за камнем поднимавшийся к небу и явивший ему красоту человеческого труда и таланта.

– Нэт!!! – быстро прервал бы мои думы экскурсовод Гиви из Нарикалы. – Нет! Не только труд и талант. Главное – терпение! А потом – любовь. Не будет терпения и любви, не построишь ни города, ни семьи!

Я помню его – дочерна загоревшего, словно выжженного солнцем, худого экскурсовода у ворот в крепость Нарикала. Поначалу мы приняли его за каменщика или угольщика. В соломенной шляпе, черных рубашке и брюках – таких пыльных, что казались седыми, и улыбке в девять зубов он никак не производил впечатления историка-златоуста.

Но стоило ему заговорить, как первоначальный облик распался и явился другой – изящный, немного застенчивый образ человека, влюбленного в свое дело.

Мой город – звук, и цвет, и вкус –
В потемках раннего тумана
Был как надрезанный арбуз
Прекрасен тем, что без обмана
Хорош: в течение годов
Уже созрел, но не состарен.

Георгий Леонидзе«Тифлисские рассветы», 1933 г.

Наш златоуст перебирал исторические факты, даты, цитаты из великих и старинные легенды, как сокровища из ларца. Полуденное солнце позолотило памятник Матери-Грузии и словно задремало на ее плече.

– Вот! – торжественно воскликнул Гиви. – Посмотрите! Никакой труд и талант ничего бы не сделали, если бы не терпение и любовь!

Мы недоуменно воззрились на памятник. Большая металлическая женщина: в правой руке меч, в левой – чаша.

Гиви терпеливо улыбнулся.

– Видите, Мать-Грузия держит меч внизу, а чашу с вином подняла высоко. Это значит, что мы друзей встречаем миром и вином, но и меч держим тоже. И если что, поднимем его против врагов. Но в первую очередь – терпение и любовь – чаша с вином высоко поднята, вознесена к небу!

Слышно было, как в древней каменной кладке шуршали ящерицы. Некоторые из них грелись на солнце и время от времени приподымали головы. Видно, им тоже любопытно было услышать историю родного города.

«Амаглеба», «амаглебули» – вспомнилось мне. «Вознесение», «вознесенный», обласканный солнцем, омытый соком виноградной лозы город.

– Это вы знаете, – не обращая внимания на мою рассеянность, продолжал экскурсовод, – что Тбилиси построил царь Вахтанг Горгасали и что по легенде он охотился в этих местах и подстрелил фазана. Когда царю поднесли птицу, она оказалась уже вареной, потому что упала в горячий источник. И тогда царь решил основать здесь, на источниках горячих серных вод город и назвал его Тбилисо, что значит «теплый». А потом и вовсе перенес столицу из Мцхеты в Тбилиси. Это все так, но не это главное. А главное в том, что если бы не было у Вахтанга терпения, любви и божьего благословения, то никакого города бы он не построил. Или тот бы разрушился быстро. А как видите, вознесся к небу и радует сердце и глаза…

Он замолк, сосредоточенно глядя на расщелины кладки. Любознательные ящерицы слушали его, замерев. Солнце коснулось легкой бронзой стен Нарикалы, и я мгновенно поняла, почему на старинных грузинских фресках и картинах Ладо Гудиашвили царствуют, ликуя, только два цвета: лазурный и бронзовый – небо и нагретый солнцем камень – нежность и труд.

– А вы чем занимаетесь? Кто по профессии? – прервал молчание Гиви.

– Мы пишем.., – ответила спутница.

– Писатели? – заинтересованно и немного насмешливо спросил он. Мы засмеялись.

– Так, есть немного…Литераторы, одним словом.

Он покачал головой и вдруг, озорно усмехнувшись и чуть покачиваясь на длинных ногах, прочитал нараспев:

Поэтов полно –
Даже боязно!
Вернее, полно сочинителей.
Многие, как с любовницей,
Сожительствуют с чернильницей.
Многие пишут узорно,
Только их пыл притворен,
Ибо в их ступках не зерна –
Разве что видимость зерен.
… Надо бы стать поестественней
И одарять с достатком
Черным вином поэзии,
А не его осадком!

Георгий Леонидзе «Поэты Тбилиси», 1929 г.

Декламировал он с сильным акцентом, но крылатые строки возносились в воздух. «Вряд ли бы они звучали так легко, если бы он читал их правильно», – подумала я.

– Чьи стихи, знаете? – Златоуст прищурился. Мы пожали плечами. – Это Георгий Леонидзе, – подняв указательный палец, произнес он. – Известный поэт! На Мтацминде в Пантеоне были? Его могилу видели? Как орел с раскрытыми крыльями?

– Да, – закивали мы. Георгия Леонидзе я читала еще в школе и восхищалась чеканной стройностью его стиха, но многое уже выветрилось из памяти.

– Это я к тому, – не опуская пальца, продолжал златоуст, – что писатель должен пронзать сердце или лелеять его. Только тогда будет соблюден закон вечности! Об этом наш великий Нодар Думбадзе знаете, как сказал?

Мы приготовились выслушать еще одну цитату! Черт побери, даже цитаты в этом городе воспринимаются легко, воздушно и совсем не тяготят. Не цитаты, а молодое вино – маджари! – вместе с мудростью вливает в тебя веселье и радость жизни.

Гиви втянул щеки. И без того темное лицо его стало вообще иконописным.

– Нодар Думбадзе говорил, – торжественно начал он, что душа человека во много раз тяжелее его тела. Она так тяжела, что один человек не в силах нести ее. И поэтому люди, пока живы, должны помогать друг другу, стараться обессмертить души друг друга. Вы – мою, я – другого, другой – третьего и так до бесконечности. Это и есть закон вечности.

Последние слова он произнес тихо и как-то особенно веско, словно пробуя их на прочность. Воздух сгустился до немыслимой синевы и был подвижен, как ртуть. Нарикала покачивалась в этой небесной ртути, как в море.

– Отойдем в тень, – добродушно предложил Гиви, – а то вам голову напечет. У нас солнце сильное.

И, подумав, прибавил:

– Солнце сильное, лоза сильная, терпение и любовь тоже сильные. Поэтому и живем. И город возносится к небу. Амаглебули!

И улыбнулся во все свои девять белоснежных зубов.

Распростившись с ним, мы спустились по крутым ступенькам Ботанического сада и вышли кружными путями к Старому городу. Солнце клонилось к закату, воздух становился прозрачнее. В предвечерней прохладе наши шаги раздавались особенно гулко и тонко.

– Как маленькие молоточки! – усмехнулась знакомая и обвела любящим взглядом Куру, что несла свои темно-зеленые воды вдоль скалистых берегов; памятник Вахтангу Горгасали; древний Метехский замок…

– Как я люблю свой город, – воскликнула она с чувством. – Он прекрасен в любое время года!

– Да, – вырвалось у меня. – Вознесенный!

– Ну, ты – гостья, поэтому тебе все чудесным кажется, – возразила она.

– А разве мы все не гости на этой земле? – лукаво парировала я. – Почему же тогда жизни не показывать нам красоту этого мира во всем его великолепии?! Мы ведь все гости!

– Смотри-ка! А ведь верно, – рассмеялась она. – Для чего тогда и жить, если не видеть красоту этого мира и не любить его?..

Мы продолжали свой путь по вечернему городу. А он переливался матовым мягким блеском, как серьги-минанкари[1] в ушах грузинских красавиц. Светился всеми оттенками бархатного синего, лазоревого и бирюзового цветов, сиял золотыми огнями. И бронзовый Вахтанг благословлял свой город – вознесенный к небу и прославляющий жизнь на земле.

Часть 2
Бесико. Кривая вывезет!

Люди с треугольной формой лица обладают острым умом,
способностью очень ловко находить общий язык с нужными людьми,
умением красочно рассказывать разные истории.
Из книги по физиогномике

Жаль, что в учебнике по геометрии в качестве примеров нельзя приводить человеческие лица. Лицо Бесико – соседа моей приятельницы и, кстати, шофера первого класса – являлось бы эталоном идеального равнобедренного треугольника – хоть в палате мер и весов выставляй! Так и вижу его перед собой – маленького, невероятно подвижного и юркого. Каким образом в этом щуплом теле находилась такая бездна энергии и подлинно доброжелательного красноречия, было непостижимо!

[1] *Минанкари* – перегородчатая эмаль – традиционная грузинская ювелирная техника, цветная эмаль, наносимая на золото, медь или серебро.

Мне часто приходится общаться с людьми, владеющими искусством риторики. Иногда речь их доставляет истинное наслаждение – приятно слышать, когда фразы текут плавно, когда они образны и точны, когда мысль не продирается сквозь чащу бесконечных «э-ээ», «м-мм». Правильная речь, что симфоническая музыка – ни один инструмент не выбивается из общего ритма, не нарушает гармонии. Но нередко человек, упиваясь звуком собственного голоса, говорит ради краснобайства, без доброжелательности к собеседнику и даже без особого внимания к нему. Слушатель для такого – только фон, не более. Язык словно делает физкультуру, и человек, поупражнявшись в этих языковых кульбитах, умолкает, весьма довольный собой. Что при этом думает собеседник – неважно.

Бесико являл прямую противоположность этим людям. Его красноречие было добрым и внимательным к слушателю, а узкие, чуть лукавые глаза глядели оценивающе: «Верно ли я донес свою мысль? Не утомил ли собеседника? Не злоупотребил ли его вниманием?» Вот так – деликатность в каждом слове и жесте.

Забегая вперед, скажу: редкое достоинство по нынешним временам. Впрочем, как и всегда. Деликатность, как жемчуг, мерцает бережным светом.

Уважать драгоценную важность
Снега, павшего в руки твои,
И нести в себе зимнюю влажность
И такое терпенье любви.

Галактион Табидзе «Снег» пер.Б.Ахмадулиной

И при этом Бесико умел выстроить разговор так, чтобы никто не заскучал. Умело балансируя и выруливая на крутых виражах, между острым веселым словом и тактичностью обхождения. Ну, что ж, профессиональный шофер, как и профессиональный оратор или тамада, должен найти выход из любого положения.

– Выход всегда должен быть!А как иначе? – удивлялся он, какими-то немыслимыми путями выезжая на небольшую улочку Патардзеули и при этом на чем свет стоит ругая местных ремонтников, перерывших привычную дорогу и перекрывших движение. – На них только посмотри! В нормальное время дороги не чинят, а как только людям надо ехать, затевают ремонты свои! Но ничего, мы сейчас другим путем проедем!

И уверенно направлял автомобиль в невероятно узкие, темные, окруженные гаражами улочки, кружил по ним и вдруг выезжал на широкую, освещенную трассу.

– А тут до Патардзеули рукой подать, – улыбался Бесо. – Сейчас вмиг доставим! Я всегда говорю: кривая вывезет! По прямой ехать удобно, но можно упереться в стену, а кривая вывозит.

Меня всегда удивляла спокойная житейская мудрость этих слов: «кривая вывезет, не обманет», вычитанных давно в какой-то книге. Но услышать их наяву от тбилисского шофера теплым августовским вечером было приятной неожиданностью. Действительно, как часто в жизни выручает не прямая, а именно кривая, которая и пропетляет дольше, и закрутит водоворотами, но, в конце концов, приведет тебя к тому, что тебе нужнее. Или чего ты достоин.

– Я хочу поднять этот бокал за тебя, Бесарион, – улыбчиво и твердо провозглашает моя приятельница. Мы сидим в ее уютной комнате за накрытым столом, и Бесико, чуть поперхнувшись от звучания полного своего имени, смущенно опускает глаза.

– За тебя, Бесико, – так же спокойно и уверенно продолжает она. – За настоящего тбилисца, всегда готового прийти на помощь и выручить добрым словом или делом, поддержать, помочь. Долгих лет жизни тебе, дорогой!

– Совсем засмущали, – ворчит Бесико, но по всему видно, что слова эти радостны ему.

Мы осушаем свои бокалы. Холодное ркацители как нельзя лучше гармонирует и с августовской жарой, и с торжественностью момента. Приятельница обращается ко мне и заговорщицким тоном продолжает:

– Ты знаешь, редко в ком встретишь такую отзывчивость в дружбе. Сколько я Бесико знаю, он всегда оказывается рядом, как говорится, и в горе, и в радости. Что бы у соседей ни произошло – Бесико тут как тут: не нужно ли чего? Может, помощь требуется. Говорите, не стесняйтесь. А иногда вообще ничего не спрашивает, знает, как нужно помочь, и выручает.

– Валя, Валя, – смущенно бормочет Бесико, – преувеличиваешь, дорогая.

– Нет! Мы так привыкли, так выросли. Ты настоящий тбилисец. Я горжусь тем, что ты наш сосед.

Справедливости ради я замечаю, что и в Баку есть точно такое же понятие – «настоящий бакинец», и оно вбирает в себя те же определения: отзывчивость, великодушие, благородство и необременительную жертвенность.

Но Бесико уже не выдерживает наших патетических разговоров и выскакивает в коридор, откуда через минуту слышатся заливистый лай Фанечки – хозяйского йоркшира и воркование Бесо:

– Ах, ты моя хорошая! Да ты, моя золотая! Красавица! Морда моя сладкая!

Судя по счастливому визгу Фани, она абсолютно согласна с этими словами.

Только один раз я увидела на глазах этого веселого человека слезы.

– Вы когда-нибудь слышали грузинское многоголосье? Хотите послушать хор монахов Зарзма? Они поют гимн Кутаиси.

И едва я кивнула головой, как Бесико включил запись.

Это было странное чувство. Словно накатывала огромная теплая бархатная волна и качала тебя на гребне. Так звучал баритон солиста – монаха громадного роста и необъятных размеров. Густой, рокочущий голос его звучал, как колокол.

Голос заполнял собой пространство машины, пронзал стекла окон, растворялся в деревьях, камнях и асфальте, пропитывал небо, и оно раскаленной синевой стекало на горы. Звучал только властный безбрежный баритон, и в ответ ему мягкими переливами колыхались другие голоса.

– А сейчас слушайте внимательно, – взволнованно говорил Бесико, – сейчас вступит тенор. И обратите внимание – они не будут мешать друг другу, баритон уступит, чтобы тенор исполнил свою партию.

И действительно! Бархатная огромная волна вдруг опадала на мгновение, и тогда над ней, словно из поднебесья, чайкой взмывал тенор. И вновь венчал все мощный баритон.

– Понравилось? – спросил Бесо и вытер глаза. – Который раз слушаю, а все равно накрывает. С душой поют, от всего сердца.

– А кто авторы? – спросила я, все еще под впечатлением услышанного.

– Музыку написал Реваз Лагидзе, автор знаменитой песни «Тбилисо». А стихи – Иосифа Нонешвили. Был такой поэт.

– Он тоже на Мтацминде похоронен?

– Нет, они оба в Дидубе. Там тоже пантеон. Но туда мы уже не поедем. Одного кладбища на поездку достаточно!

К Бесо вновь вернулась привычная шутливость. Мы продолжали катить по извилистой, поднимающейся вверх дороге. Бесо говорил уже о чем-то другом, негромко выругал какого-то типа, двинувшего на своей машине наперерез нам (Бесо успел вырулить), потом решительно поехал по другой дороге:

– Так будет короче. Правда, дорога еще более кривая, петляет. Но красивее, чем эта.

– Кривая вывезет, – улыбнулась я. – Главное, что красивая. Будет на что посмотреть.

– А я что говорю, – обрадовался Бесарион. Как говорится, красота спасет мир! Правда?..

Правда, Бесико… Должно быть правдой. Невозможно, чтобы красота духовная, сотворенная людьми, и естественная, сотворенная жизнью, исчезла бы втуне. Иначе зачем она? Зачем волшебство человеческих голосов, поющих гимн о любимом городе, зачем красота ночного Тбилиси, озаренного огнями, зачем тишина и прозрачность августовского дня, зачем все то, что свято для нас, что радует или заставляет задуматься? Зачем все это, если мир, раздираемый злобой, будет неизбежно двигаться по прямой и, в конце концов, упрется в стену невозврата? Уж лучше по кривой. Она вывезет, не обманет…

Часть 3
Нукри. Сказка

– А я не люблю этот спектакль, – вполголоса сказал муж моей знакомой. Он был за рулем, сосредоточенно смотрел на дорогу, и оттого его слова доносились как бы издалека.

Я чуть не задохнулась от обиды. Телеспектакль «Ханума» в легендарной постановке Г.Товстоногова был одним из моих любимых. Мне нравилось в нем все: задорная музыка Гии Канчели, завораживающие пляски, декорации, искрометные диалоги, неподражаемая игра актеров БДТ. С этого спектакля начался мой интерес к Тбилиси, к его кварталам и площадям. Будучи в Санкт-Петербурге, в некрополе мастеров искусств Александро-Невской лавры я положила цветы к памятнику Г.Товстоногова за создание этого спектакля. И представить не могла, что он может кому-то не нравиться. И вот, в самом сердце Грузии, на трассе Тбилиси-Телави пришлось услышать: «Нет, не нравится!»

Если можно было бы одним словом охарактеризовать человека, то к мужу моей подруги идеально подошло бы – «обстоятельный». Невероятно вдумчиво и дотошно он вникал в разговор, внимательно слушая, даже вслушиваясь в речь собеседника. Потом, немного помедлив, или отвечал, или задавал вопрос. При этом и ответы, и вопросы были детальными; казалось, он улавливал не только суть, но и мельчайшие подробности сказанного.

Первое впечатление об этом человеке было такое: покладистая, романтическая натура. Впечатление усиливалось еще и субтильной конституцией и огромными глазами под длинными ресницами. Это было немыслимо! Человек в летах, мужчина, не может иметь такие изящно загнутые ресницы! Не имеет права!!! Но, тем не менее, они были. Даже очки не могли скрыть их прелести. Вот уж удружила природа! Неудивительно, что прозвище «Нукри» – «оленёнок», данное ему в детстве, так и закрепилось и напрочь вытеснило настоящее имя. Не помню, чтобы знакомая хоть раз назвала мужа иначе, чем Нукри.

Супруги были очень разными. Она – бойкая, общительная, смешливая, он – молчаливый и серьезный. Но как звучание флейты и гобоя рождает классическую гармонию, глубокую и мягкую по тембру, так и эти два человека играли в унисон. И мелодию их жизни хотелось слушать, она была нежна и стройна.

И, тем не менее! При более тесном знакомстве с Нукри впечатление о романтической покладистой натуре сменялось на другое: исследователь. Цепкий, изучающий взгляд, логическое осмысление услышанного и, наконец, веское собственное мнение. Вот как сейчас: «не нравится»…

– Но почему? – робко запротестовала я.

– Это не Кавказ! – тихо, но так же веско отрезал Нукри. – Это для людей, не знающих Кавказа, не знающих Тбилиси, Товстоногов сделал хороший спектакль. Но для настоящих тбилисцев это не то. Эх, жаль, вы не видели «Хануму» на грузинской сцене. Вот там настоящий колорит, настоящие кавказские характеры.

Сказал и, так же сосредоточенно глядя на дорогу, продолжал вести машину. Мы со знакомой тоже молчали.

– А вот там, куда мы едем, – снова оживился он и взмахнул ресницами, – колорита хоть отбавляй. Сами увидите!

– Куда? – спросила я. Знакомая усмехнулась и подмигнула, мол, муж знает, как создать сказку!

– В Цинандали, – спокойно выдохнул Нукри. – В музей-усадьбу Александра Чавчавадзе. Слышали о таком?..

Еще бы! Об Александре Чавчавадзе – знаменитом поэте-романтике XIX века, генерал-лейтенанте русской императорской армии, тесте Александра Грибоедова я слышала. И, оказывается, сейчас мы едем в самое сердце Кахетии – село Цинандали, в родовое имение князей Чавчавадзе.

Удивительно складывается все! Клото, прядущая нить человеческой жизни, – наверно, самая озорная из сестер-Мойр[1]. Клото прядет нить человеческой жизни. Как же прихотливо она тянет свою нить, сочетая давно забытое и новое.

В памяти вспыхнули строчки из старого поэтического томика грузинских романтиков. Стихи Александра Чавчавадзе я впервые прочитала в нем и была покорена их простотой и искренностью:

Ты любила меня, и тогда этот мир
Мне сокровищницею казался.
Близ тебя были будни – как праздничный пир,
Так я сладостью дней упивался.
Ты ушла, и с тобою навеки ушло
Всё, что было: и радость, и свет, и тепло.

Александр Чавчавадзе

«Сладость дней», кажется, дотянулась и до этого нежаркого сентябрьского дня. Мы доехали до небольшого города Телави, увековеченного в фильме «Мимино». Из Телави до усадьбы оставалось десять километров, и радостно было мелодичное шуршание шин по асфальту – мы приближались к тому, что Нукри называл настоящим кавказским колоритом.

Но сказка началась раньше. Мы еще не успели въехать в усадьбу, как знакомая тронула меня за плечо:

– Посмотри направо. Это Большой Кавказский хребет – само величие и красота. А вот мы уже и на месте.

В моей жизни было много памятных мест. И невероятной красоты Ахсуинский перевал в родном Азербайджане, когда кажется, что плывешь среди облаков – настолько дорога возносится ввысь, и черные воды Невы, на фоне которых город Петра кажется еще прекраснее и строже, роскошь крымских пейзажей и северное сияние над Мурманском, графическая четкость прибалтийских сосен и красные крыши домов в старом Тбилиси. И много чего еще хранит моя беспокойная память. А сейчас в нее упала еще одна жемчужина – вид на Большой Кавказский хребет с усадьбы в Цинандали.

Это было неописуемое зрелище. Ему трудно было подобрать сравнение. Хотя…

[1]Сестры-Мойры – Сестры – Богини судьбы в греческой мифологии.

Когда-то в музее мне довелось увидеть королевский сервиз. Экскурсовод с гордостью и каким-то благоговением сказала:

– Подлинный веджвуд. Императорской фамилии он обошелся недешево, но это того стоило. Посмотрите, какие точные, изящные линии, какие переходы цветов.

Матовая чайная пара из зеленого блюдца и сизо-голубой чашки действительно была произведением искусства. И блюдце, и чашку украшали белые рельефные фигуры нимф. Цвета – белый, сизо-голубой и зеленый – будто создавали аккорд, звучный и нежный.

И точно так же сейчас предо мной были огромное зеленое блюдце парка усадьбы и дымно-сиреневая чаша гор. Вечерний туман растушевал и придал бархатистости их очертаниям, они казались более изысканными и строгими.

– Нравится? – спросил Нукри, и глаза его смеялись. Моя знакомая улыбалась тоже, мол, это только начало. Волшебная сказка в усадьбе только начинается.

Мы пересекли огромный парк и оказались перед двухэтажным деревянным дворцом в итальянском стиле. Резной решетчатый бело-синий балкон опоясывал его и оттого дворец словно парил в воздухе. С балкона доносилась музыка. Кто-то играл на рояле грибоедовский вальс.

– Вы находитесь во дворце-резиденции князя Александра Чавчавадзе, отца Нины Чавчавадзе – жены Александра Грибоедова. Голос женщины-экскурсовода звучал устало, и заученные фразы словно отскакивали от нее в воздух.

– Нет, фотографировать в доме нельзя. Это большая гостиная с круглым столом, выписанным из Италии. Вся мебель в доме итальянская. Это платье юной Нины Чавчавадзе. По легенде, именно в нем ее впервые увидел Грибоедов. Князь Александр Чавчавадзе очень любил гостей, в его доме часто бывали выдающиеся поэты и писатели того времени. Он пользовался большим уважением среди своих коллег, российских и грузинских офицеров. В то же время он считался самым утонченным, образованным и богатым аристократом Грузии 19-го века. Свободно владел несколькими европейскими и восточными языками, играл на музыкальных инструментах и писал стихи. Считается «отцом романтизма» в грузинской поэзии. А еще построил прекрасную винодельню, и сегодня энотека *(коллекция вин)* Чавчавадзе считается самой крупной в Грузии. А белое вино «Цинандали» славится во многих странах. В камерах винного погреба с XIX века поддерживаются особая температура и влажность, при которых вино лучше всего хранится.

Произнеся это почти залпом, экскурсовод перевела дух и продолжила так же безучастно:

– У князя было три дочери и сын. Все они стали известными людьми. В 1846 году Александр Чавчавадзе умер в результате несчастного случая. Он возвращался верхом на лошади в имение, и вдруг кто-то подбежал и плеснул в него горячей водой. Князь упал с лошади в канаву, получил травмы головы и вскоре скончался. А его несчастная дочь Нина так и не вышла замуж после смерти Грибоедова и осталась в 17 лет вдовой. Всю жизнь она прожила в Цинандали и умерла в возрасте 45 лет. А 2 июля 1854 года имение разграбили воины имама Шамиля. Они похитили невестку князя Александра, ее сестру, детей и нескольких родственников. Нина тогда чудом спаслась в дупле старого платана. После этого она сама ухаживала за деревом и называла 2 июля своим вторым днем рождения. А пленников освободили только через год. Их обменяли на сына Шамиля и еще заплатили 40000 рублей серебром. А потом имение перешло к семье императора. Сын князя Александра оставил огромные долги, нечем было платить банку. После революции усадьба перешла к государству, а в 1947 году здесь открыли музей. Если хотите, бросьте несколько монеток в маленькое окошечко энотеки, чтобы вернуться сюда вновь. Спасибо.

Произнеся все это практически на одном дыхании, экскурсовод заторопилась к выходу. Глаза Нукри метали гром и молнии! Ему хотелось, чтобы экскурсия была

яркой, насыщенной, чтобы сказка, которую он задумал сотворить еще на трассе Тбилиси-Телави, не потеряла своего очарования. И чтобы дух «настоящего кавказского колорита», которого ему не хватило в товстоноговском спектакле, был полностью ощутим здесь.

– Не обращай внимания, – миролюбиво утешала его жена. – Экскурсоводы почти все такие. Они устают одно и то же по сотне раз повторять. Наверно, и эта наша была не в духе.

– Не в духе, – ворчал Нукри. – Что это такое, за 15 минут отбарабанила текст и даже не дала рассмотреть экспонаты ни в одном из залов?! Так галопом и проскакали по всему дворцу. В музей для чего приходишь? Чтобы все внимательно и детально рассмотреть, изучить.

– Настоящий ученый, – подмигнула мне знакомая. – Недаром доктор наук. Дотошный!

И в голосе ее звучали любовь и нежность... Они была разлита в самом воздухе усадьбы, в лиловых сумерках над роскошным парком, в изящном и печальном памятнике князю Александру, в сладком и терпком запахе магнолий, росших повсюду, и кипарисах, особенно стройных на фоне сизого Кавказского хребта. Но больше всего любви и нежности было в вальсе, все еще звучавшем с балкона. Он охватывал собой пространство, уносился к первым звездам, уже робко зажигавшимся на вечернем небе, пронизывал и дворец, и сад со старым платаном, спасшим некогда Нино Грибоедову-Чавчавадзе… Ей, прожившей на свете всего 45 лет и овдовевшей в 17, здесь были дороги каждая травинка, каждый камень. Здесь в маленькой обеденной комнате она впервые услышала звуки посвященного ей вальса и услышала признание в любви. Отсюда она, не помня себя от счастья, ехала на венчание в Тбилисский Сионский собор и сюда же вернулась через год, потеряв и мужа, и ребенка. Здесь и прожила безвыездно и покинула Цинандали только один раз – 29 июня 1857 года, чтобы навсегда воссоединиться с ними – в усыпальнице на горе Мтацминда.

Сумерки все сгущались, стали сиреневыми, а затем синими. Двери во дворец закрылись, время работы музея истекло. Но вальс, хоть и глуше, все еще доносился с балкона. И мне на мгновение почудилось, что музыкой окутали усадьбу. Словно синим кисейным шарфом Нины, в котором она была запечатлена на портрете. Нежной шестнадцатилетней девочкой, ничего не знающей о судьбе, что ждала ее.

Но разве порой не великая милость Судьбы в том, что людям не дано угадать ее планов?.. И, может быть, в этом и есть сказка жизни?

Мы возвращались обратно уже затемно. Нукри молчал и сосредоточенно глядел на дорогу. Знакомая снова тронула меня за плечо:

– Знаешь, как называется эта деревня? (Мы проезжали какое-то селение) – Верона!

Я восхитилась шекспировским названием грузинской деревушки. А знакомая продолжала:

– Ну, как, понравилось тебе в Цинандали?

– Еще бы! – выдохнула я. – Это сказка.

– Правда? – раздумчиво произнес Нукри. – Вам, правда, понравилось?

– Спрашиваете!..

Он взмахнул ресницами и, чуть помедлив, улыбнулся:

– Да, там ощущается кавказский колорит. Очарование старины.

– Конечно, – подтвердила жена. – Ты сегодня подарил настоящую сказку!

И озорно подмигнула мне.

Мне тоже стало легко и весело. Машина мерно катила по трассе. Я вспомнила, что успела завязать узелок на огромном, разноцветном от лоскутков, дереве желаний в парке, и на душе стало еще радостней. Узелок завязала, чтобы вернуться еще раз. Ну, так ведь в хорошую сказку всегда хочется вернуться…

Открылся порог благодатного лета –
Так хочет времен круговое движенье.
И радостью вновь осветилось мгновенье,
И счастьем душа милосердно согрета.

Александр Чавчавадзе

Часть 4
Чичероне и находка на Сухом мосту

После поездки в Цинандали наступило краткое затишье. Уже были осмотрены Старый Тбилиси, Ботанический сад, уже поднялись на канатке к Нарикала и на фуникулере к Мтацминда, уже гуляли по Нагорному парку, уже катались на колесе обозрения, уже вымеряли проспект Руставели вдоль и поперек, уже посетили Дом-музей знаменитого писателя и просветителя Мирзы Фатали Ахундова – моего соотечественника, уже полюбовались на сюрреалистическую башню Резо Габриадзе перед зданием Театра марионеток, уже побывали в древней столице Грузии – Мцхете, уже осмотрели Этнографический музей. Таких «уже» накопилось порядочно. Надо было думать о том, что «еще не».

– А я знаю, куда мы сегодня пойдем! – хлопнул себя по лбу Нодар. – На Сухой мост! Были там?

Мы как по команде помотали головой. Нодар просиял:

– Решено. Идем!

«Я поведу тебя в музей, – сказала мне сестра», – вспомнилась мне строка из стихотворения С.Михалкова. Если бы Нодар вдруг его продекламировал, оно прозвучало бы великолепно! Так много было в его глазах решимости просветить нас!

С Нодаром – другом моих приятелей я познакомилась на званом ужине. Уроженец Тбилиси, живущий в Москве, он радовался любой возможности посетить родной город.

– Из друзей Нукри, – тихо сказала мне знакомая, – это мой бесспорный фаворит. Умница, каких поискать, а сердце золотое. Душа теплая, застенчивая и очень отзывчивая. Мы очень любим, когда он приезжает. И знаешь – не так уж часто в людях встретишь дар приема.

Я вопросительно подняла бровь.

– Есть люди, – терпеливо пояснила она, – наделенные даром отдачи. Для них сделать что-то хорошее другому – радость и счастье.

Но для того, чтобы счастье было полным, нужно умение не только отдавать, но и умение брать. Ни один искренний дар не будет для дарителя радостным, если его не примут, как должно – с открытым сердцем. Умение дарить нечасто встречается, но еще реже – умение принимать. Не заносчиво, не снисходительно, не подобострастно, не безразлично, а искренне и душевно. Так вот, Нодар в этом отношении обласкан судьбой. Есть у него эти два потрясающих таланта: умение дарить и умение брать. И вот что еще ценно – ему не надо ничего долго объяснять. Сам все всегда понимает с полуслова.

– Вы долго будете обо мне сплетничать? – громогласно прервал наш разговор Нодар. Он уже стоял в дверях, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу.

– Фаню в сумку – и вперед! Вас ждет незабываемый день. Сегодня я ваш чичероне!

Фаньке последнее слово понравилось больше всего. Она залилась веселым лаем. Видимо, в звучании ей послышались свист и чириканье неведомых птиц!

Повеселели и мы. А как не повеселеть, если тебя уверенной походкой ведет за собой человек, от одного облика которого веет надежностью.

Внешне он был копией французского писателя Анри Труайя[1]. Те же крупные черты лица, внимательный взгляд из-под очков, та же комплекция. Существует поверье,что человек никогда не приходит один на этот свет. Где-то на земле у каждого есть его копия. Правда или нет, не знаю, но на примере Нодара и Анри Труайя мы убеждались в этом воочию.

Дорога на Сухой мост пролегала через Александровский парк и выходила дальше к Воронцовской площади.

Чичероне торжественно откашлялся и приступил к рассказу, который, как я поняла, предназначался больше для меня. Ибо мои милые спутники лишь добродушно усмехались, им-то все давно было известно! Даже Фаня задремала в своей сумке. При этом вид у нее был суровый: мол, рассказывай обстоятельно! Я-то, как коренная жительница, все давным-давно знаю, а вот ты, чичероне, не оплошай перед гостьей!

– Сухой мост был назван так потому, что бывший рукав Куры, над которым он возвышался, засыпали и превратили в улицу. А мост так и остался, только теперь его называют Сухой. И рядом с ним самый крупный в столице блошиный рынок. Чего там только нет! А на самом Сухом мосту расположились художники и торговцы разными сувенирами. В общем, сейчас сами увидите.

Нодар бросал слова, как камни. И шагал такой же уверенной, крепкой походкой доброго великана, словно пробуя землю на твердь. Дорога на Сухой мост шла через Александровский парк, названный так еще до революции в честь какого-то из императоров Александров.

– А вот это памятник Георгию Леонидзе, – махнул рукой Нодар на каменную кряжистую фигуру в распахнутом плаще.

Я усмехнулась. Благодаря чудесному экскурсоводу из Нарикалы, стихи Георгия Леонидзе мы вспоминали за эти дни не раз.

Знакомая тихонько толкнула меня в бок.

– Ты обратила внимание, как памятник Леонидзе похож на Нодара? Недаром он указал на него. Подобное тянется к подобному.

Чичероне услышал наше перешептывание и, строго сдвинув брови, продолжал:

– Воронцовская площадь названа так в честь кавказского наместника Михаила Воронцова, того самого, который «полу-милорд, полу-купец». А сейчас она называется Саарбрюкенской в честь города-побратима – Саарбрюкена. Вот мы и пришли. Сухой мост перед вами.

Первое впечатление от места, как от человека, – незабываемое. Сухой мост в лучах августовского солнца напомнил мне пестрый восточный ковер. Золотились, серебрились, переливались всеми цветами радуги бесчисленные сувениры, кинжалы, четки, чеканки, украшения. Трепетали на легком ветру, словно пугливые бабочки, разноцветные т`ека – шали из валяной особым образом шерсти. Отдельно высилась солидная груда бурок и папах. И повсюду – на земле, скамейках, – прислоненные к дереву были разложены картины, изображавшие родной край во всей красе в любое время года: «Сванские горы», «Огни Тбилиси», «Виноградники Кахетии», «Зимняя Мцхета».

– А я что говорил? – Нодар горделиво развернул плечи. – В любом городе есть свой Монпарнас. В Москве – Арбат, в Санкт-Петербурге – уголок Невского перед католическим храмом Святой Екатерины и ближе к храму Спаса-на-Крови, а у вас?

– Торговая! – воскликнула я. – Нынешняя улица Низами, но бакинцы по старой памяти называют ее Торговой.

– А тут – Сухой мост! Но идем дальше. Настоящая пещера Али-бабы впереди!

И большими шагами направился вглубь рядов. Ближе к выходу на Воронцовс-

[1] Французский писатель (1911-2007), автор более сотни томов исторических и художественных произведений.

кую площадь нас ждал роскошный блошиный рынок. Вот уж раздолье для театральных бутафоров, создателей ретро-интерьеров и просто любителей старины. Там было все: от кузнецовского фарфора до ручных вышивок, от патефонов с пластинками до громоздких телефонных аппаратов, которые я видела только в фильме «Ленин в Октябре». И книги, книги – любой тематики: научные труды строителей коммунизма и роскошные альбомы по искусству, художественная литература, научная, медицинская. Нодара привлекла стопка книг по кинематографии.

– Это займет время, – вполголоса заметил муж знакомой. – Нодар в своей стихии! Редко кто знает так советский кинематограф, как он. Ему бы «Кинопанораму» вести – самые содержательные передачи были бы у него. Жаль только, что Рязанов и Даль Орлов о существовании Нодара не знали, а то бы, не задумываясь, предложили ему роль ведущего в «Кинопанораме». Ладно, подождем. Когда он удовлетворит свой кинематографический голод, пойдем в кафе удовлетворять голод физический. Будем угощать вас старинными грузинскими блюдами, какие вы никогда не попробуете ни в Баку, ни в Москве.

Жена его улыбнулась, а Фаня одобрительно тявкнула. Мы тоже стали неспешно прохаживаться вдоль книжных рядов. Честно говоря, они не особо привлекали меня – старые, выцветшие, пыльные. Боязно было даже взять их в руки: казалось, что внутри целые колонии насекомых.

Взгляд мой рассеянно скользил по обложкам и вдруг выхватил цитату на развороте пожелтевшей страницы. Она была набрана крупным текстом и читалась хорошо:*«Родом я с Волги, зовут меня Владимир. Предки мои – волжане. Владимир... Имя это воспринимают, как «владеющий миром», «властелин мира». На деле оно означает «в ладу и мире». Давали его, желая, чтобы носитель его жил с людьми в ладу и мире. Самое неагрессивное имя! Стараюсь по мере сил его оправдать».*

Фразы этой, прочитанной теплым августовским днем 2022 года, было достаточно, чтобы я потянулась к книге и посмотрела на титульный лист: «Небо возвращается к земле» / Владимир Полетаев; Вступ. статьи Л.Озерова, Г.Маргвелашвили. – Тбилиси: Мерани, 1983. Имя автора мне ничего не говорило. Фотографии его в книге не было. Но странное чувство после прочтения строк: *«…чтобы носитель его жил с людьми в ладу и мире. Самое неагрессивное имя!»* не покидало меня.

Тем временем наш чичероне уже окончил обзор кинематографической литературы. Пора было уходить. Я протянула несколько лари продавцу и машинально кинула книгу в сумку. Путь наш лежал в маленькое кафе-погребок, где, по словам мужа моей знакомой, подавали самые настоящие старинные грузинские блюда.

Так оно и оказалось. За дегустацией пряных, острых, ароматных эларджи, пхали, харчо, мчади и лобиани и веселыми застольными разговорами я совсем забыла о книге. Да и трудно было бы вспомнить о каком-то пыльном раритете, когда Нодар так увлекательно рассказывал о шедеврах кинематографа и своей особой страсти – советском кино.

Вспомнила я о ней лишь дома, в Баку. После трудного рабочего дня хотелось почитать что-то на сон грядущий. Думалось: пролистну несколько страниц и усну. Сна не получилось с первых же строк…

«Читатель впервые встречается с именем и творчеством этого высокоодаренного юноши, о жизни которого, к несчастью, приходится с конца апреля 1970 года говорить в прошедшем времени. Владимир Полетаев родился 27 августа 1951 года в Саратове. Выпускник 567-й московской школы, он стал студентом Литературного института имени Горького. Обучался на отделении художественного перевода. Изучал грузинский язык – мечтал перевести многое из грузинских поэтов. Его успехи позволяли с большой надеждой смотреть на его будущее. Он писал оригинальные стихи, и некоторые из них были опубликованы. Погожее утро сулило погожий день...

Он полюбил Грузию. А полюбив ее, углубился в ее познание».

Так начиналось предисловие к книге, написанное поэтом и переводчиком Львом Озеровым – первым наставником Владимира Григорьевича Полетаева. Мальчика, прожившего 18 лет и успевшего сделать столько, сколько иному не удается и за 60.

Владимир Полетаев родился в семье Григория Самойловича Гершензона и Надежды Владимировны Полетаевой. Ребенком он рос одаренным, уже с четырехлетнего возраста сочинял стихи, был тонко восприимчив к музыке. В школьные годы посещал художественные кружки в Доме пионеров в Москве (семья переехала туда). Будучи школьником, активно посещал диспуты на филологическом факультете МГУ. На одном из таких диспутов его впервые заприметил Лев Озеров и предложил посещать свой семинар поэтов-переводчиков в Литературном институте.

Владимир принял это предложение с восторгом. Стал бессменным участником всех жарких споров и дискуссий. И по натуре был спорщиком, но увлечен был в споре не собственной персоной, а только поэзией.

После 10-го класса он легко поступил в Литературный институт на факультет переводаи участвовал уже в двух семинарах – озеровском и по переводу грузинской литературы.

Грузия была его страстью, его путеводной звездой. Он много переводил с украинского, белорусского, немецкого и сербского языков. Известны его переводы Т.Шевченко, П.Тычины, В.Коротича, Рильке, но неизменной глубокой любовью его была грузинская культура и яркий венец ее – поэзия.

Он переводил классиков – Николоза Бараташвили, Александра Чавчавадзе, Григола и Вахтанга Орбелиани и более поздних – Галактиона и Тициана Табидзе, Отара Чиладзе, Георгия Леонидзе и Симона Чиковани.

Школьник 16-17-ти лет работал как одержимый с порывистостью, свойственной юности, и дотошностью, присущей зрелости. Работал, как он сам говорил *«с любовью к оригиналу и с величайшей почтительностью к моим предшественникам – учителям»*. Вот так, запаливая свечу жизни с двух сторон – с оглядкой на прошлое и с надеждой на будущее.

Одна из его дневниковых записей гласит: «Сказать переводами. Как стихами». Что это значит? Стремление к идеалу: переводы не должны уступать оригинальным стихам в силе воздействия. Сказать переводами – то есть внушить, убедить, воздействовать...»

Домик возле леса снится мне поныне.
Синева раздвинет вечера границы,
Томные сестрицы выберут в кувшине
Маленькую розу для моей петлицы.

Приоткрыв оконце, мне цветок предложат,
Тихо и учтиво вымолвят при этом:
«Вам – цветок в петлицу. Вы такой хороший».
«Это так любезно было стать поэтом».

Миновали годы с той поры цветенья,
Розы облетели, и костюм потерся...
Но со мной навеки радость вдохновенья
И Тбилиси буйный – царство стихотворцев.

Галактион Табидзе «Домик возле леса»

Я нашла в интернете и прослушала единственную запись голоса поэта и была потрясена двойственным впечатлением, которое он оставил. Первая реакция: читает взрослый, умудренный годами человек, много повидавший на своем веку и преисполненный какой-то трагической силы. И вдруг сквозь этот глуховатый басок каким-то подтоном прорывались юношеские задорные нотки. Врач-фониатр сказал бы: нормальное явление – ломается голос. Я бы, наверно, прибавила – душа на изломе: балансирует между ранним духовным взрослением и юношеской импульсивностью.

Ни педагоги в институте, ни друзья, ни даже родители не подозревали о масштабе его работы. Стихи, переводы, критические заметки, письма к близким, заметки из дневника выдают в нем невероятно цельную, пытливую, бескомпромиссную, жадную до жизни и работы душу.

«До чего же хорошо, когда живешь на белом свете!.. И падает снег... Жить надо с открытым сердцем и протянутыми навстречу руками».

Эти строки он записал в своем дневнике за два года до смерти. Цельная, пытливая, бескомпромиссная, жадная до жизни и работы душа оказалась еще и очень хрупкой.

30 апреля 1970 года талантливый поэт и переводчик Владимир Полетаев покончил с собой, выбросившись из окна собственного дома. Всех потрясла эта смерть: ведь у него было все, чтобы не чувствовать себя несчастным, – творчество, преданные друзья, любящие родители, отдельная комната в квартире, любимые книги… Но выражения «не чувствовать себя несчастным» и «чувствовать себя счастливым» не тождественны.

Говорили, что причиной трагедии стала несчастная любовь. Володя полюбил женщину, много старше него – она уже была замужем и воспитывала маленькую дочку. Полетаев предложил ей руку и сердце, но она отказала, посчитав, что это всего лишь восторженный порыв. Возможно, что еще и снисходительно, по-матерински пожурила его за горячность. Ну, что же, женщину эту понять можно. Она руководствовалась благоразумием, Но Полетаев не смог перенести отказа. Родители вспоминали, что накануне рокового дня он звонил всем своим друзьям. Но кто-то не ответил, кто-то не смог прийти… И утром талантливый поэт и переводчик Владимир Полетаев шагнул в свой последний полет.

При нем нашли записку со стихами:

Но вы забыли, что в итоге
Стихи становятся травой,
Обочинами вдоль дороги
Да облаком над головой.
И мы уходим без оглядки
В неведенье и простоту
Затем, что давние загадки
Разгадывать невмоготу.

Можно много и долго говорить о слепоте и жестокости судьбы, отнявшей у мира чудесный талант с чистым и сильным голосом. Но лучше, тоньше и деликатнее, чем сделали это авторы предисловий к его книге «Небо возвращается к земле» – Лев Озеров и Георгий Маргвелашвили, пожалуй, и не скажешь:

… все, что он уже сказал, было сказано, как на духу. И, оглядываясь на его путь, на его жизнь, на сказанное им, хочется вновь и вновь повторять слова из им же сложенного о себе:

...а жизнь моя была проста
во власти чистого листа,
во власти благостной, во власти
нетерпеливого пера,
в неумолкающем соблазне,
а жизнь моя была щедра.

Вл.Полетаев. «А жизнь моя была проста»

Первые две строки этого стихотворения высечены на надгробии поэта.

А поэты, как известно, – провидцы. Жизнь Владимира Полетаева была щедра на талант, перо нетерпеливо, а соблазн испытать судьбу на прочность был великим и неумолкающим.

Но без этого гибельного антагонизма, без душевных качелей – от высот человеческого духа до дьявольского соблазна упасть на дно жизни или шагнуть по ту сторону ее, возможно, и не было бы творчества как такового. «Есть упоение в бою/ И бездны мрачной на краю…»[1]

Было только три прижизненные публикации его стихов в «Московском комсомольце» и сборнике «Тропинка на Парнас». В 2019 году в книжной серии «Поэты литературных чтений «Они ушли. Они остались» – сборник «Прозрачный циферблат» со стихами, письмами, переводами и эссе Полетаева.

Но для меня открытие имени «Владимир Полетаев» будет навсегда связано с теплым августовским днем 2022 года, когда на блошином рынке в Тбилиси я случайно нашла пыльную и выцветшую книгу «Небо возвращается к земле» грузинского издательства «Мерани» за 1983 год.

И за это я бесконечно благодарна доброму великану, подарившему нам в тот день прогулку на Сухой мост, где взгляд мой случайно выхватил строки: *«в ладу и мире». Давали его, желая, чтобы носитель его жил с людьми в ладу и мире. Самое неагрессивное имя! Стараюсь по мере сил его оправдать»*.

Думается, что он это имя оправдал. Силой своего таланта и души – незлобивой, тихой, но с очень высокими нравственными мерилами.

Хотелось бы, чтобы о нем не забывали, чтобы не было на земле забытых поэтов, чтобы тихий шелест имен их доносился до слуха лучше, чем яростные лозунги и выкрики ораторов всех мастей. Ибо языком тишины говорит с человеком Бог.

По снегу белому, по снегу,
по непротоптанной тропе,
по неоставленному следу
мы возвращаемся к себе.

Вл. Полетаев.«Романс»

[11]Строчка из «Пира во время чумы» А.С.Пушкина.

УЛЬВИЯ АХМЕДОВА

Хранитель наследия

Заслуженный деятель искусств (2007), доктор философии в области искусствоведения (2010), лауреат премии «Золотое перо» (2013), композитор, профессор Эльнара Дадашева вступил в свою самую совершенную пору.

Сложно представить, как в одном человеке органично сочетаются качества и талант композитора, музыковеда, пианиста, дирижера, педагога, причем все эти проявления ее творческой натуры реализуются с невероятно высокой степенью самоотдачи и совершенства. Всех, кто соприкасается с творчеством Эльнары-ханым, поражает, сколь оно многогранно: и сочинение музыки, и исполнительское искусство, и преподавательская работа, а еще общественная деятельность по пропаганде национального музыкального наследия, ведь каждого вида её деятельности по отдельности с лихвой хватило бы даже на одного человека. Эльнару ханым Дадашеву без преувеличения можно назвать хранителем ценностей нашего исторического наследия. Она не только глубоко и всеохватно знает нашу национальную и мировую культуру, щедро делясь своими знаниями на лекциях, в книгах, беседах на телевидении. Восхищает ее дар с упоением, увлекательно и грациозно (иначе не выразиться о ее слоге и манере говорить) рассказывать, заражая слушателей профессиональным, до тонкостей и мельчайших деталей знанием темы. Вместе с тем Эльнара ханым не только превосходно повествует об истории и настоящем нашего наследия. В ситуациях, когда требуют обстоятельства, она не может «молча пройти мимо» несправедливости и жестко отстаивает, возможно, для кого-то неудобные факты. Словом, делает то, что сухо называется «проявить гражданскую позицию». Будь то в узкоспециальной научной среде или в публичных выступлениях перед широкой аудиторией, приводя доказательную базу, основанную прежде всего на глубоко профессиональном знании темы, – она защищает и национальное наследие от сторонних посягательств.

Эльнара Рагим-Ага гызы Дадашева родилась 25 июня 1952 года в Баку. С ранних детских лет проявленный к музыке глубокий интерес и абсолютный музыкальный слух не ускользнули от внимания родителей. Ее талант стал проявляться с первых лет обучения в классе Иветты Адольфовны Гуделис в музыкальной школе имени Бюльбюля, возглавляемой в то время Кёвкаб ханым Сафаралиевой. Ее неординарные способности были отмечены и оценены преподавателями, и вскоре ученица начальных классов Э.Дадашева исполняла в совершенстве не только произведения классического репертуара. Учителя с удовлетворением отмечали её интерес и к импровизации. Когда она уже училась в старших классах, ее педагог, почувствовав бьющий через край творческий потенциал своей ученицы, направила ее в класс композиции Адили Гусейнзаде, одной из наших первых дипломированных женщин-композиторов. Так, юная девятиклассница Эльнара находит свое истинное призвание и начинает постигать глубины искусства композиции. Одними из первых произведений, сочиненных Э.Дадашевой в школьные годы, были струнный квартет, романс «Ana» на слова матери, профессора-кардиолога Саялы ханым Тагиевой, произведения для хора, серия вариаций и две тетради «Прелюдий» для фортепиано.

Следующей знаменательной вехой на творческом пути Э.Дадашевой стало поступление и учеба в 1970-1975 годах в Азербайджанской государственной консерватории имени Уз.Гаджибекова (ныне Бакинская музыкальная академия имени Уз.Гаджибейли) в классе обогатившего своими шедеврами мировую музыкальную сокровищницу выдающегося композитора Гара Гараева.

Г.Гараев, величайший представитель азербайджанской музыкальной культуры, являясь одной из титанических фигур истории азербайджанской культуры, внес своими художественными открытиями неоценимый вклад в национальное музыкальное наследие и поднял нашу музыкальную культуру на новую, прежде недосягаемую высоту. И, конечно же, быть ученицей такого корифея, пройти созданную им школу композиции, постигая эту науку в процессе совместного творческого общения, исследовательской работы, духовного взаимообмена, сыграло исключительную роль для молодого композитора с ярким дарованием. Для Эльнары Дадашевой это стало незаменимым жизненным и профессиональным опытом. Ей выпала честь быть ученицей великого Мастера. *«Студенты обожали Гара Гараева, преклонялись перед Учителем – живой легендой»*, – вспоминает Э.Дадашева. Рассказывая о своем наставнике, она делится и «штрихами» из студенческих будней, раскрывающими его как творческую личность и преподавателя: *«В годы нашего студенчества в консерваторию часто приезжали корреспонденты из различных газет, съемочные группы с телевидения. В такие моменты, когда журналисты фотографировали композитора с его студентами, Гара Гараев предлагал мне сесть рядом с ним за рояль, говоря шутливо: «Займи свое дежурное место». Однажды приехала очередная съемочная группа, и мне вновь было предложено занять «дежурное место» непосредственно за роялем. Не глядя, я расположила руки на клавишах, замерев на минуту для съемки. Это был спонтанный жест. И вдруг Гара Гараев, слегка наклонившись в мою сторону, сказал: «Разве ты не знаешь, что трезвучия без терции не бывает». Удивившись, я ответила: «Ведь это немая сьемка». «Нет, ты композитор, – не согласился Гара Гараев. – Даже если нет звука, все следует делать, как надо»*. Это был урок от Мастера. Он состоял в следующем: вы всегда и за все несете ответственность и даже в деталях должны быть правдивы.

К сочинениям, характеризующим формировавшийся в студенческие годы стиль Э.Дадашевой, можно отнести такие произведения, как Прелюдии для ф-но (1971), Соната для скрипки и фортепиано (1972), «Струнный квартет» № 2 (1973), «Концертино» для двух роялей и ударных инструментов (1974), «Концерт-симфония» для фортепиано с оркестром (1975). Каждое из названных произведений, являясь совокупностью, сплавом, вобравшим в себя индивидуальный творческий почерк молодого композитора, в то же время отразило характерный для 60-70-х годов XX столетия поиск новых стилей и тенденцию к неоклассицизму и, конечно, вдохновленные национальными традициями мелодии и гармонию, переданными через возможности современной музыкальной техники.

Не случайно музыковед Л.Карагичева в журнале «Советская музыка» (1974, № 5), говоря о втором «Струнном квартете», впервые исполненном в 1973 году на концерте IV съезда Союза композиторов Азербайджана, особо отметила: *«И ещё одна удача, говорящая о незаурядном даровании автора, пока ещё студентки Азербайджанской государственной консерватории. В «Струнном квартете» Э.Дадашевой (класс Г.Гараева) соединение старого и нового, «европейского» и национально-фольклорного служит выражением концепции, драматическая конфликтность которой открыто объявлена соседством возвышенной «классичности» строя медленной третьей части и скорбной мугамной патетики финала»*.

Созданный в результате обращения к масштабным, судьбоносным формам и их удачному драматургическому решению «Концерт-симфония» Э.Дадашевой, удостоенный диплома I степени на конкурсе дипломных работ выпускников творческих факультетов вузов Азербайджана в 1975 году, стал прекрасной демонстрацией художественных возможностей молодого композитора.

После окончания консерватории Эльнара Дадашева продолжила композиторскую деятельность, одновременно ведя преподавательскую работу в качестве ассистента-стажера в классе Г.Гараева. Ее творческий стиль, вырабатываемый годами,

в целом созрел и определился. Однако каждое новое произведение в репертуаре воплощает стремление композитора не останавливаться на достигнутом. Она работает над тем, чтобы отточенный музыкальный язык, цельность формы и сложившиеся выразительные средства ее произведений звучали ясно и прозрачно.

Как отмечает композитор, *«...я считаю себя ответственной за каждую ноту»*, и эта фраза как нельзя более точно передает отношение Эльнары ханым к своему вдохновенному труду. Э.Дадашева, творчество которой за более чем полувековую активную плодотворную деятельность представлено как камерной музыкой, так и крупными оркестровыми произведениями, и олицетворяет собой разнообразные композиции, созданные в большинстве жанров, продолжает радовать слушателей своими новыми сочинениями.

К масштабным концертным опусам композитора относятся «Концерт-симфония» для фортепиано и Большого симфонического оркестра (1975), полнометражная симфония для БСО (1976), из сценических произведений балет «Саялы» (1977, премьера 2012), 24 прелюдии для фортепиано (1969-1994), вариации для фортепиано (1971, 1986), созданные на музыку балета симфонические сюиты, вариации на тему азербайджанской народной песни «Süsən sünbül» для органа (1981), «Постлюдия», посвященная памяти В.Мустафазаде (1981), «Фантазия для органа Сегях» (1999), «Колыбельная Ходжалы» (1999), «Лачин» (2020), пьесы для различных духовых инструментов (флейта, гобой, кларнет, валторна, труба, тромбон, туба, фагот), марши (1984-2004), пьесы для народных инструментов (тар, кяманча, канун, духовые, 1984-2011), «Səda» для двух флейт и фортепиано (2011), две концертные пьесы «Aşıqsayağı» для двух фортепиано и ударных (1986-2009), пьесы разной степени сложности для двух фортепиано (1974-2012), ашугские миниатюры для саза с современной гармонией сопровождения рояля (2015, 2021), «Фуги на основе ладов азербайджанского мугама» для фортепиано, состоящие из двух тетрадей (21 фуга, 2010-2012), «Ağ dəniz lövhələri» для виолончели и фортепиано (2015), фортепианные пьесы для детей (1983-1984), музыка к документальным фильмам (1990-1995), хоровые произведения a capella на слова разных поэтов, также сочинения для хора с сопровождением различными ансамблями, песни для детского хора и солистов, цикл песен и романсов «Страницы жизни женщины», марши для симфонического и духового оркестров и др. Главной особенностью каждого из перечисленных произведений является то, что в них в контексте современной музыки органично живут и сосуществуют музыкальные интонации, берущие начало из национального источника. В этой музыкальной ткани и с деликатной тонкостью отработанная фактура, и ритмическая игривость, и тембровое разнообразие, и богатство ярких красок служат созданию единого музыкального образа.

В этой связи достаточно вспомнить композицию «Диптих», созданную Э.Дадашевой для национальных духовых инструментов и фортепиано (Вторая версия для национальных духовых инструментов и камерного оркестра). В композиции блестяще продемонстрированы колоритно звучащие на фоне камерного оркестра народные духовые инструменты – балабан, зурна, ней. Сам «Диптих» состоит из двух частей – «Колыбельная» и «Празднество». Невозможно передать ощущение слушателя, когда совершенно неожиданно на фоне звучания классических оркестровых инструментов вдруг слышатся первые пасторальные звуки нэя. Этот свободный и органичный алеаторический «эксперимент» Эльнары Дадашевой сам по себе наглядно демонстрирует то, что она является достойнейшей ученицей великого Учителя – Гара Гараева.

В первой части «Диптиха» звучит «Колыбельная». В ней тема, отданная балабану соло, звучит как интродукция. Основанная на Сегях, «Колыбельная» словно оживляет прекрасные уголки родной земли, повседневную жизнь простых людей. Оркестр и другие духовые инструменты постепенно присоединяются к соло, усиливая воздействие музыки и продолжая ее спокойное развитие.

Вторая часть, в соответствии со своим названием «Празднество», отличается динамичностью ритма и яркостью тембров, передающих настроение ликования. Соло национального инструмента гара зурны, присоединяющееся к звукам классических европейских инструментов оркестра и звучащее как глашатай торжества, блестяще завершает произведение.

Композитор так передаёт словами текст музыки: «*Как и колыбельная, праздник является неотъемлемой частью жизни народа. Разве можно провести его под открытым небом без звуков зурны и других национальных духовых инструментов? Так было веками и продолжается до сего дня. Это философия, и она связана с самыми памятными, самыми значимыми моментами жизни человека*». Раскрывая значения названий частей «Диптиха», композитор отмечает, что «*Колыбельная «лайлай» – своего рода защитный символ-оберег из нашего национального фольклора. Поют ее и появившемуся на свет младенцу, и уходящему в другой мир человеку*».

Тема Карабаха, родины всегда занимала особое место в творчестве Эльнары Дадашевой. Композитор, чьи корни по материнской линии восходят к Карабаху (мать Эльнары ханым – доктор медицинских наук, награжденная орденом «Шохрат», профессор Саялы ханым Тагиева, была родом из Шуши), «второй святыне», как она называет его, в своих воспоминаниях, опубликованных до освобождения Карабаха, пишет: «*С детских лет мы каждое лето проводили в Шуше – у моей прабабушки. Кристальной чистоты воздух, неповторимый вкус воды из природных источников, чудесные пейзажи этого благословенного края я с трепетом храню в памяти. Помню все истории, рассказанные нам старшими... День и ночь молю Аллаха о возвращении Шуши*».

Все долгие годы Эльнара ханым хранила в своем сердце горечь утраты священной родины, скорби по убиенным и беженцам, изгнанным с родных земель, щемящей тоски по родным местам, мечтая, как и весь наш народ, чтобы карабахцы вернулись на свои земли, чтобы воцарились мир и покой. И, конечно, все эти чувства – от невыносимой тоски до светлой надежды и непоколебимой веры в восстановление справедливости – нашли свое отражение в созданных композициях. В посвященной трагедии зверского уничтожения детей, стариков и женщин «Колыбельной Ходжалы», написанной для органа, вы слышите и навеянные рассказами бабушки воспоминания о некогда мирной благополучной жизни, и грусть по утраченному прошлому, и жизнеутверждающий оптимизм в отношении будущего. Как подчеркивает Э.Дадашева, в основу этой «Колыбельной» положены «*мотивы лайлай, которую в детстве пела мне моя бабушка родом из города Шуша*».

Все эти годы чувства и переживания, не дающие душе покоя, воплощались в сочинениях композитора, отражая ее неизбывную тоску по родине и в то же время борцовскую натуру Эльнары ханым. Это марши «Qalx döyüşə, Azərbaycan», «Vətən keşiyində duran əsgərəm», романс «Vətənim» (на слова Г.Мурад), произведения для хора «Alqış qeyrətinizə», «Gedən gəlmədi», много инструментальных произведений.

И, конечно же, исторические события нашей новейшей истории, происходящие во время и после Второй Карабахской войны, отразив всю гамму эмоций и переживаний, нашли воплощение в созданных ею в этот период произведениях, в частности, написанном для фортепиано произведении «Лачин» и «Vətən sağ olsun» для тенора и большого симфонического оркестра. Сочинения Эльнары Дадашевой, призывающие на бой наших отважных героев, исполняются в концертах, как дань памяти героям, отдавшим жизнь за родину.

Победа во Второй карабахской войне наполнила радостью и гордостью сердца всех жителей нашей страны, весь наш многонациональный народ. Окрылённая этой победой, Эльнара Дадашева была в числе тех, кто в День национальной музыки принял участие в традиционном фестивале, который 18 сентября 2021 года прошел в славной Шуше впервые после долгого, почти тридцатилетнего перерыва.

Особое место в творчестве композитора Эльнары Дадашевой занимает вокальная музыка – музыка, покоряющая души и радующая человеческие сердца. Ведь только гармоничное сочетание художественного текста и музыки может привести к созданию совершенного произведения искусства. Э.Дадашевой мастерски удается создать цельное произведение, в котором оба фактора переплетены в органичное единство. Чуткая натура композитора, способность впитывать душой и сознанием каждый нюанс, позволяют музыкальными средствами и приемами емко выразить художественные образы в рамках малой формы. Эти произведения с разноплановыми колоритными образами, объединенные под общим названием «Страницы жизни женщины», создают своеобразную биографическую мозаику композитора.

Среди вокально-симфонических произведений Э.Дадашевой – дженги и марши (1992-2005 гг.), песни и романсы, написанные на слова азербайджанских поэтов как классиков древности Низами и Физули, так и классиков XX века – Г. Джавида, А. Джавада, А. Джамиля, М. Мушфика, С. Вургуна, Б. Вахабзаде, Т. Эльчина и др.

Э.Дадашева, глубоко чувствующая вокальную, особенно хоровую музыку, создает большое количество значительных произведений и в этом жанре. Не случайно мастер хорового искусства Азербайджана Дж.Джахангиров, в своё время высоко оценивший хоровые миниатюры Э.Дадашевой, посоветовал ей сосредоточиться и на этом направлении. Благодаря своему полифоническому мышлению и умению профессионально работать с тембрами, Эльнара Дадашева создала множество образцов как для хора *а капелла* (хор без инструментального сопровождения), так и для хора с инструментальным сопровождением. В репертуар большинства хоровых коллективов республики вошли произведения композитора, демонстрирующие неповторимую, своеобразную гармонию, высокую технику хорового письма, выразительных средств и раскрытия содержания. В этой связи можно вспомнить успешно прошедший юбилейный концерт в 2-х отделениях, посвященный творчеству Э.Дадашевой, где в первом отделении в исполнении симфонического оркестра под управлением маэстро Рауфа Абдуллаева прозвучали I и II части Симфонии и Концерт-симфония для ф-но с оркестром, а во втором отделении Азербайджанской государственной хоровой капеллой под руководством главного дирижера Г.Имановой были представлены сочинения автора, созданные для хора.

Как и всякий по-настоящему творческий человек, Эльнара ханым находится в постоянном художественном поиске, в процессе непрекращающегося самосовершенствования и саморазвития.

Эльнара Дадашева является и одним из видных музыковедов нашего времени, ее глубокие, исполненные на высочайшем профессиональном уровне исследования являются достоянием национальной науки и музыкальной культуры. За время ее научно-творческой деятельности были изданы монографии, учебники и учебные пособия, программы, методические рекомендации. Она является автором многочисленных статей в научных сборниках, журналах и других периодических изданиях, докладов на международных и республиканских конференциях. Невозможно представить современный учебно-педагогический процесс без таких ее научных работ, как «Мелодические модуляции в азербайджанских народных танцевальных мелодиях» (2016), «Говхар Гусейнова» (2020), впервые изданные на азербайджанском языке «Курс кратких лекций по полифонии» (два учебных пособия: 1991, 1998), «Сборник для хора» (учебно-методическое пособие по предмету «Сольфеджио» для детей дошкольного, школьного возраста и студентов высших музыкальных учебных заведений, 2005), «Чтение с листа и определение на слух ладовых отклонений на основе азербайджанских народных танцевальных мелодий по предмету «Сольфеджио», «Чтение с листа и определение на слух мелодических модуляций на основе азербайджанских народных танцевальных мелодий по предмету «Сольфеджио» (два учебника: 2010, 2011).

Благодаря музыковедческой деятельности Э.Дадашевой, сокровищница нашего музыкального наследия пополнилась многочисленными работами, публикациями, а также «живыми» выступлениями на телевидении, демонстрирующими ее прекрасные ораторские способности. Посвященные таким личностям, как Узеир Гаджибейли, Гара Гараев, Фикрет Амиров, Вагиф Мустафазаде, Тофиг Гулиев, Огтай Зульфугаров, Севда Ибрагимова, Назим Аливердибеков, Адиля Гусейнзаде и др., эти передачи наглядно передают масштабное мировоззрение и глубину познаний Эльнары ханым.

В какой бы области науки и творчества Эльнара Дадашева ни работала, она движима любовью к родине, вся ее работа проистекает из желания принести пользу в той сфере, где востребованы ее професионализм, знания и умения. Особенно чутко относясь к детям и молодежи как будущему потенциалу государства, понимая неоценимую роль раннего обучения, Э.Дадашева, возглавлявшая секцию музыки для детей при Союзе композиторов Азербайджана, создала ряд опусов и циклов произведений для детей.

Работая с 1978 года преподавателем, затем старшим преподавателем, доцентом кафедры композиции (2003), профессором кафедры теории музыки (2009) Музыкальной академии имени Уз.Гаджибейли, Э.Дадашева преподает студентам композицию, чтение партитур, сольфеджио, инструментовку, гармонию, анализ музыкальных форм, полифонию, обучая точным и сложным теоретическим и творческим предметам.

На протяжении многих лет Э.Дадашева, работая со студентами, изучающими композицию, совершенствующимися в теории, является руководителем выпускных творческих и научных работ бакалавров, диссертаций магистров и диссертаций докторантов на соискание ученой степени доктора философии в области искусствоведения. Работа по развитию творческих способностей и умений студентов направлена прежде всего на формирование личности специалиста и его профессионального уровня. Строя свою преподавательскую деятельность, Эльнара ханым уделяет внимание раскрытию индивидуальности студентов, правильному выбору их жизненной позиции, напрямую связанному с реализацией творческого потенциала.

Одним из инновационных подходов, применяемых Э.Дадашевой в процессе обучения, является принцип композиторского анализа, основанный на теоретико-методологическом и практико-экспериментальном анализе процесса подхода к исследуемому материалу, который восходит к таким мастерам, как Д.Шостакович, Г.Гараев, Б.Асафьев, Л.Мазель, С.Шейн. Этот, применяемый Э.Дадашевой принцип композиторского анализа, дает отличающийся от общепринятого, более детальный и широкий взгляд на партитуру.

Подход к анализируемой композиции через призму композитора представляет собой другой, более детальный, комплексный индивидуализированный метод раскрытия формы, стиля, инструментовки и демонстрирует умение аналитически выразить такие вопросы, как приемы оркестровки, принципы драматургического развития, тембровую окраску резонирующих друг с другом внутри полифонических линий, инструментальных пластов и соло, структурные особенности мельчайших элементов ткани, каждого мотива, интонации и др.

Не довольствуясь простой демонстрацией готовых результатов проделанной аналитической работы, она формирует у студентов навыки самостоятельного исследовательского анализа и в целом композиторский подход к разбору музыкального произведения. Вводя в учебный процесс новые методы обучения, Эльнара Дадашева еще раз подтверждает известную истину о том, что талантливый человек талантлив во всем. Ее яркое дарование и творческие способности проявляют себя не только непосредственно в музыкальном творчестве, но и в ее педагогической деятельности. Как известно, не каждый ученый, каким бы великим он ни был, может передать ученикам свои знания. Для этого нужно еще обладать великим даром Педагога.

И, конечно, иметь великодушие – то есть великую душу – передавать бесценные знания и опыт грядущему поколению. В этом и заключается педагогическое мастерство и дар Эльнары Дадашевой.

Произведения Э.Дадашевой, входя в репертуар многих музыкантов, ансамблей и оркестров, исполняются в концертных залах страны и за ее пределами: в США, Канаде, Японии, Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Турции, Украине и России. В числе исполнителей можно назвать таких всемирно известных музыкантов, как французский струнный квартет Гауди, трио Допплер, солисты – кавалер ордена Почетного легиона, Посол мира при ООН, заслуженная артистка Азербайджана, пианистка Адилия Алиева, профессор из Америки Кеньон Уилсон (тубист), японская пианистка Гюльнара Азума-Сафарова и японский флейтист Даиске Азума и другие.

Творческие вечера, знаменательные мероприятия, авторские концерты всегда становятся событием в культурной жизни республики. Одним из таких знаковых событий – вехой творческого пути композитора стал посвященный родителям композитора балет «Саялы», написанный в конце 70-х годов прошлого века и после 36 лет ожидания с успехом поставленный в 2012 году в Азербайджанском академическом театре оперы и балета им.М.Ф.Ахундова.

В 2018 году в Азербайджанской государственной филармонии имени М.Магомаева в исполнении симфонического оркестра им.Ниязи Азербайджанского телевидения и радио под руководством художественного руководителя этого оркестра, дирижера Назима Гаджиалибекова состоялся творческий вечер, на котором исполнялись сочинения Эльнары ханым, в программу вошли и симфонические номера из балета Эльнары Дадашевой, произведения, созданные в различных жанрах.

Внимание композитора к молодому поколению отражено и в участии композитора в таких мероприятиях, как организованный в 2021 году творческий вечер композитора в концертном конференц-центре им.Ф.Амирова университета Хазар. На этом творческом вечере выступили и народный артист, директор Дома-музея Уз.Гаджибейли, композитор Сардар Фараджев, учредитель, ректор университета Хазар, профессор Гамлет Исаханлы, проректор по учебной работе БМА им.Уз.Гаджибейли Нармина ханым Гулиева, музыковеды, студенты и преподаватели университета. После концертной части творческого вечера состоялось живое общение зрителей и гостей. Дискуссия по животрепещущим вопросам, касающимся истории и настоящего нашей культуры, стала для молодого поколения еще одной возможностью соприкоснуться с мыслями, взглядами, мировоззрением культурной элиты нашего общества.

Отметившая в прошлом году свое 70-летие, Эльнара ханым продолжает активно заниматься творчеством, исследовательской работой, преподавательской деятельностью. Эльнара ханым сочиняет пьесы для фортепиано, пьесы для трио и квартета струнных и духовых, работает над произведениями для редко используемых композиторами в качестве сольных оркестровых и народных инструментов. Ее музыка и в целом все ее творчество – словом, все, чем она занимается, – пронизаны любовью к родному краю. Отсюда она черпает свое вдохновение, и к ней, к родине, направлены все помыслы, с ней и с ее светлым будущим связаны планы и задачи композитора Эльнары ханым Дадашевой.

Хочется пожелать композитору счастья и удачи!

АЛИНА ТАЛЫБОВА

ПЕРЕВОДЫ ИЗ АНГЛИЙСКОЙ ПОЭЗИИ

Огден НЭШ

Тайны мироздания

Господь велик:
он создал комаров,
А для чего –
признаться не готов...

Добрый совет

Когда в законном браке, брат,
Счастливой ищешь доли ты,
Покайся – если виноват...
А если прав – тем более!

Дилемма

Котенок мил, но горе в том,
Что поздно или рано,
Но он становится Котом –
Хозяином дивана!

Увы...

В мире лжи и чистогана,
Честность –
лишь фата-моргана.

Секреты хорошего воспитания

Родители нужны, чтоб чад стращать
И громоздить все новые запреты,
А дети, чтоб запреты нарушать –
И радость жизни ощущать при этом!..

Хилари БЕДЛЛОК

Исповедь графомана

Устал я страсти рвать
В стишках бездарных,
Но лист к себе
Так манит гонорарный...

Джон КЛЭР

Творческие муки

Не выразить словами мне
Накал души моей...
И вот она лежит на дне
Чернильницы моей.

Джордж ГРАББЕ

К обручальному кольцу матери поэта

С годами износилось, истончало
И блеск первоначальный потеряло.
Но все-таки осталось золотым,
Как та любовь, что освящалась им.

Роберт ФРОСТ

Альтернатива

Тот говорит –
что мир в огне сгорит,
тот на беду
пророчит смерть во льду...
А лично я за то,
чтоб жар огня,
лёд растопив, спас Землю –
и меня.

Эдвард ФИТЦДЖЕРАЛЬД

Подражание Хайяму

Под старым дубом –
том стихов раскрытый,
Хлеб дышащий с кувшином недопитым,
И слышу в чаще песню я твою...
Что нового покажут мне в раю?..

Примета

Ночные сны –
привет от Сатаны,
Сны на рассвете –
от ангелов вести...

(Аноним)

Зеркало

Изменчиво, как женщина в любви...
Но есть одно отличье от последней:
Я все же замечаю визави
И вижу не себя, а собеседника.

(Аноним)

Взаимность

Нас Время убивает,
мы – его,
И квиты с ним
навечно оттого.

(Аноним)

НАШИ ГОСТИ

АЛЕКСАНДР ДИМИДОВ

Р А С С К А З Ы

Мужчина и женщина

Он пьет кофе за столиком уличного кафе в городском сквере утром. Свежесть, птицы, июньская зелень, прохлада. Пока не парит. Один и тот же напиток в четырех стенах и на открытом воздухе дает абсолютно разный аромат. Не курит. Не читает свежую газету, стараясь избегать вредных и пошлых обывательских штампов. Чашка хорошего кофе, стакан воды. Вглядываясь, почти бессознательно, в черную гладь, отражающую белый зонт над головой.

Он погружен в свои мысли, но видит все. С первого момента, как она появилась. Оценил заманчивый силуэт. Летнее, приталенное платье. Походку, босоножки на каблуке. Вьющиеся волосы. Светлая сумочка в руках. Пока она делает заказ у барной стойки, он успевает заметить грудь и рисунок ажурного белья в просвете. Ее руки унизаны кольцами, на шее – нитка жемчуга. Нежная бледная кожа. Выбирая столик, она могла сесть подальше, спиной к нему. Но предпочла соседний. Официант приносит ее заказ. Стакан сока с соломинкой, кофе, опускает пепельницу на белоснежную скатерть. Сначала медленно исчезает фреш. Она поджигает край тонкой сигареты и, затянувшись, показывает ему запястье, листая айфон.

Первая фраза. Какой она будет? Или, откровеннее, – какой она могла бы быть? Что-нибудь банальное. А что может быть банальным в наши дни? Время не спросишь – у всех смартфоны. Чудесное утро, сударыня! И добавить эту английскую – «не так ли»? Примет за идиота. Так о чем они могли бы заговорить, если бы захотели? В сетях нынче знакомиться в разы проще, чем вот так, на улице. Будь у него желание, он бы подошел к ней и спросил, можно ли ему присесть за ее столик. А потом сразу бы представился. И спросил, можно ли узнать ее имя. А затем, слово за слово, все завертелось бы само собой. Дальше – проще. Все становится на рельсы, и они летят навстречу приключениям.

Стоп. Никаких паровозов, вагонов и даже дрезин. Полотно разобрано, он давно сжег испачканный углем, пропахший дымом мундир машиниста. И пребывает в лимбе. Еще не стар, чтобы напрочь утратить желание и интерес. Уже не молод, чтобы броситься в интригу. Русский физиолог Павлов, умирая, диктовал ученикам свои ощущения. У него не все так трагично. Просто он с иронией следит за потугами своего либидо, как за бормотанием попугая в клетке.

Решения принимать не птице. Когда-то все было наоборот. На одной чаше весов сидела исполненная соками жизни, жирная, как чернозем, молодость и бурно реагировала на любые внешние раздражители. А подвешенный ее весом где-то наверху разум иногда выдавал скупые комментарии происходящего. От него мало что зависело. Его редко принимали в расчет. Первенство принадлежало чувствам, казавшемуся бесконечным драйву, как сейчас принято называть. Но с годами опыт растет и тяжелеет за счет набитых шишек. На каком-то этапе они сравнялись. Можно назвать этот феномен равнодействием. Моментом истины. Похоть, глядящая в глаза совести. Всю дорогу они уморительно ссорились и корчили рожи друг другу.

Теперь его пернатый сатир все еще заставляет обращать внимание на вещи, которые когда-то так много для него значили. Изгиб юной шеи, депилированная икра, ремень босоножек, духи. Грудь, полные страсти губы, овалы ягодиц, которые при должном пошиве и тонком белье грациозно колышутся при каждом шаге. Это все еще

может быть его, захоти он снова сыграть в игру, исход которой, с определенной степенью вероятности, известен. В том смысле, что может и не быть. Усталость игрока. И деньги есть, и с картой везет, а желание играть куда-то испарилось.

Но он готов поверить, что ее история действительно глубока и неповторима.

То, как она укладывает волосы, как носит обувь, как прикасается к вещам, как иногда во сне подрагивает ее верхняя губа. Переливчатый колокольчик ее смеха, крошки от раздавленного печенья на дне сумки, свежесть только что отглаженного белья. Алый натоптыш, вкус помады (перламутр почему-то всегда вкуснее), следы от колец на коже, когда она снимает их вечером, запах подмышек. Оставленный в постели след ее тепла, волосы, пахнущие готовкой, ласковый тембр голоса по телефону, положение ног на кресле, забытая книга, колготы, гнев искренний и бессильный перед последующим примирением. Ее детские фотографии, любимый цвет, черствость матери. Слезы. Ванная церемония, удивительная способность каждый день болтать с коллегами, как будто не виделись месяц. Следы губ на чашке. Уроки игры в теннис. Общение с цветком или собакой. Излишне аккуратное вождение. Стрелка на чулке. Прозорливый взгляд. Безумный шопинг. Перемены настроения, как всегда, некстати. Умение не замечать часов. Родинки. Крем в уголке рта. Подтрунивание над ним и детское непризнание своей вины. Ложь. Прямая спина на публике. Желание. Тайна. Боль. Теплое слово в нужную минуту. Благодарность. Получасовой танец по квартире ради того, чтобы выгнать невредимым залетевшего мотылька. Звук при глотании вина. Следы на морском песке, податливость загорелой кожи, увлажненной гелем для загара. Странная привязанность к его рубахе. То, как она дышит. Как ест, поднимается со стула, проводит рукой по бедру, оправляя юбку. Ее профиль, освещенный полной луной или солнцем на рассвете. Шея, пахнущая морем. Останки круассана, напоминающие смерть лобстера (выедена шоколадная начинка, а кусочки теста свалены насыпью на краю блюдца). Воздушный след в коридоре. Ее слова, которые со временем станут его словами.

За всю свою жизнь он никогда не встречал женщин, которые бы не были божественны, хотя бы в какой-то одной своей ипостаси. Но смотрите, что будет дальше. Познакомившись, они, возможно, станут встречаться. Захотят проводить время друг с другом. Больше узнавать себя. Так возникнет привязанность. Какая-то часть его времени больше не будет принадлежать ему, а ее – ей. В молодости люди по наивности верят, что, объединившись, решат проблемы друг друга. Блаженная чушь. Правда в том, что к личным проблемам каждого из них теперь прибавятся новые – общие.

А может, все бросить? Улететь на край земли и начать с того самого чистого листа? Чтобы в лицах старых знакомых не узнавать правды о самих себе. Чтобы не напоминали, кем они были в той, другой, прежней жизни. Готовы ли они к такому? Новое место, чужой язык, чужие люди. Их чувствам придется выживать в необходимости приспосабливаться к новым обычаям, правилам и обстоятельствам. Чего будут стоить его и ее заслуги там? Смогут ли они, теперь уже вдвоем, самореализоваться снова? Хорошо, если в здравии и достатке. А если нет? Будут ли они находить радость в мелочах? Ценить то, что имеют. Радоваться солнечному лучу, выкладывая из рыбьей требухи слово счастье.

Существует великий дар влюбляться безоглядно и сжигать мосты без мещанских склок. А потом все отстраивать заново. И рано или поздно приходить к тому, от чего сбежал. Почему? Потому что все преходящее конечно, а все конечное преходяще. Это не повод не жить, но повод быть более осмотрительными и терпеливыми. Надоедает все. Так устроена жизнь. Любовь убивают не измены, а тихая повседневность. Да, можно разнообразить. Но приедается все. Если каждый день ходить в цирк, очень скоро устаешь смеяться от шуток клоунов, даже когда всякий раз дают новое представление.

Он пытается вспомнить все самые прекрасные моменты, которые им не суждено прожить вместе. Первый поцелуй. Первую ночь. Ее нежную стыдливость и его нетерпеливую настойчивость. Их первый неловкий взгляд, глаза в глаза, когда все уже произошло. Постепенное привыкание к другому. Ее присутствие в его мыслях, и наоборот. Постоянный диалог с другим, даже когда его нет рядом. Блеск ее глаз, обворожительно красивое лицо, освещенное снизу лампой столика с живыми цветами в уютном ресторане. Волосы, опадающие каскадом после того, как он сам открывает заколку. Радость от ее имени, загорающегося на дисплее смартфона. Их поездки за город. Пикники в фламандском стиле. Шерстяной плед, расстеленный на траве под дубом, на вершине холма, вместо мольберта. Плетеная корзина с запечённой уткой, фруктами и зеленью. Заменитель вина – слегка подслащенный натуральный гранатовый сок. Испачканная кремовая блузка и путешествие домой в ажурном бюстгальтере. Первый уикенд за границей. К чертям банальщину – загаженный Париж и «благоухающую» канализацией Венецию. Они рванули к норвежским фьордам. Скупой на тепло северной природе, раскрывшейся в середине июля. Терпкий, прелый запах дремучего леса, призраки эльфов. Пещеры. Водопад в устье поросшей салатовым мхом скалы. Ее частое дыхание, пятно пота на спине футболки. Игривая усталость. Ужин лесорубов – вяленая оленина, свежие овощи и красное вино при свечах. Ночь в сосновом шато, когда они спали без задних мыслей и задних ног, просто прижавшись друг к другу. Осень в городе. Возвращение в любимые кафе и концертные залы. Поход на выставку экспрессионистов. Встречи с друзьями. Воскресные обеды у родственников. Покупка щенка. Приятные хлопоты, связанные с переездом. И первые холода, встреченные у камина в их новом доме, который им предстояло обживать день за днем, долгими годами, вместе.

Он намеренно избавит ее и себя от всего глупого, ненужного, наносного. От подозрений и растерянности, от недомолвок и раздражения. От серого быта и суеты, от разочарования и одиночества. Мы не становимся лучше. Тише, непритязательнее – да, но это всего лишь обратная сторона потерянной яркости и энергии. Он не хочет дать ей повод усомниться в нем, потому что сам не готов испытывать свою верность. Увлекаясь, теряешь частицу себя. Теряя любовь, отрываешь снова, по-живому. Ему встречались удивительные женщины. С большинством из них он мог бы прожить банальную долгую и счастливую жизнь. Но разве могут быть у астронома любимые звезды?

Видеть красоту в завершенном легко. Куда труднее разглядеть мудрость и величие несовершенного. Летний сквер, в котором они пьют кофе, – все тот же сад расходящихся тропок. За каждым выбором – новый поворот. С каждым следующим шагом все ближе развязка. Он не желает обижать одни тропы предпочтением других. Ему нравится обозревать разветвления сюжета целиком, во всем многообразии линий. Как если бы над сквером поднялся квадрокоптер и передал картинку с пресловутой высоты птичьего полета.

Они расстанутся, не повстречавшись. Не испытав соблазна любви. Их пустые чашки и блюдца на разных столах, будучи унесены официантом и вымыты, развесят для просушки, а затем вытрут и отправят в шкаф. Как собирают карты в колоду перед новой раздачей.

Квартет

Имена тех, кому разрешили выезд из СССР до шестидесятых годов, давно канули в Лету. Едва ли их набралось больше дюжины. В сорок восьмом возникло независимое государство Израиль, а к середине пятидесятых его правительству удалось расселить большинство иракских евреев из палаточных городков *маабарот*, где местамибыл «один душ на двести душ» и один сортир на шестьдесят – в новосозданные «города развития». Им никто не помогал. Они обеспечивали себя сами. Бен-Гу-

рион направил деньги немецких репараций на строительство новых домов для тех, кто считал землю Израиля своей землей. И когда люди стали обживаться, устраивать свой быт, в окружении врагов, во дни непрекращающейся войны с арабскими государствами, рассеянное по всей Земле семя Авраамово исполнилось надежды. В 1957 году ребе Шлойме Шлифер, главный московский раввин, через последнего еврея в советском правительстве Лазаря Кагановича добился встречи с Хрущёвым. Ребе выделили десять минут. Шлифер попросил Хрущёва разрешить лицам еврейской национальности, проживавшим в Советском Союзе, вернуться на историческую родину. Но Хрущев отмахнулся, как только вник в суть вопроса. Секретарь получил нагоняй за то, что пустил «кого попало». Старик Каганович просчитался, подумав, что человек, не по рассказам знавший о полете Казанской Иконы Божьей Матери на сталинском самолете над Москвой в декабре сорок первого, прислушается к просьбе духовного лица. Кагановича сместили со всех постов менее, чем через год. В том же 1957 отошел в вечность ребе Шлифер, нисколько не сомневавшийся, что по воле Господа, рано или поздно, путь страждущим в Землю Обетованную непременно откроется.

И он открылся десять лет спустя, с восхождением Брежнева. В 1966, после смены Генерального секретаря ЦК КПСС, другой ребе – Абрам Лубанов, главный раввин Ленинграда, получил аудиенцию у нового властителя страны. Лубанов вынул из-за пазухи советскую газету, сложенную так, чтобы в глаза сразу бросался крупный заголовок «Красная река», и показал ее Брежневу. В статье говорилось об Иртыше, одном из притоков реки Обь, второй по размерам водной артерии СССР, который ни с того ни с сего изменил русло и пошел по дну гигантского заброшенного карьера, в котором раньше добывали руду. В результате вода получила насыщенный красный цвет, и все население территорий от Тары до Ханты-Мансийска стало свидетелем кровавого разлива. Брежнев знал об этой проблеме. В регионах возникли сложности с питьевой водой, однако за несколько недель была, во-первых, построена дамба, вернувшая воды в привычное русло, во-вторых, организовано водоснабжение для пострадавших районов и в том числе дополнительное фильтрующее оборудование на водоочистительных станциях. Брежнев не внял библейской цитате. «Мы сами поворачиваем реки вспять, дорогой товарищ», – ответил он, улыбнувшись во всю широту своей души. Раввин выслушал его, потупившись. Высокий, с длинной седой бородой и мраморно-спокойным лицом, он, мудрые слова которого так часто находили дорогу к любому сердцу, не знал, как переубедить генсека. «Дальше будет мор, – только и сказал он на прощание. – Великий мор скота».

Пришедший следом 1967 год ознаменовался Шестидневной войной. Благодаря хорошо спланированному превентивному удару израильтяне почти полностью уничтожили арабскую авиацию, не дав ей подняться в воздух. Четыреста пятьдесят два самолета. Если учесть, что, за исключением редких британских «Hawker Hunter», весь остальной парк машин всецело состоял из техники советского производства – самолетов МиГ-21, МиГ-19, МиГ-17, Су-7, Ту-16, Ил-28, вертолетов Ми-4, Ми-6, Ми-8, – на земле театра боевых действий осталось жуткое кладбище стальных птиц, представлявших советскую воинскую мощь и славу. В результате войны всего за шесть дней Израиль увеличил свою территорию в три с половиной раза. Читая секретные сводки, рассматривая сделанные с воздуха фотографии погибшей стаи, высшее руководство в Москве, изначально поддерживавшее исламистов, играя желваками, приняло категорическое решение: разорвать дипломатические отношения с израильским государством. СССР выслал израильского посла. Посольство СССР в Тель-Авиве закрыли. Любая консульская активность между двумя странами подверглась полной заморозке. В Союзе прекратилось рассмотрение заявлений на выезд. Всем ранее поданным было отказано без права повторной подачи. Осенью шестьдесят седьмого и с особой силой зимой по многим колхозам и совхозам СССР прокатилась невиданная эпидемия ящура.

Крупный рогатый скот вымирал до девяноста процентов поголовья. В разных деревнях, никак не связанных между собой, от Минска до Хабаровска. На помощь ветеринарам в срочном порядке мобилизовали инфекционистов-вирусологов Академии наук. Но найти очаги эпидемии и локализовать их никак не удавалось. Заболевала скотина и в личных подсобных хозяйствах. Обходы таких хозяйств приходилось совершать в присутствии участковых. Животных забирали почти силой, с угрозой применения оружия, нередко с обеих сторон. Стоны, проклятья и плач стояли в те дни, напомнив старикам времена коллективизации. Там, где ящур свирепствовал особо жестоко, привлекали армию. Присланные из городов экскаваторы круглосуточно рыли могильники на специально выделенных и огражденных мусорных полигонах. Нередко при первых признаках конфискованный скот гнали своим ходом, на краю ям забивали одиночными выстрелами в голову из автоматов и бульдозерами сбрасывали вниз, освобождая место для новых партий. Общие потери, вызванные эпидемией ящура, по состоянию на первое января 1968 года достигли такой угрожающей цифры, что закрытым постановлением Пленума ЦК за срыв продовольственной программы был уволен, арестован и осужден профильный министр, а все министерство подверглось жуткой, почти сталинской чистке.

Когда отпустили большинство безвредно-бесполезных бюрократов, не осудив, но с выговорами, понижениями и увольнениями, никто на самом верху так и не вспомнил о предсказании раввина. Тогда ребе Лубанов напомнил о себе сам. Через старого сексота с чекистским псевдонимом «Григорьев» он сообщил Ленинградскому КГБ, что в апреле в пригороде Цфата состоялось собрание тайной иудейской секты «Хадар Исраэль», в которую, по слухам, входили многие государственные и духовные лидеры Израиля. Деятельность этой организации отдаленно напоминала существующие с незапамятных времен европейские масонские ложи. Посвященные считали ее одной из самых могущественных на Ближнем Востоке. В ходе встречи среди прочих обсуждалось плачевное положение еврейских иммигрантов и отказников в СССР. Поскольку все попытки повлиять на политику советского правительства по отношению к евреям, предпринятые на международном уровне, так и не увенчались успехом – было одобрено решение провести на следующей полной Луне, в июне, обряд «Пульса де-нура». Для чего в оговоренное время на одну из могил праведников отправятся двенадцать самых почтенных израильских раввинов.

Оставшийся в недоумении КГБ Ленинграда тотчас отправил депешу в центр. Москвичи, многие из которых знали биографии ликвидированных деятелей ОУН-УПА, но в еврейском вопросе понимали не дальше «Хаванагилы», затребовали срочные консультации у специалистов по иудаизму. И то, что им сообщили, никому, мягко говоря, не понравилось. Обряд «Пульса де-нура» представлял собой чтение специальных молитв, призывающих неминуемую смерть на головы проклятых. Проведение обряда одним раввином в свое время стоило жизни Баруху Спинозе и Льву Троцкому. Когда же для этого собиралось мистическое число священников, объединенных общей целью, – результат мог оказаться чудовищным. Информацию, предоставленную Григорьевым, проверили по каналам МИД, через посольства и консульства третьих стран, находившихся в Тель-Авиве и сеть собственных агентов. Разные источники подтвердили факт состоявшегося в Цфате съезда. Но прояснить сведения о планируемом обряде никто не смог. Ни у одной из спецслужб не было доступа в тайную израильскую секту.

Законы СССР, многие из которых были приняты еще при Ленине, трактовали добровольную иммиграцию из самой справедливой страны в мире как предательство. Даже если об этом не говорили буквы конкретного декрета или постановления, общий законодательный дух советской юридической машины не оставлял зазора для дискуссий. Израиль грязно надругался над оказанным ему доверием. В самом начале Сталин поддержал рождение нового государства, рассчитывая утереть нос Велико-

британии. Поэтому представитель СССР Андрей Громыко на пленарном заседании ООН высказался решительно за создание двух независимых демократических государств – еврейского и арабского. Кое-кто в советском правительстве даже полагал, что с учетом количества российских выходцев из еврейской социалистической партии, осевших в Палестине, Израиль вскоре станет новым оплотом социализма на Ближнем Востоке. Но реальность оказалась иной. Израильские лидеры избрали прозападный путь развития, и СССР не осталось иного выхода, кроме как всемерно – деньгами, продовольствием и оружием – поддерживать арабов. Что касалось оккультизма, то официально страна победившего атеизма выжигала и высмеивала любые упоминания о духовных практиках. А неофициально, в особо патовые моменты своей истории, не раз обращалась за помощью к тем, кого преследовала. Еврейский вопрос выглядел гораздо сложнее, чем кабалистическая угроза со стороны сионистов. По поручению МИД была подготовлена аналитическая записка, в которой – впервые в СССР – делалась попытка оценить общее количество лиц еврейской национальности, занятых в жизненно важных сферах советской экономики, отраслях народного хозяйства и возможные последствия на тот случай, если иммиграция в Израиль примет массовый характер. Авторы этого отчета, в свою очередь, встали перед непростой дилеммой. Без твердой методологии (которой в СССР с ее ненавистью к социологии и быть не могло) за итоговыми цифрами следовало прибегать к потолку или кофейной гуще. Занижение критического порога беженцев могло подорвать экономику. С другой стороны, указать слишком большое число потенциальных иммигрантов значило расписаться в обреченности идей социализма и собственном неверии ленинским святыням. Аналитики выбрали первое, рассудив по-насреддиновски: либо шах, либо ишак. Когда в начале лета Леонида Ильича внезапно госпитализировали с острым приступом панкреатита, а двум главам самых влиятельных ведомств – Андрею Громыко и Юрию Андропову – наконец, надоело курить, поглядывая от бессонницы на неудержимо полнеющий месяц, – в ЦК КПСС, за их подписями, было направлено совместное письмо Министерства иностранных дел и Комитета государственной безопасности, в котором рекомендовалось разрешить евреям СССР покидать страну. Письмо поступило в ЦК десятого июня тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года. За четыре часа до полнолуния.

Приношение советских граждан на алтарь сионизма было воспринято как безоговорочная победа движения за репатриацию. В качестве самоутешения уже в августе того же шестьдесят восьмого танки СССР вторглись в Чехословакию и своими гусеницами раздавили «Пражскую весну». Американцы, англичане, французы, датчане и канадцы выступили в ООН с гневным осуждением действий Советского Союза. Израиль промолчал. Не желая дразнить в кои веки пошедшего на попятную русского медведя, готового в любую секунду пересмотреть собственное решение. Тонким ручейком, капля за каплей, советские евреи начали покидать пределы СССР в конце шестидесятых. Воспрянувшие духом после разгромной Шестидневной войны они, в массе своей, были не настолько наивны, чтобы поверить, будто им вот так просто, по щелчку пальцев двух министров, как в джазовой композиции, разрешат выехать из страны. Музыканты шутили: Леня – не Мозес. Но все же, предполагали они, всему есть начало и конец. Самые прозорливые, много раз битые жизнью, предрекали долгую и холодную бюрократическую зиму, которую не все встретят и тем более не все переживут. Но все же к ней следовало готовиться, и утепляться, и доставать все необходимые документы, и придумывать ответы на незаданные вопросы, и запасаться терпением. Тот, кто называл советских чиновников иезуитами, просто делал первым незаслуженный комплимент. Святые отцы с их подходцами выглядели детьми по сравнению с тем, на что были способны и чем с наслаждением пользовались рядовые социалистические винтики и гвоздики, облеченные властью. Многие, сокрушаясь о кознях чиновников, спрашивали у своих духовных пастырей, как им совладать с

ними. «Девяностый псалом, – отвечали им. – Читайте девяностый псалом. Там все сказано». И ложились заявления с жирным, грязным оттиском железного штампа «Отказать» направо и налево. Но одно-два все равно пропускали дальше. И тот, кто разбирался в этой кухне, строя из себя доку, морщился полушепотом: «Что вы? Иванов? Нет. Этот зарубит. Этот никогда никого не пускал и не пустит. Пустые хлопоты». Но вдруг, ни с того ни с сего, когда выжившее в предыдущей мясорубке дело лежало на столе у Иванова, и уже были налиты красные, как кровь, чернила в жестяную коробку со штемпельной губкой. И уже поблескивала полированной от частоты употребления ручкой та самая, злополучная печать. Выяснялось, что по пути к присутствию гражданин Иванов именно в это самое утро падал самым непостижимым образом и ломал ногу. А заявление попадало к другому клерку, и так занятому до невозможности. И передавалось дальше. Долго, тяжело, со скрипом, но все же протискивалось из кабинета в кабинет. И даже в самых безвыходных, казалось бы, ситуациях всегда находились нужные руки, которые в последний момент забирали папку с одного стола и переносили на следующий, и глаза, которые смотреть – смотрели, но видели только то, что им позволялось увидеть. Потому что, если бы эти социалистические головы имели не просто уши, но уши, чтобы слышать, они бы, затворив окна от постоянного грохота пятилеток и прислушавшись, уловили бы, как под потолком их кабинетов не смолкают слова произносимой шепотом невидимого сердца древней молитвы. Ведь недаром самый начитанный и проницательный бердичевский ребе Мендель, не по слухам знавший о кабинетных мытарствах иммигрантов, говорил, что Кафка, конечно, великий писатель. Но Давид… Там, где Давид, – все остальное неважно.

Прикажи партия тридцать лет назад, и Веня Соловьев, не задумываясь, отдал бы за общее дело свою насыщенную неуемной молодостью жизнь. Он был никем. Он начинал с того, что носил штатив за знаменитым Воскресенским, фотокорреспондентом «Московских новостей». Человек возьми-подай, сбегай за пивом. Старик часто заливал за воротник, ворчал и откровенно портачил. Когда ему удавалось сделать более-менее сносный кадр, растиражированный впоследствии на всю столицу, он хлопал своими длинными ногтями по бумаге и произносил одну из двух дежурных фраз: «Талант не пропьешь» или «Вот так-то, мальчик». Он называл его «мальчиком» не из педагогической нежности, а чтобы подчеркнуть собственное неопалимое превосходство. Мальчик. А мальчик вырос в ателье и с пяти лет помогал отцу во всем, что касалось фотодела. Он знал, какие бывают линзы и аппараты, помнил таблицу выдержки, мог вслепую приготовить проявитель и закрепитель. Отец научил его мастерству композиции. Мало кто в городе умел снимать портреты так, как это делал Семен Соловьев. Обычно мастера несли всякую чушь о том, что надо чувствовать характер своих клиентов, и тогда получится раскрыть в портрете их внутренний мир. Слыша такое от стариков, отец обычно смеялся. Какой еще характер? Как можно познать человека, которого видишь первый и, скорее всего, последний раз в жизни? Как это возможно и зачем? Настоящий художественный портрет, учил он сына своего Вениамина, состоит из многих случайностей, которые невозможно заранее предугадать. Часто люди заглядывают в ателье потому, что просто проходили мимо. Они не готовились. На них обычная одежда. И это – первый вызов для фотографа, потому что надо правильно подобрать фон. Второе – расположение на фоне и по отношению друг к другу должно передавать торжественность момента. Ты снимаешь не людей, говорил отец. Ты снимаешь время. И потом, глядя на время, которое ты запечатлел, они смогут вспомнить и понять самих себя. Портрет – это не фото на документы. Правильно выполненный портрет способен передать настроение и чувства. И в нем важно все: от наклона головы и взгляда до глянца обуви. Ты переберёшь десятки вариантов. Ты даже можешь замучить их насмерть своими поправками. Но твоя задача: получить идеальный момент, когда все – подбородок, руки, глаза, складки

одежды, свет – выстраивается в единую линию, словно звезды во время парада планет. И вот это, этот момент, нужно вырастить и, заполучив, осмыслить. Чтобы затем запечатлеть и насладиться. Говорят, Воскресенский пил из страха, что однажды за ним тоже придут, как приходили за тысячами других повсюду. Но его конец оказался намного прозаичнее. Напившись вхлам, он упал с парапета в Москва-реку и утонул. Тело заметили рыбаки. Веня занял его место позже, когда вовсе не собирался этого делать. Он готовился к отправке на фронт. И тут выяснилось, что заменить его некем. Да и целиться во врага с такими диоптриями значило бессовестно расходовать боеприпасы. Веня был нужен своей стране в тылу. Потому что именно там, говоря газетным штампом, и ковалась победа. Еще двадцать лет назад он готов был жить на работе и жертвовать своей личной жизнью, чтобы в унисон со всеми поднимать страну из разрухи. Он ворвался в историю, как летописец послевоенной поры. И пошел гораздо дальше отца, дальше старика Воскресенского. Ему приходилось снимать передовиков и видных партийных деятелей. Но в «Правду» он попал только после того, как были опубликованы его потрясающие фоторепортажи у мартеновских печей, из кабины нового самолета, из родильного отделения. Вениамин часто спрашивал себя, а что сказал бы отец, глядя на его работы. Как мастер павильонной съемки, редко покидавший студию, отнесся бы к его фотографиям, стремившимся передать жизнь «как есть». Подсмотреть, выхватить, отобразить. Без постановки и режиссуры. Его фото были гораздо ближе к кино, чем к живописи. И он этим гордился. Еще десять лет назад он смог бы закрывать глаза на многочисленные неувязки и недочеты, на горы щепок, летевших при рубке даже одной советской сосны. А кто идеален? Ведь главное – принципы. Главное – великое будущее страны. Все остальное приложится. Исправится, подтянется, заретушируется со временем. Он никогда не кривил душой. Он снимал, как дышал. И говорил только то, во что верил. При Хрущеве он стал легендой, гениальным фотографом, мастером с большой буквы «Ф». Смена курса партии, новое социальное строительство, расселение коммуналок. По долгу службы Вениамин Соловьев часто терся среди партийных бонз и лично видел, как военные френчи уступили место мешковатым костюмам. С собой Хрущев принес эту простецкую манеру высказывать все, что взбредет в голову, и рубить сплеча, смеяться и при этом гнуть свою линию. Ему поверили. И внутри страны, и за рубежом. Появилась надежда на то, что страна с таким трудом, с такими жертвами раздавившая фашистскую гадину, наконец сойдет с военных рельсов и займется построением счастливой долгой жизни для своих граждан, простых людей. Когда потерял актуальность лозунг «Выжить и победить», появился новый девиз – «Жить хорошо, жить при коммунизме». Соловьев мотался по стране, бесконечно снимая подвиги трудовых будней, тех, кто их творил, и тех, под чьим руководством они происходили. Но между точечными локациями, странствуя от одной съемочной площадки к другой, он, из окна поезда или, трясясь в машине, наблюдал серые неприглядные картины советской жизни, которые почти не изменились со времен царя Гороха. Все те же дороги и дураки, пьянство и невежество. Как будто в ста километрах от Москвы или Ленинграда лежало то самое сказочное тридевятое царство, тридесятое государство, дремучее и беспросветное, в котором ничего не знали о первом искусственном спутнике Земли и колоссальных стройках века. А потом, в 1959-м, в Москве открылась первая выставка Американского народного хозяйства. Американцы прислали 300 тонн – им ли привыкать со времен ленд-лиза – действующих экспонатов, включая рабочие модели комбайнов, автомобилей и другой техники. Но не это привлекло на выставку три миллиона советских граждан. Там, среди прочего, был построен макет дома – индивидуального особняка, – который, по утверждениям иностранцев, мог позволить себе любой американский гражданин. В этом доме было так много всего нового и необычного, что советские люди бродили в нем и вокруг него с открытыми ртами. Приходили еще и еще раз. Брали с собой жен и детей, родителей и любовниц, чтобы и

они посмотрели на эти диковинки: стиральную машину, кухонный комбайн, пылесос, фен, электрический утюг с отпариванием. И самое страшное – машину, которая сама собой мыла и сушила всю, загруженную в нее кухонную посуду. Злые языки распустили по Москве слух, что на пятый день с одной гражданкой даже случилась истерика. Она, якобы, отказалась покидать этот злополучный дом, заявив, что будет жить в нем вечно. И только санитары убедили ее передумать. Во время дебатов, которые начались между Хрущевым и Никсоном на кухне этого выставочного особняка (отчего и были названы «кухонными»), а потом перешли в зал для собраний, Хрущев, оскорбленный таким мелкособственническим ажиотажем среди своих же граждан, зло пошутил, спросив у Никсона, а нет ли у них в Америке такой машины, чтобы «…клала еду непосредственно в рот и потом сама же ее пережевывала…»? ЦК распорядился никаких сведений о чудо-особняке в прессу не давать. Фото не печатать. При входе появился знак перечеркнутой камеры, и специально выставленные сотрудники зорко следили за тем, чтобы граждане держали свои фотоаппараты зачехленными. Хрущев попал в глупую ситуацию. Он мог заявить: вот так будет жить каждый советский гражданин при коммунизме. Но тогда получалось, что у американцев, в капиталистической стране, коммунизм уже построен. А СССР до него еще, как минимум, двадцать лет. И вот этот один-единственный американский особняк, как оказалось, значил для простого советского человека гораздо больше, чем все партийные лозунги, трудовые победы и грандиозные планы. Потому что от него веяло простым человеческим счастьем – здесь и сейчас. При Сталине эти люди мечтали о своем угле в коммуналке. Хрущев подарил многим возможность поселиться в отдельной квартире и даже иметь в ней свою комнату. Но чтобы жить с семьей в частном доме, да еще таком, словно спустившемся с небес на ВДНХ из другого мира…

Когда будешь вести счет событиям, навсегда изменившим твою жизнь, – говорил он себе потом, – не забудь эту выросшую посреди Москвы американскую бутафорию, которая одна превратила все планы партии и правительства, когда-то сладко гревшие его сердце коммуниста, в карточный домик. По крайней мере, лично для него, с горечью и радостью одновременно. Нет смысла снова придумывать велосипед, если все это уже построено в других странах. Ведь ему уже за пятьдесят. Он устал. И другой, лучшей жизни тут у него никогда не будет. Он больше не выдержит этих пятилеток, бестолкового напряжения жил в трудовом порыве, которому ни конца, ни края. Ему опротивели партийное фанфаронство и кукурузные булочки в советских школах по три копейки. И – самое основное – надоело повсюду, летом и зимой, таскать на своих плечах гоголевскую шинель «маленького человека», погрязшего, как в проклятье, в хамстве и безнадеге ради какого-то очередного недостижимого «светлого будущего». К черту всех и вся! Потому и стали собираться «шестидесятники» пить и петь на своих кухнях, застрявших между коммуналками, где общая кухня была полем подковерных битв и ненависти, и той самой, волшебной американской кухней изобилия из ВДНХ, напичканной последними новинками бытовой техники. В Союзе с трудом, с непомерным скрежетом кое-как удавалось налаживать послевоенный общественный быт. О том, что возможен быт благоустроенный, частный, личный, быт отдельного, простого советского человека, многие даже не догадывались. Их так же, как их родителей, научили жить, терпя личные неудобства ради общественного блага, которое не за горами. А о том, что у этого благоустроенного личного быта обыкновенного человека может быть и своя техника, которая так и называется «бытовой», – никто даже мечтать не мог. Фантастика. Александр Романович Беляев. Те, кто обладал умом и мог воспарить разумом над повседневностью, с приходом Брежнева поняли, что горы, за которыми нетерпеливо ожидало личное счастье советских граждан, – не какой-нибудь пологий Карпатский холм, а Кордильеры, Аппалачи, долгая череда восьмитысячников, неприступных, как трезвая комсомолка. Размышлять было легко. Принимать окончательное решение – гораздо труднее. Соловьев пони-

мал, чем рискует. Он не просто ставил на карту всю свою жизнь – работу, репутацию, комфорт, правительственные награды, уважение коллег. Все это, а еще жизнь своей жены и детей, тихую старость оставшихся родителей – он натурально приносил в жертву даже не самой иммиграции, а гипотетической возможности покинуть страну, если ему разрешат. Вот так, если не заниматься словоблудием, стоял вопрос. Пути назад не будет. Стоит только толкнуть маховик, и все закрутится с бесчеловечной механической обреченностью, на которую он почти наверняка уже никак не сможет повлиять. Достаточно одного заявления. Этого первого, самого важного и самого страшного шага. У него были друзья-отказники. Но не было друзей, кто, уехав, благополучно обосновался там и мог подтвердить это лично. Так, передавали через дальних родственников, что все в порядке. Но кто знает, как там обстояло на самом деле. Жизнь счастливчиков покрывала густая пелена железного занавеса. Зато последствия для отказников были пугающе очевидны. После подачи заявления их прорабатывали на собраниях, на все менее и менее товарищеских судах. Затем следовало увольнение с волчьим билетом. Информация о «предателях» сообщалась друзьям и соседям, на работу супругов, в школы, где учились их дети, и в спортивные секции, где они занимались. Как будто партия и правительство ставили задачу заживо вычеркнуть «изменников» и их родню из любых отношений в советском обществе. И поскольку никто не отменял статьи за тунеядство, бывшие доктора наук и инженеры, если им позволяли, брались за метлы и лопаты, озеленяли городские улицы и спускались в канализации, где, по мнению Советской власти, им и было самое место. Соловьев мучительно долго думал и взвешивал. Советовался с женой, пытался прощупать мнение детей, опасаясь спрашивать напрямую. По большому счету, это ради них и внуков он готов был рискнуть всем. Его жизнь уже состоялась, а у них еще все впереди. И если, как в банальном обывательском высказывании, дети – это цветы жизни, то поменять вытоптанную, загаженную дворовыми котами клумбу на ухоженный розарий – не такая уж плохая мысль. Он тщательно продумывал и записывал свои скрижали: на одном листе все возможные плюсы от переезда, на другом – более чем правдоподобные минусы. И правда жизни, та самая, тварная, гадкая, мерзкая, обязательно лезла из всех щелей его розовых планов. Журавль – вообще не еврейская птица. Синицы намного ближе и понятнее. Соловьев, к своему стыду, совсем не разбирался в орнитологии. Поэтому, устав от вечных колебаний и раздрая в своей душе, они решили прибегнуть к старому проверенному способу. Как-то вечером с женой Кларой, той самой, которая украла кларнет, они взяли новый юбилейный рубль 1967 года выпуска, названный «50 лет Советской власти», и договорились, что орел значит переезд, а решка – статус-кво. Соловьев, стоявший у окна в большой комнате с видом на Патриаршие пруды, подкинул монету почти под потолок и с замиранием сердца дал ей рухнуть на паркет. Рубль описал широкий эллипс вокруг ног хозяев по всему периметру комнаты, приблизился к порогу и там благополучно умер без лишних судорог. Соловьевы подошли на ватных ногах. Склонились над ним. Они увидели изображение Ильича, который традиционно выпяченной вперед рукой указывал им в сторону парадной двери – на Вену, а из Вены на Тель-Авив.

И, собрав в кулак всю свою волю, которой у него никогда не было, и отбросив все свои страхи, Соловьев, заполнив анкету, на следующий же день отнес ее куда надо. Теперь оставалось только ждать. По сведениям от друзей, проходило как минимум пару месяцев, прежде чем появлялись первые признаки того, что система проглотила входящее заявление и начала его переваривать. Но у Соловьева все случилось иначе. Уже через неделю его пригласил зайти парторг. Посидеть, побеседовать за чаем. Они знали друг друга уже давно, и им не было смысла притворяться. Парторг ни разу не упомянул о заявлении. Просто говорили о делах, о семьях. О том, как важно бывает порой сохранить правильный взгляд на жизнь. Вовремя отмахнуться от соблазнов, тем более, что есть подлинные ценности, а есть мишура, пшик, мираж.

Иногда бывает так, что от одного непродуманного шага под откос идет все: карьера, доверие коллег, уважение окружающих. В такой ситуации очень важно иметь старшего товарища, который бы выслушал, подстраховал, посоветовал. Был случай: один знакомый парторга решил отправить посылку своему дяде. Принес на почту, оформил. И тут понял, что забыл вложить банку варенья. Мелочь, но старик бы очень обрадовался. Он назад с квитанцией, а там десять тонн посылок на полках от пола до потолка. И очередь стоит. Хорошо, что на смене свояк его оказался. Помог вернуть посылку. Что называется, нужный человек да в нужном месте. Особенно, если забрать еще не поздно. Просто не у всех есть такая возможность. У одних есть. А у других нет. – Варенье из райских яблочек? – печально улыбнулся Соловьев. – Из них, – ответил парторг. – Знакомый говорит, у свояка этого смена до конца недели. Потом другие люди будут. И захочешь, а не заберешь. Это так, к слову. Вениамин поблагодарил за откровение и радушие. Два месяца спустя поздним вечером кто-то позвонил в дверной звонок их квартиры. Открыв, Соловьев увидел молодого человека в форме, который, убедившись, что перед ним Соловьев Вениамин Семенович, показал ему раскрытое удостоверение сотрудника Комитета госбезопасности. И пригласил проследовать за ним. Лейтенант ждал в прихожей, наблюдая за тем, как Соловьев одевает брюки и рубаху, поскольку сам сказал оставить дверь в комнату открытой. Соловьев снял шляпу с вешалки, но, передумав, повесил назад. Запомнил испуганное лицо жены. На улице их ждала «Волга», внутри которой сидел шофер и еще один комитетчик. Они мчались по ночным улицам, пока Соловьев не сообразил, что везут его не на Лубянку, а в другое место. Этим местом, как ни странно, оказалась Бутырская тюрьма. «Вот так просто, – промелькнуло в голове у Соловьева. – Без суда». Пока разъезжались высокие, выкрашенные серым, обшарпанные железные ворота, Соловьев слышал, как стучало его сердце. Ладони повлажнели. Он почувствовал, что вот-вот даст струю в брюки, и только особым усилием воли избежал позора. Во дворе ему велели выйти из машины. Сквозь узкую входную дверь все трое стали спускаться вниз по каменной лестнице. Соловьев шел между сопровождающими. Стены окончились широким и бесконечным коридором подвала. Лейтенант открыл одну из железных дверей, и Соловьев оказался в комнате для допросов. Без окон, с тусклой сороковкой под потолком, столом с выключенной настольной лампой, на углу которого лежала картонная коробка с номером. Посредине комнаты стояла некрашеная дубовая табуретка. Лейтенант велел Соловьеву снять часы, ремень, расшнуровать туфли. Затем вывернуть карманы и отдать ему все содержимое. Вещи, документы и деньги он положил в коробку. Сказал Соловьеву ждать на табурете. После чего унес коробку, заперев за собой дверь. В комнате не было часов. Холодный плиточный пол пробивал тонкую подошву летних туфель. Соловьева морозило, но он подумал, что это, скорее, из-за нервов. Почему они с ним так? Словно он – преступник. После всего, что он для них сделал? Верой и правдой. А где же его права и свободы? В этой, самой справедливой, стране в мире. Где советскому человеку нечего бояться. Прошло не менее двух-трех часов, прежде чем дверь отворилась, и в комнату устало вошел немолодой офицер с папкой. Сел за стол, включил настольную лампу, открыл папку и принялся неторопливо читать, перелистывая. Соловьев неотрывно следил за ним: – Я хотел бы… – Курите? – перебил его подполковник, не поднимая глаз. Соловьев осекся: – Нет. Бросил. – О здоровье печетесь? – ухмыльнулся тот, по-прежнему не глядя. Но в миг посуровел и добавил: – Ну, и правильно. – Он поднес обе ладони к лицу, закрыл его, долго растирая лоб и щеки: – А за что же вы, Вениамин Семенович, так не любите Советскую власть? Соловьев не знал, что ответить. Вопрос прозвучал для него так дико и неожиданно, что он попросту растерялся, как мальчик, не найдя ничего лучше, чем промямлить с детской интонацией «я больше не буду»: – Ну почему не люблю?… Люблю. Подполковник, с недоброй улыбкой, вперив в него стеклянный взгляд, помотал головой: – Нет, не любите. Не любите. ..Ну вот смотрите. Он

встал, обошел стол, присел на него, оказавшись поближе к задержанному, и стал загибать у него перед лицом пальцы на белой руке: – Работу вам дала? Дала. Квартиру трехкомнатную,личную, в центре столицы дала? Дала. Звание Героя соцтруда дала? Дала. Дипломы-медали-грамоты вы получали? Получали. Паек по высшей категории, как ценный партийный работник, отовариваете? Отовариваете. В санатории ведомственные бесплатно всей семьей каждое лето ездите? Ездите. Дачный участок под Москвой, в сосновом бору, пять лет назад вам выделили? Выделили. Ну? И чего вам не хватало, товарищ фотокорреспондент самой главной газеты страны? Подполковник помолчал, не моргая: – Слушайте, а может, вам в санаторий? На двадцать четыре дня? Водичка, воздух, процедуры. Или сразу в больницу? А? Может, вы больной? – Я здоров. – Ну, как же? Здоровые советские люди вот так вот от всего не отказываются. И в предатели не бегут. Потому что дорожат доверием партии и правительства. А вы – нет. Не дорожите. Он вернулся за стол и продолжил листать дело: – Здесь говорится, что у вас фотографическая память. Это правда? – Да. – Любите поэзию? – Немного. – Ваши любимые авторы? – Фет, Тютчев… Пушкин. – Эзоп? – Что, простите? – Эзоп. Грек. Баснописец. – Нет. – А Крылов? Иван Андреевич? – Читал. Когда-то. – Да уж, конечно, читали. Мы все читали. Одни и те же басни. Только вот читали по-разному…Встать! Пораженный сменой тона и громкостью, Соловьев тотчас поднялся с табурета. – К столу подошел! Полковник достал из ящика книгу, раскрыл ее на закладке и, перевернув, положил в светлое пятно лампы перед Соловьевым: – Читай! Соловьев почувствовал, как его лоб покрылся капельками пота. Он наклонился над книгой, вглядываясь в текст. – Вслух! – рявкнул подполковник. – Квартет, – произнес дрогнувшим голосом Соловьев. – Громче! – заревел подполковник. – Квартет, – громче повторил Соловьев. – Проказница-Мартышка, Осёл, Козёл, Да косолапый Мишка Затеяли сыграть Квартет. Достали нот, баса, альта, две скрипки И сели на лужок под липки, Пленять своим искусством свет. Ударили в смычки, дерут, а толку нет. – Стоп. Подполковник захлопнул книгу: – Теперь повтори по памяти. Соловьев потупился, чувствуя мелкую дрожь во всех членах: – Проказница-Мартышка … Козел – Осел! – заорал подполковник. – Не козел, а осел! – Козел, осел и косолапый мишка – Да косолапый мишка. Дальше…Соловьев запнулся: – Я…не помню. Подполковник встал, обошел стол, остановился в шаге позади. Соловьев услышал, как щелкнула застежка кобуры. Подполковник загнал патрон в патронник, взвел курок и ткнул холодное дуло «ТТ» ниже левого уха задержанного, зацепив оправу: – А так?! Соловьев побледнел, как смерть. И не выдержал. Теплая струя побежала по ноге, ширясь на брюках по дороге к туфлям, тихо стала расползаться на плитке пола. – Сука! – зло прошипел подполковник. Коротким замахом он ударил Соловьева рукоятью в челюсть, и тот, после вспышки боли, мгновенно провалился в пугающую ватную темноту… Когда он пришел в себя, он уже сидел на табурете, мокрый насквозь. С нечеткой картинкой. В ушах гудело. Челюсть отдавала тупой болью. С головы капала вода. Знакомый лейтенант придерживал его сзади. Пол был огромной лужей. Рядом стояло пустое ведро. Подполковник курил, сидя на столе, рядом с книгой и раскрытым делом: – Ну что? Очухался, фотограф? Соловьев снял треснувшую оправу очков. Долго пытался вытереть капли с линз о крошечное сухое пятно рубахи. Снова вернул их на переносицу. Подполковник затушил сигарету в пепельнице и выпустил последнюю длинную струю, доставшую до лица Соловьева: – Хреновая у тебя память. Но ничего. Я тебе напомню. Он как-то легко для своего возраста спрыгнул со стола и вернулся на стул. Вытащил из дела газетную вырезку. Показал ее Соловьеву и повернул лампу на газетный клочок, чтобы он мог видеть: – Твои «художества»? Соловьев попытался встать, но не смог. Тело совсем не слушалось его. Все, что он видел, – крупную фотографию, примерно десять на пятнадцать, на которой были запечатлены несколько мужчин в костюмах. За свою карьеру он сделал сотни таких фото и сейчас совсем не понимал, в чем, собственно, состояла его вина. Подполковник развернул к себе вы-

резку и громко прочитал подпись под снимком: – *«Юбиляр Иван Козловский в окружении пришедших его поздравить товарищей Мартынова В.Г, Оселина А.С. и Юхно М.М. Фото – В.Соловьев»*. Он вспомнил этот снимок. Газета отправила его сделать репортаж к шестидесятилетию великого советского тенора Козловского. Как принято, видные деятели партии и правительства съехались в подмосковный Дом отдыха работников культуры и искусства, где проходила торжественная часть. После концерта он взял интервью у юбиляра. И сфотографировал его в кругу «друзей». Ничего крамольного. Будни культуры. – Ну? Сам расскажешь? Или будем тащить правду клещами? Из-за головокружения и шума в ушах Соловьев с трудом разбирал, о чем его спрашивают. Не будь за спиной лейтенанта, он почти наверняка упал бы с табурета на пол. Подполковник выдержал паузу, пристально вглядываясь в задержанного: – Ладно. Свободен, лейтенант. Когда тот вышел, подполковник отстегнул скоросшиватель и изъял несколько листов исписанной от руки бумаги: – По показаниям заведующего, *«…прибыв в указанное учреждение, фотокорреспондент Соловьев В.С. обратился к нему с просьбой посодействовать в проведении фотосъёмки с товарищем И.С. Козловским. Во время обхода имеющихся в наличии помещений Соловьеву В.С. были показаны кабинеты, помещение библиотеки, ленинской комнаты, фойе, а также музыкальный салон. Соловьев В.С. настоял на том, чтобы съемка происходила именно в музыкальном салоне…»* Подполковник положил листы и уперся обеими руками о стол: – Ну? Вспомнил? Теперь объясни, чем тебя не устроила ленинская комната? Или библиотека? Соловьев собрался с силами и выдавил через непослушные губы: – Свет. – Что? Что ты сказал? Соловьев снова набрал воздуха: – Свет. День пасмурный. Там была стеклянная дверь на балкон. Я искал больше света. – Ага. Освещенность. И поэтому ты повернул их так, чтобы на заднем фоне хорошо было видно панно с инструментами? Трубы, скрипки, флейта, бубен. Так? Другого ракурса ты не нашел? Соловьев потупился и покрутил головой: – Козловский – певец. Где еще его снимать, как не в музыкальном салоне. На фоне инструментов. Во взгляде подполковника появилась издевка: – Логично. Козловский – певец. И великий притом. Но вот товарищ Юхно – зам. по культуре при Московском областном комитете партии. Товарищ Мартынов – первый секретарь. А товарищ Оселин – заместитель председателя Совета Министров. Все эти люди – видные государственные деятели. Партийная элита. И к музыке они не имели никакого отношения. Соловьев выдержал его взгляд: – Я не понимаю, чего вы от меня хотите? В чем моя вина? – Хорошо. Пойдем дальше. Он изъял из дела следующий лист: – *«При подготовке съемки в распоряжение Соловьева В.С. были предоставлены венские стулья из кабинета директора в количестве четырех штук»*. Он опустил бумагу и вернулся к снимку: – Вот эти стулья. А почему ты решил снимать их сидя, а не стоя? Соловьев напрягся, пытаясь вспомнить тот день: – Гостей было трое. Расставить их симметрично вокруг юбиляра не получилось бы. И все они были разного роста, с большими перепадами. Поэтому я попросил принести стулья. – Вот. Теперь мы подошли к самому главному. Подполковник снова развернул лампу и поместил газетную вырезку в светлое пятно: – Объясни. Почему ты посадил их именно в таком порядке? Соловьев попытался присмотреться к изображению в руках подполковника: – Там был овальный стол, покрытый бархатной скатертью. Козловский должен был находиться в центре, поздравляющие – вокруг него. У двух товарищей был почти одинаковый рост, даже на стульях. Козловский – невысокий. Поэтому я посадил его и еще одного невысокого товарища внутри, а остальных, повыше ростом, – по бокам. – Значит, ради симметрии? – Да. – Ага. А знаешь, что я думаю? Я думаю, что ты намеренно усадил товарищей Мартынова, Оселина, Козловского и Михаила Юхно между пустым столом впереди и музыкальными инструментами сзади, чтобы поиздеваться над Советской властью. Быстро приблизившись к Соловьеву, подполковник внезапным ударом сапога в грудь снес того с табурета, как соломенную куклу. Соловьев опомнился на полу почти у самой стены. Дышать он не

мог. Расширенные от ужаса зрачки наполнились слезами. А над ним склонилась перекошенная гневом рожа, которая бешено орала: – А вы, друзья, как не садитесь, все в музыканты не годитесь! Не годимся? А? Соловей? Не годимся? Сука! Подполковник поддал ему сапогом по ребрам, но больше бить не стал. Сел за стол. Нервно закурил папиросу. Долго молчал, наполняя комнату дымом, пока Соловьев лежал на холодном, мокром полу, отвернувшись лицом к стене. – Последний из могикан, блядь!.. Нет, ну были раньше такие «умельцы». И свастику в портреты Пушкина на детских тетрадках маскировали... И лозунги эсеровские…И портреты огненного Троцкого на спичечных коробках рисовали… И скелеты на картинах Кирова со Сталиным… Многое было. Но думали, после войны – все. Кончились. Перевелись. Ан нет! Оказалось, живы еще, твари! Затаились. И гадят исподтишка. Затушив очередной окурок, он схватил Соловьева за рубаху и усадил его на полу, облокотив о выкрашенную темно-зеленым маслом стену. Сам присел рядом на корточках: – Я одного не понимал. Поверить не мог. Старый коммунист. Проверенный большевик. Герой труда. И вдруг – Израиль. Изменник Родины… Нет, ну когда бежит простая шваль, шелупонь эта новая, ради шмоток, жвачек с кока-колой. Это понятно. Это – хрен с ней. Но когда сорок лет вместе – жили, работали, пили. Ты ж как родной. Ты же всех генсеков снимал, в домах у них бывал. Тебя повсюду принимали как своего. Кормили, одевали, обували. Партия о тебе заботилась. Да еще как заботилась. И на тебе! Бумажку написал на выезд. Мне показали – я обалдел. Нет! Кто угодно, говорю. Но не Соловьев! Потому что товарищ Соловьев – верный ленинец! Может, не ум. Но уж честь и совесть – точно. Ну, не может старый коммунист, заслуженный деятель, вот так, вдруг, на ровном месте, ни с того ни с сего, на старости лет взять и дернуть за бугор. А если может, значит не чисто что-то… в датском королевстве. Были, стало быть, грешки на сердце. Копнул – так и есть! Издевки, надругательство над социалистическим строем. Думали – ты свой в доску. А ты – махра, Вениамин Семенович! Махра! Настоящая контрреволюционная сволочь! Подполковник приподнял его голову за подбородок: – Тесно тебе в Стране Советов? Места мало? Я тебе остров подарю. Серьезно. Остров. Твоим именем названный. На Соловки у меня поедешь. Сука! Подполковник неторопливо сложил документы. Выключил лампу. И в полной тишине, не взглянув на задержанного, как будто его здесь вовсе и не было, вышел из комнаты. Соловьев остался сидеть у стены. Грудь, ребра болели. Голова превратилась в колокол. Одежда по-прежнему была влажной. Он вонял мочой, и его знобило. Он периодически проваливался в дрему. А когда открывал глаза, все это снова оказывалось явью – тюремная камера, боль и ужас. Прошло несколько часов, прежде чем дверь с лязгом отворилась, и Соловьев снова увидел лейтенанта. – Встать, – коротко бросил тот. Соловьев с трудом поднялся. Лейтенант приказал идти за ним. Они снова оказались в коридоре. Прошли несколько пролетов, и лейтенант открыл перед Соловьевым следующую дверь, но сам остался. Соловьев шагнул в длинную комнату, в дальнем конце которой за столом в темноте сидели люди, лиц которых он не видел, оттого что мощная лампа была направлена на него. Только тени. – Назовитесь! – приказал мужской голос. Соловьев щурился на свету: – Соловьев Вениамин Семенович. – Год рождения. – Тысяча девятьсот пятнадцатый. – Вы признаете, что умышленно совершали преступления, предусмотренные статьями…Пока голос перечислял статьи и части уголовного кодекса, Соловьеву показалось, что он присутствует на каком-то идиотском спектакле, который мог оказаться правдой тридцать лет назад, но теперь, после отказа от культа личности, после возвращения осужденных из лагерей и реабилитации невинно приговоренных, – был какой-то временной аномалией, горячечным бредом воспаленного разума. – Соловьев! Вы признаете свою вину? Соловьев поднял голову и, измученно закрыв глаза от яркого света, слабым голосом произнес: – Нет. Не признаю. Последовало некое замешательство за лампой. Видимо, тени советовались. Потом тот же человек огласил: – «Именем Российской Советской Федеративной Социалистической

Республики. Высший выездной военный суд чрезвычайной комиссии в составе полковника Пышкова А.Е., майора Терентьева Н.С. и майора Зелинского П.Р, рассмотрев дело о признании подсудимого Соловьева Вениамина Семеновича, 1915 года рождения виновным по статьям «Подрывная деятельность против советского государства», «Злостная пропаганда, направленная на свержение конституционного строя», «Измена Родине», постановил: гражданина Соловьева В.С. признать виновным по всем статьям и назначить ему наказание в виде высшей меры социальной защиты – расстрела. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит. Приговор привести в исполнение немедленно». Вот и все. Прежде чем Соловьев успел опомниться, появившиеся из ниоткуда рослые конвоиры в форме подвели его к противоположной двери и, толкнув в узкий коридор, велели идти, не оборачиваясь. Соловьев слышал, как гулко хлопнула дверь за его спиной. Он пошел медленно, разглядывая гирлянду тусклых лампочек под потолком. Шагов через тридцать он уперся в глухую стену, с трех сторон обитую бурым крашеным деревом, всю в пробоинах и царапинах. Запах хлорки сильно ударил в ноздри, вызвав приступ тошноты. Он стоял прямо под последней лампой. Откуда-то сзади, из боковой ниши, появился человек и безразлично, но властно скомандовал: – На колени. Соловьев подчинился. Через секунду раздался щелчок холостого пистолетного спуска. Затем к его уху наклонились губы с запахом перегара, и знакомый голос сказал почти шепотом: – Вот так было бы с тобой, Птица, еще недавно. А теперь живи с этим. Живи и думай, Соловей. Ты хотел кипу? Вот тебе кипа и пепел на твою голову. Соловьев почувствовал, как на волосы ему что-то положили. Чужая рука подняла его безвольную кисть и прижала к чему-то гладкому, скользкому на голове. – Не потеряй. Его отпустили. Послышались удаляющиеся шаги. Соловьев продолжал стоять у стены, с поднятой рукой, которой он прижимал к своей голове непонятный предмет. Через минуту в коридоре появился солдат и скомандовал: – На выход. Он еле поднялся с колен и, повернувшись, поплелся, как ему велели, не отпуская правую руку. Они очутились во внутреннем дворе тюрьмы ранним летним утром. Уже встало солнце, и было совсем светло. Никогда еще утренний воздух не казался ему настолько свежим и желанным. Он сощурился от света, почувствовав, как в горле образовался комок. Солдат отвел его к проходной. По дороге Соловьев отпустил начавшую затекать руку и увидел, что держит ровно отрезанную верхушку дыни, в которую опорожнили пепельницу. Он выронил ее на асфальт и отряхнул волосы от папиросных бычков и пепла. На проходной ему вернули бумажный пакет с вещами, подписанный его фамилией.

Считая свои шаги, он тронулся в обратный путь от закрывшейся за ним тюремной калитки по еще спавшему городу к себе домой. Его волосы разили пряной дыней и кислым табаком. Одежда подсохла, но он чувствовал грязь и вонь тела. Расшнурованные туфли болтались на ногах. Брюки без ремня сползали, и он, зажав бумажный пакет под мышкой, шел, утопив руки в карманы. Утренний холодок благотворно сказывался на его измученном теле, он ощутил слабое подобие бодрости, которое, возможно, пришло за спадом напряжения. В голове расположилась вата, сухая и плотная. Он шел по Каляевской, монотонно считая столбы и стволы деревьев. Потом начал считать дни, прошедшие с подачи заявления, которое он так и не забрал. Дни, когда он сидел дома, пока не стал «халтурить» фотографом на свадьбах, а летом на ЮБК, потому что никакой иной работы, даже уборщиком, ни для него, ни для его жены в этой стране больше не было. По воскресеньям он распродавал домашний скарб на блошиных рынках, считал заработок и на эти деньги покупал продукты – молоко, хлеб, яйца, овощи, яблоки. Иногда мясо и мороженое. Так прошло восемьсот одиннадцать дней после подачи. На восемьсот двенадцатом Соловьева с супругой и детьми вызвали на прием, куда надо. И словно паршивым овцам, бросили им в лицо выездные визы.

Поиски Ильина

Он просыпается в одиннадцать утра. И еще не менее получаса пребывает между сном и явью. К тридцати годам юношеская привычка вскакивать сразу после пробуждения куда-то исчезла. Вместе с энергией и бодростью. Чтобы вернуть себя жизни, он, наконец, отбрасывает одеяло, садиться в кровати. Чувствует холод остывшего за ночь осеннего дома. В крохотной комнатушке со скошенным потолком, словно у Раскольникова. За окном солнечный день. Он напяливает на себя джинсы, влазит в серую шерстяную водолазку. Совершает нисхождение по винтовой лестнице к рукомойнику. Вода вначале обжигает, но тут же приятно холодит кожу лица.

Вернувшись с улицы, на всякий случай, щелкает выключателем на стене. Вспыхивает лампа под потолком. Слава Богу! Не придется раскочегаривать старый походный «Шмель» ради чашки кофе. Можно обойтись электрокофеваркой. Две ложки на стандартную кружку. Покуда комната-кухня-столовая наполняется божественным запахом молотого, Ильин вспоминает кровавую столичную шутку тридцатых. «Вам молотого? Или сразу к Берии?» Забыл вчера бросить в холодильник сэндвичи, растяпа. Не испортятся. А вот вездесущие дачные грызуны вполне могли до них добраться.

Ильин с опаской открывает рюкзак, вытряхивает его на стол. Пронесло. Целлофановый пакет без явных признаков взлома. Небо сжалилось на этот раз, но с явным укором – не плошай. Чем холоднее, тем больше соблазна для всякой лесной и полевой твари забраться в жилище. Даже если в нем давно и принципиально не оставляют ничего съестного. Картофель – и тот приходится возить с собой.

У соседа-дачника на этот случай в бетонном погребе стоит специальный сварной ящик с просверленными для вентиляции дырами. Вроде старых советских, в противопожарных уголках на предприятиях. Раньше в таких держали песок, теперь – корнеплоды.

В этом доме погреба нет. Добротный дачный сруб установлен на бетонной подушке. Его с самого начала построили не для жизни, а для отдыха от суеты. Подальше от других участков, на лесной опушке, к лесу передом, к людям задом. Место для души. Прежний хозяин выгнал три ряда елей сплошным зеленым забором от дороги. И выкопал пруд вместо огорода, зная, что не станет в нем купаться. Берега неправильной формы, выложенные огромными бутовыми булыжниками. Глиняное дно. Раз в два года по звонку появляется человек, который спускает его и чистит от перегнившей листвы, от растительных паразитов, не давая тине затянуть водную гладь. Зовут Антоном. Но в телефоне жены он почему-то значится как «Садко».

Задняя дверь студии ведет на деревянный балкон, нависающий над озером. Разогрев один из сэндвичей в микроволновке, Ильин берет тарелку, цепляет чашку с дымящимся в ней напитком. Устраивается в кресле на воздухе. Воды внизу почти не видно. Сплошной ярко-желтый ковер кленовых листьев. Вот почему он любит бывать здесь в это время. «Летники» уже разъехались. Работы в садах почти нет, все уже убрано, кроме листвы, с которой возиться пока рано. Тишина. Лес. Забытый пруд. До первых заморозков еще недели две-три. Была когда-то идея утеплить второй этаж и добавить внизу камин, а наверху печь. Да как-то изжилась сама собой.

Полчашки кофе уходит на сэндвич. Вторая половина – под сигарету. Много лет назад он поклялся Кире, жене, не курить натощак. И держит слово, даже когда ее нет рядом. Она прощает его побеги из города. Другие возят по дачам девиц, а доцент кафедры русской литературы Алексей Ильин приезжает электричкой, чтобы поработать. Закончить статью, набросать тезисы. Это – его «Доделкино». Здесь удобно формулировать и закруглять уже оформленное. Переделывать ему пока, к счастью, ничего не приходилось.

Единственный минус – плохое покрытие. Нестабильная связь затрудняет работу портативного мобильного модема. Поэтому, когда отключают электричество – а в дачных поселках такое, увы, не редкость, – остается рассчитывать на заряд ноутбука плюс запасная батарея, которую он всегда привозит с собой. Пару дополнительных часов работы. А уж если выдыхается и она, тогда по старинке – керосиновая лампа, ручка, блокнот. Пустая чашка остается на перилах. Он возвращается наверх за ноутбуком и, запустив его, устраивается в углу, на своем обычном месте. Открывает файл, в котором собраны цитаты, ссылки вперемежку с тезисами.

Итак. Тридцатые годы прошлого века. Бунин живет во Франции. Своего дома у него нет и никогда не будет. Он снимает виллу «Бельведер» в Грассе, а позже переезжает в более скромную – «Жанетт». Вместе с Буниным его жена – Вера Муромцева и Галина Кузнецова – любовница, которая моложе Бунина на тридцать лет. Старая история, показанная в фильме Учителя «Дневник его жены». Полуофициальный статус Кузнецовой – помощница, секретарь. Бунин безумно влюблен в эту молодую особу, и жене приходится мириться с откровенным адюльтером. Они везде вдвоем, разве что не совокупляются прилюдно. Бунину нужно вдохновение, без которого он, как писатель, мертв. Поэтесса Кузнецова – его муза. Даже на вручение Нобелевской премии в Стокгольм они едут втроем – Бунин с Кузнецовой и Вера Николаевна.

Четвертый обитатель французской виллы – Леонид Зуров. Двадцатисемилетний русский иммигрант, тоже писатель. Именно он принес Бунину известие о присуждении Нобелевской премии, когда Иван Алексеевич с любовницей прохлаждались в синематографе. Сам Зуров впервые встретился с Буниным в 1929 году. Тогда он уже успел издать свою книгу и переслал ее Бунину с великодушной просьбой высказать свои замечания. Бунин по привычке отложил присланное подальше. Однако книга попалась на глаза Кузнецовой и с ее подачи удостоилась внимания мэтра.

На первых порах поэтесса принимала самое деятельное участие в судьбе Зурова. Подначенный ее хвалебными отзывами, Бунин одобрил сочинения Зурова и заодно посоветовал тому перебираться во Францию, где шанс поймать литературную удачу гораздо выше, чем в Прибалтике. Бунин даже пообещал похлопотать о выдаче Зурову французской въездной визы. Вежливость вежливостью, но Зуров все-таки приехал. И поселился на вилле у Буниных. Разумеется, временно, чтобы осмотреться на новом месте. Однако время шло, а съезжать Зуров все никак не собирался.

Для полноты картины Кузнецова влюбляется в оперную певицу Маргариту Федун и приводит ее с собой, на виллу. Бунин разорен. Огромных денег, выплаченных Нобелевским фондом, которые могли бы обеспечить писателю безбедную старость, хватило всего на несколько лет. Бунин раздавал пожертвования разным прохиндеям направо и налево. Его финансовая неразборчивость и откровенное разгильдяйство поразительны. В письмах к друзьям он ворчит, что вынужден содержать стаю приживал, из которых только Зуров выплачивает десять франков ежедневно, притом, что живет и столуется не хуже, чем в первоклассном отеле.

Обстановка складывается самая тяжелая и несуразная, словно в дурном сне. Каждая из любовей этих людей лишена взаимности. Супруга любит Бунина. Бунин любит Кузнецову. Кузнецова влюблена в Маргариту. Как верно сказано в фильме устами Веры Николавны – «опера». И скрытая прима в этой опере – Федун. Это вокруг нее, если присмотреться, танцуют прочие персонажи.

Зуров питает неразделенные чувства к жене Бунина. А у нее к нему, скорее, материнская привязанность. Бунин, конечно, догадывается об ухаживаниях Зурова. Но упрекать Веру у него нет морального права. Зуров в доме – ответ на присутствие Кузнецовой. И всех их связывает литература. Зуров долго и упорно пишет свой роман «Зимний дворец». Мастер едкого слова Бунин любит поддеть его, больше заочно, фразами в стиле: «Ну, как там наш дворец? Удалось добавить кирпичик?» Или «Удалось что-нибудь пристроить?»

Зуров, первоначально благодарный судьбе, пославшей ему в лице Бунина гениального наставника, пробует заявлять о своей самостоятельности. Отсюда его плата за постой. Сбегая в археологические экспедиции, Зуров на собранные пожертвования реставрирует Никольскую надвратную церковь и звонницу в Псково-Печерском монастыре.. Быть может, надеясь вымолить признание его писательского таланта. Но жизнь жестокосерда и несправедлива. Она благоволит безалаберному Бунину. Человеку, издевающемуся над смирением венчаной с ним женщины, которую Зуров боготворит.

Между Буниным и Зуровым крепнет неприязнь. В ситуации полного безденежья вилла напоминает банку с пауками. Чувства накалены до предела. В любую минуту может вспыхнуть скандал. И однажды вспыхивает. В ответ на бунинские насмешки Зуров появляется с опасной бритвой и пускается вслед за Буниным. Он не шутит. Недаром в письме к Рощину Бунин называл его «чудовищем», «сказочным мерзавцем». У Зурова тяжелая детская травма (он пережил самоубийство матери) и контузия, полученная на войне. В минуты агрессии он не в состоянии себя контролировать. Он эмоционально нестабилен и склонен к помешательству.

Несколько десятилетий спустя этот образ сумасшедшего с бритвой воскреснет в известном стихотворении Арсения Тарковского «Первые свидания».

…На свете все преобразилось, даже
Простые вещи – таз, кувшин, – когда
Стояла между нами, как на страже,
Слоистая и твердая вода.Нас повело неведомо куда.
Пред нами расступались, как миражи,
Построенные чудом города,
Сама ложилась мята нам под ноги,
И птицам с нами было по дороге,
И рыбы подымались по реке,
И небо развернулось пред глазами…
Когда судьба по следу шла за нами,
Как сумасшедший с бритвою в руке.

Состоявший к тому времени в третьем браке Тарковский, «последний поэт серебряного века», посвятил эти стихи своей первой любви. Он наверняка не знал об эпизоде между Буниным и Зуровым. Дневники и письма Бунина были изданы позже.

Ильину приходит на ум фраза, ошибочно приписываемая Марксу: история повторяется дважды – первый раз в виде трагедии, второй раз – в виде фарса. Подлинным автором высказывания был Гегель. Ильин понимает, что в случае Бунина и Тарковского все обстоит наоборот. Реальная схватка с Зуровым – скорее фарс. А вот образ в стихотворении полон трагизма.

Характерный треск отвлекает Ильина от работы, и он, угадывая его источник, морщится с извиняющейся улыбкой. Так трещат уши притянутых к фактам домыслов. Когда-то, в студенческие годы, его позабавил пассаж, найденный у маститого историка, кажется, Гумилева, в стиле *«и хотя у нас нет археологических данных о пребывании гуннов в этих местах, историческая логика свидетельствует о том, что таковые поселения действительно существовали»*. Избрав жанр эссе, Ильин надеялся, что ему удастся обойти острые углы, которые не дают его тексту подняться до уровня научной статьи. Эссе – околонаучный этюд по определению. В нем можно обойтись без схолий. Статья же требует привлечения строгого научного аппарата. Его извиняет только то, что неадекватный персонаж с опасной бритвой – действительно яркий, своеобразный, насыщенный образ. Так устроена жизнь. Всякий раз, когда кому-то взбредет на ум постучать своим башмаком по мебели, будут вспоминать Хрущева.

Ильин снова заваривает кофе. Где еще фигурировала бритва, если не вспоминать Оккама с ударением на «о»? У Эдгара Алана По в «Убийствах на улице Морг», когда сбежавший от матроса орангутанг оттяпал голову одной барышне хозяйской бритвой. Упоминание бритвы как оружия, пожалуй, можно найти в «одесских рассказах» Бабеля, если хорошенько покопаться. В «Заводном апельсине» Энтони Берджеса.

Едва ли Тарковский помнил о рассказе По, когда писал свое стихотворение. Хотя, с формальной точки зрения, дикий орангутанг с бритвой куда опаснее Зурова, а в плане невменяемости – гораздо ближе к роковой неотвратимости судьбы. Зуров и вправду страдал болезнями психики и закончил свои дни в психиатрической больнице. Он действительно большую часть жизни если не шел по следу Бунина, то находился рядом с ним.

Главная нестыковка для Ильина, однако, заключается в том, что, когда престарелый Бунин ослаб и был смертельно болен, именно Зуров ухаживал за ним. Готовил ему (он был превосходным поваром), делал массажи и физпроцедуры. Если бы не обострение психической болезни Зурова, Бунин вполне возможно, умер бы у него на руках. Ясно одно – к концу жизни прошлые обиды были давно забыты. Зуров не зря стал распорядителем архива Буниных, и даже памятник на могиле писателя, копирующий Труворов крест в Изборске, был создан по зуровскому эскизу.

Ильин в замешательстве. Он чувствует внутреннюю правоту, но не может подступиться. Бывший ученик с бритвой, с одной стороны, и поэтический персонаж – с другой. Но между ними – пропасть. Не за что ухватиться.

Он вспоминает рассказ, принадлежащий перу Борхеса. Двенадцатый век. Кордова. Уединившись в прохладе каменного двора, наслаждаясь журчанием воды в фонтане, великий Абу́-ль-Вали́д Муха́ммад ибн А́хмад аль-Куртуби, более известный европейцам как Аверроэс, переводит «Поэтику» Аристотеля. И никак не может понять, что означает «трагедия» и «комедия» в тексте грека. Потому что соответствий этим культурным понятиям в мусульманском мире попросту нет.

Чувствуя, как на глазах рассыпается его текст, Ильин решает еще раз перечитать цитаты и источники. Тут оказывается, что главный эпизод – погоня с бритвой за Буниным – основан на каком-то любительском посте в соцсетях, без ссылок на источники. Он забивает фразу в поисковик и получает еще несколько перепечаток того же самого поста, в разных вариациях, но без схолий. Ему приходится поднимать «Грасский дневник» Кузнецовой, который из-за медленного интернета загружается целую вечность. Затем дневник жены Бунина и еще какие-то автобиографические материалы. Нигде нет ни строчки об эпизоде с бритвой.

Наконец, в воспоминаниях писателя Александра Бахраха, бывавшего на вилле у Буниных, Ильин встречает описание схватки между Буниным и Зуровым. Последний во дни тотальной бедности разбил на вилле огород и пытался выращивать овощи. Бунин же якобы исподтишка назло выдергивал всходы, и однажды был пойман за этим преступлением с поличным. Бахрах застал кульминацию, когда Зуров с топором, которым еще утром рубили дрова, бросался на Бунина, вооруженного литым кухонным пестиком. До кровопролития, впрочем, не дошло. Конфликт вскоре иссяк и, в конце концов, был улажен полюбовно. А в качестве контрибуции некоторое время спустя Зуров принес куриную тушку.

В принципе, хорошо. И даже очень. Но где бритва, няня? Где же старая добрая опасная бритва? Которую орангутанг смог найти, а Зуров нет. Что ему теперь делать с этим топором? Вот если бы у Тарковского было *«… Когда судьба по следу шла за нами, Как сумасшедший Зуров с топором…»*,тогда все совпало бы идеально. А так – топор против пестика – курам на смех. В общем, не зря Зуров вернулся с курицей.

Ильин предпринимает последние обреченные попытки выпутаться, бегло печатая на клавиатуре, под назойливую переделанную ахматовскую строку *«Когда б вы*

знали, из какого сора, Растут ***эссе****, не ведая стыда»*. Но тут в дачном поселке гаснет электричество. Матерясь про себя, он захлопывает ноутбук. Несколько минут прохаживается от стенки к стенке, как загнанный зверь. Поднимает с подоконника старый каштан. Долго рассматривает его, стоя на балконе, а потом, коротко замахнувшись, забрасывает на середину пруда, оставляя незаметную брешь в желтом ковре. Наверху, над кронами деревьев гаснет ласковое октябрьское закатное солнце.

Нормальный мужик, рассуждает Ильин, будь у него такие условия, не занимался бы черти чем, а привез сюда девушку с китайской едой и устроил аккуратный забег в ширину. Взять хотя бы эту черненькую грудастую Люду-аспирантку, лауреата конкурса «А ты прекрасна без извилин». Уже год переглядываются, как голуби. Привезти ее сюда в субботу и вдуть после портвейна – чистосердечно, по-бунински, в ослепительных красках осени. Эх, Леха, Леха! Как говорили древние: *Дура Лекс, но сэд Лекс*. Что означает: Леха глупый, но грустный. Ибо *«sad»* по-английски «печальный». Прямая антитеза веселым сказочным дурачкам.

Закрывая дверь, пока с улицы не налетела мошкара, в изобилии распускающаяся у воды в безнаказанности после заката, Ильин прикидывает, успеет ли он на последнюю электричку. Почему он не приехал на машине? Куковать здесь при свечах теперь не имеет смысла. Он снова возвращается к навязчивым мыслям о Зурове и Тарковском, филологическим копчиком ощущая, что какая-то связь однозначно есть. Но ее постижение *«разгадке жизни равносильно»*. Глубоко затягивается сигаретой. Упираясь локтем в раму, поворачивает лицо к окну, прикидывая, что при такой освещенности его профиль, выхваченный из темноты, напоминает пастернаковский, на известной фотографии, сделанной в Переделкино. И, уставший, думает о том, как же его достала вся эта литература вообще, и русская, в частности.

Берег ласковый

Все обломалось в доме Смешалиных.

Три года копили на то, чтобы слетать на отдых за границу. Не в Геленджик или Сочи, а как все нормальные люди – в Турцию. Месяц за месяцем выгрызали деревянные из своих зарплат, покупали зеленые. Бумажку к бумажке. Жене новые сапоги? Нет. Старые еще не сносила. Сумку взамен рваной? Да, но попроще. Меньше на бензин. Про рестораны забыть. И даже не заикаться о спиннинге. Где можно – перебились. Где нельзя – перезаняли. У своих, у родных, у чужих. Словом, выкрутились.

Два года вырабатывали в себе стойкую неприязнь к Черному морю, приевшемуся от младых ногтей. Хорошее море *черным* не назовут. Болото. Озеро с канализационными стоками. Взять даже ЮБК – южный берег Крыма. Студенческие стройотряды, костры. «Романтика»слабиться в кустах. Жара по ночам. Кто тогда знал о кондиционерах? Халабуды из фанеры и ракушечника. Сколько времени прошло, а нормальной инфраструктуры как не было, так и нет. Если построили что-то новое – дерут втридорога. Сервис никудышный. Сплошное жлобство и желание урвать. Нет, хватит этих курсовок в полуразбитые пансионаты, отрыжку советских времен. Отдыхать нужно цивилизованно. На правильном море, в правильной стране. Желательно – подальше от родных суровых берегов.

С осени стали подбирать купальники и плавки. Очки и маску для ныряния, ласты. Обстоятельно изучили рынок. Решили, что на брендовое особо тратиться не стоит, подойдут крепкие середнячки. Что-нибудь стильное, обязательно броское. Себе и детям. Лето все-таки не за горами. Но, с другой стороны, не в сезон-то дешевле на порядок. Ничего, что коллекции прошлого года. Кто там знает – что прошлого, а что не прошлого. Главное, чтобы сидело хорошо. И носить было удобно.

По каталогам летней одежды выбрали каждому по две пары шорт, тенниски, пару рубах и блузок с расцветками типа «Гавайи». Панамы и бейсболки. Жене, Валентине, – пляжные пеньюары, полупрозрачные, но если учесть, что на купальник, – пристойно. Отдельная статья – обувь. Помимо традиционных «шлепок», взяли недорогие мокасины, туфли без задника, пару босоножек. Повздыхали, расплачиваясь за посылку курьеру.

И – о, чудо – почти все подошло! То, что впритык, впритирку, внатяжку, можно было разносить или, в крайнем случае, сбросить пару кило до отпуска. Это без конкретной цели худеть долго и мучительно. Но если цель есть, и при том цель настолько благая и заманчивая, то растопить лишний жирок очень даже полезно.

Валя, привыкшая ко всему в жизни подходить вдумчиво, обзвонила турагентства и выяснила, что самые выгодные цены появляются сразу после Нового года, в январе. Тогда и следует бронировать. У туроператоров это даже называется по-особенному – «*раннее бронирование*». Валя копнула глубже. Несколько месяцев подряд посвящала свои свободные минутки чтению комментов в «Букинге» и «Трипэдвайзере» о турецких отелях и курортах. Отмечала, сохраняла понравившиеся отзывы. В отдельный файл выписывала советы и рекомендации, которые могли бы им пригодиться. И уже после этого, получив базу знаний, приступила к осторожным расспросам своих знакомых и коллег. Тех, кому уже довелось отдыхать в Турции. О своих планах она предпочла не распространяться. Сослалась на мифическую подругу, которая, якобы, обратилась к ней, но посоветовать ей как раз и нечего, ведь в Турции она так ни разу и не была.

Этим ловким маневром Валентина сразу вводила собеседника в привилегированное положение знатока и хозяина жизни. А себя выставляла «молодой и неопытной», нуждающейся в поддержке, в мудром совете. И текли реки откровений и океаны советов в раскрытые уши Валентины, со всеми подробностями, нюансами и деталями. Подругам и коллегам нравилось листать в памяти свои прошлые впечатления, как будто заново переживая их. Иногда они увлекались настолько, что выбалтывали что-то уж слишком личное и даже глубоко интимное. Чтобы потом, спохватившись, но не показав своего смущения, насыпать сверху еще с три короба всякой всячины в попытках заполировать неловкость.

Из всего услышанного Валя сразу выделила два момента. Первый. Для мужиков в Турции самый страшный соблазн – нет, не бабы. Бесплатный бар. В каждом отеле существует зал для отдыха, где услужливые турки без конца наливают всем желающим алкогольные коктейли, мартини, виски, бренди, водку, текилу – в общем, все, что угодно. Бесплатно. Пей, сколько хочешь. Ну и, конечно, многие мужики напиваются до скотского состояния. Провести отпуск, отгоняя своего благоверного от бесплатной турецкой наливайки, – то еще удовольствие. Поэтому договариваться надо на берегу и свои условия ставить жестко. Иначе – весь отдых псу под хвост.

Второй. Турки предлагают хитрую систему «все включено». С бесконечным питанием. Готовят любую кухню и очень вкусно. Но самое страшное – неограниченный выбор. Особенно десертов. Помимо основных блюд и салатов – тридцать-сорок видов выпечки на завтрак, обед и ужин. Желе, кремы, шоколад. От такого изобилия разбегаются глаза. И что хуже всего – меркнет разум. Сочетание моря, солнца, воздуха вызывает постоянный дикий аппетит. Стоит только поддаться соблазну – все идет прахом. Годовые диеты, абонемент в фитнес-центр, отказ от мучного и сладкого – все эти месяцы мучительных издевательств над собой ради того, чтобы быть в хорошей форме на отдыхе, все летит в тартарары. Талия исчезает буквально на глазах. Десять дней – плюс десять килограммов. Это если не комбинировать с бесплатным алкоголем. Год уходит на то, чтобы избавиться от этого турецкого гостеприимства. Некоторые, единожды пострадавшие, потом принципиально отказывались от «олинклюзив» и брали отели без ужина, заботясь о собственном весе.

А Тамара Алексеевна – немолодая, разведенная женщина в самом соку и без комплексов – поведала Вале на правах *тет-а-тет*, что турки – мужчины очень страстные. От славянок сходят с ума. Причем от всех, невзирая на возраст и лишние килограммы. Так что при желании всегда можно найти себе заботливого друга на отдых, который воплотит самые страстные фантазии. Можно даже двух или трех. Турки любят отношения без обязательств. Когда каждый и каждая берет от жизни все, что она может дать в настоящий момент, и не заглядывают в завтра. При этом они чистоплотны и галантны в отношениях с женщинами. Тем более из других стран. Валентина покраснела, как школьница, поблагодарила и призналась, что подруга замужем, так что как-то там справятся на курорте своими силами.

В общем, размышляя о Турции, она не нашла особых поводов для беспокойства. Борис, муж, был человеком практически не пьющим, и вряд ли турецкий фонтан со спиртным мог на это как-то повлиять. Фигурой Валя пошла в мать, а мать – в бабку. И так – до седьмого колена – все женщины в их роду были, что называется, «доска и два соска». Худые, костлявые, зато очень деятельные и подвижные. Мысль о сорока турецких десертах позабавила ее и подселила дьявольскую ухмылку. Она подумала, что обязательно перепробует все. Даже если для этого придется везти чемодан активированного угля и сто рулонов бумаги.

Вместе с Борисом они остановили выбор на местном операторе, о котором были самые лестные отзывы, как прочитанные, так и услышанные. Турфирма работала напрямую с турками и предлагала услуги для «средних» клиентов по вполне приемлемым ценам. Офис ее располагался в центре города. Внутри хватало посетителей, но их приняли быстро, вежливо и все доходчиво объяснили. После этого оставить свои данные в базе клиентов, чтобы получить звонок о раннем бронировании – было удобно и благоразумно.

Светлое, просторное помещение, вежливый персонал, проспекты самых популярных курортов, брендовая парфюмерия в воздухе подействовали на них магически. Они разом оказались в какой-то другой жизни. И, выходя из рафинированного тепла на октябрьский дождь, испытали холод отрезвления. Зато там, за витриной, среди цветов и запаха кофе, где порхали молодые сотрудники и сотрудницы, продолжала жить их маленькая летняя мечта.

В октябре купили набор чемоданов на колесиках, чтобы у каждого был свой. Даже Настене, младшей, достался портативный, с улыбающимся енотом. Три из них убрали на антресоли. В четвертый – гигантский – сложили все свою летнюю одежду с прибамбасами. А как закрыли – возник вопрос: что с ним теперь делать, куда девать? Оставить на виду – расспросов не оберешься. В шкафах места и так кот наплакал. Под диван не помещается, уж слишком пузатый. В кладовку – не повернуться. На балкон – жалко. Дождь, голуби, да и украсть могут. Вон, Петровы на балконе в девятиэтажке велосипед оставляли, так и до него добрались. Хорошо, Борис – инженер. Примотал две широких ленты к поперечинам под обеденным столом и подвесил снизу, как сундук Кощея. Коленям не помеха. Скатерть на столе длинная, как раз все закрывает.

И тут – гром среди ясного неба.

За месяц до нового года турки сбивают российский бомбардировщик, почему-то залетевший в их воздушное пространство. Международный скандал. В ответ Россия вводит санкции против Анкары. Помидоры и цитрусовые, которые в России на четверть турецкие, – запретить. Летний туризм из России в Турцию – запретить. Никаких чартеров в турецкие аэропорты. Все совместные строительные проекты с турецкими компаниями заморозить.

Валентина в агентство – а там только руками разводят. Форс-мажор. Правительственное решение. Обстоятельства необоримой силы.

Менеджер вполголоса успокоил:

– Вам еще повезло. Вы даже не забронировали. А у нас сотни клиентов заказали новогодние туры и выкупили уже давно – авиабилеты, отели с экскурсиями и шоу-программами. С ними-то что теперь делать?

Приуныли Смешалины.

Новый год как-то не совсем празднично прошел. И даже поздравления президента прослушали вяло, с плохо скрываемой турецкой обидой. Правда, за неделю до этого девушка-консультант предложила альтернативное направление – Грецию. Туда, конечно, виза нужна, шенгенская или внутренняя, но отдых тоже прекрасный. Чистое море, песчаные пляжи. Валентина поинтересовалась про «все включено». Да, заверила девушка, абсолютно. И семейные отели тоже есть. Валентина поблагодарила. Сказала, подумаем. А сама, на всякий случай, проверила по карте, где находится Греция, как далеко она от Сирии. Ну, чтобы не подставиться под очередной бомбардировщик, разбивающий их семейную мечту.

В первую же рабочую неделю она выяснила, что живых сведений о Греции на порядок меньше, чем о Турции. Интернет, конечно, пестрил, но сослуживцы как-то братьев-греков не жаловали. Отговорки все те же – и визу надо, и переезд длинный, а самолет дорогой. У турок стоимость перелета была заложена в турпакет. Более того, у них самолеты принадлежали тому же самому оператору, потому выходило быстро, комфортно и дешево. Увы, у греков такой системы не было. И отдых получался дороже, и выбор отелей приемлемой ценовой категории меньше. И питание куда беднее. За те же деньги можно было б с роскошью в Египет – Хургада, Шарм-эль-Шейх. Но Египет летом – ад. Жара неимоверная. В море – что в сауне.

Седьмого марта – в канун, – телефонный звонок. Какой-то «менеджер Константин» из Кишинева:

– Ваше агентство – наши партнеры – любезно передали ваши координаты нам. Если у вас все еще есть желание отдохнуть в Турции этим летом, можем организовать авиа из Кишинева в Анталью. Без санкций и обойдется дешевле. Сейчас турки опустили цены, поэтому предложения по всем курортам просто сказочные. Даже с доездом в Москву и перелетом из Москвы до Кишинева и обратно. Можем бронировать прямо сейчас.

Константин запросил имэйл и сбросил предложение моментально. Валентина перезвонила в местное агентство – мало ли что. Проходимцев – пруд пруди.

– Да, – подтвердили там, – все верно. Наши партнеры.

– А через вас с ними нельзя? – спросила Валентина.

– К сожалению, нет, – ответили ей. – Мы бы и рады, но санкции – есть санкции. Если попробуем играть в самых умных – отберут лицензию. Нас уже предупредили. Теперь с этим строго.

Стала советоваться с мужем. Борис почесал затылок:

– Кишинев так Кишинев. Некоторые из Минска летают. Но Минск западнее, а нам на юг надо.

– Кто это, *«некоторые»*? – поинтересовалась Валентина.

– Да так, в цеху болтали. Не важно.

В общем, распечатали договор, почитали. Вроде все правильно написано, хотя и длинно. Времени на раскачку нет – апрель на носу. По договору надо внести тридцать процентов. Надо, а сердце щемит с деньгами расставаться. Когда в руках держишь, тяжело отпускать. Но Валентина переборола саму себя, отнесла в ближайшее отделение, перечислила на счет. Как бы там ни было, треть – это еще не все. Основная сумма все равно дома осталась. Через день Константин прислал подтверждение платежа. Договорились, что перезвонит в начале июля, за две недели до вылета. Пожелали друг другу удачи и исполнения всех желаний. Настроились.

Пятого июля – звонок. Тютелька в тютельку, как в аптеке. Ксения, менеджер. Еще раз проверила паспортные данные. Подтвердила бронировку. Напомнила о не-

обходимости полной оплаты не позже, чем за неделю до вылета из Кишинева. Купили билеты до Москвы, подсуетились, как доехать от центрального автовокзала до Внуково. Посчитали всю логистику. Валя написала список всего, что нужно купить до отъезда, чтобы не в последний момент, как всегда. Поинтересовалась, нужны ли дополнительные прививки детям. Подкупила медикаменты для дорожной аптечки. Страховка, конечно, хорошо, но кто его знает, какая там у них медицина и что покрывается, а что нет. На всякий случай поменяла сто долларов на лиры. Мало ли что. Вдруг понадобятся, а обменника поблизости как на зло.

За неделю перевели остаток суммы. Рассчитались полностью. Ксения из Кишинева пообещала выслать копии ваучеров за три дня до отлета. Вечером, пятнадцатого июля, сели ужинать всей семьей, как всегда, под телевизор.

И на тебе!

В Турции – вооруженный переворот. Антиправительственный мятеж. Танки на улицах. Часть военных участвует в заговоре против турецкого президента. Есть жертвы, введен комендантский час. Главные аэропорты страны закрыты.

Валентина как стояла, так и опустилась обратно на стул со стопкой грязных тарелок, прижатых к груди:

– Все. Приехали.

Борис взял пульт и просмотрел еще пару турецких сюжетов на других каналах.

– Проскочим. До отлета еще пару дней. Эрдоган лих на расправу. Города контролируются правительством. Большая часть военных – с президентом.

– Попремся с детьми на войну?

Борис устало выдохнул:

– Ну, можем отложить. Перенести.

– Деньги-то не вернут. Пиши пропало.

– Почему? Мы-то в чем виноваты?

Валя посмотрела на него со злостью, как на непутевого:

– Так и они не виноваты! Никто не виноват! А денежки наши плакали…

Борис повел бровью:

– Пускай переносят. Полетим в следующем году.

Валя прошептала про себя матерное слово.

– «Полетим»…Полетит он…Полетели уже! Опять будем целый год сидеть белые, как Борис и Феврония.

– Петр.

– Что?

– Петр и Феврония. А Борис – это Борис и Глеб.

– Да ну тебя!

Валентина наконец отпустила тарелки на стол и закрыла руками лицо:

– Ну, вот не судьба – и все! Господи! Что ж мы – проклятые что ли с этой Турцией?!

Все обломалось в доме Смешалиных.

Еще никогда, со времен ельцинского путча девяносто первого года, не следили они с таким интересом и ужасом за каждым выпуском новостей. Никогда еще так сильно не переживали за восстановление конституционного порядка в чужой, далекой стране. За чужого президента и его, вверенную ему чужим народом власть. Как будто там, на затопленных июльским зноем улицах и площадях Анкары в те дни решалось их личное будущее, будущее их детей.

Борис был прав.

На смену тревожному сюжету о покушении на жизнь президента, где камера фиксировала следы в интерьере от расстрела – то ли танком, то ли вертолетом – его резиденции, пришли многочисленные картинки с арестами заговорщиков. Армия и полиция сообща взяли под контроль общественный порядок на улицах.

Чем дальше, тем больше появлялось свидетельств того, что ни международные инвесторы, ни туристы не пострадают от временных беспорядков, всколыхнувших турецкую столицу. Да и где Анкара, а где Анталья?

В Багдаде все спокойно, – то и дело мелькала в голове у Бориса странная, далекая, всплывшая из какой-то детской сказки фраза, так или иначе связанная с Востоком.

Они напились успокоительных. Вечером рейсовым автобусом выехали из Ярославля в Москву, чтобы успеть на утренний рейс в Кишинев и оттуда сразу в Анталью. Полулегально, в обход родных российских санкций. Как шпионы-заговорщики. Придумали отмазку, на крайний случай, что летят погостить у родни в Кишиневе, хотя никаких родственников в Молдове у них не было. Да и не спрашивал их российский пограничник, куда они летят. Никому не было до них дела. Легенда не пригодилась.

После долгих часов в дороге, когда лайнер приземлился в аэропорту Антальи и они, пройдя паспортный контроль, сели в кондиционированный «Неоплан» принимающей стороны, Борис, убедившись, что багаж в порядке, а дети пристроены на сиденьях впереди, – откинулся на мягкую спинку кресла и задремал. До отеля оставалось почти три часа пути. Он не слышал, как салон наполнялся отдыхающими, как тронулся автобус по турецкому автобану, мягко покачиваясь на рессорах.

Его разбудили крики детей, увидевших море. Борис открыл глаза, посмотрел вдаль, за поросший кустарником, но уже размеченный под строительство, пустырь, где длинной, глубокой полосой блестело вожделенное Средиземное море. Провел ладонью по лицу, смахивая остатки сна. Затем нащупал в рюкзаке две жестянки «Пепси». Одну протянул жене. Вторую вскрыл с резким шипением и припал губами, чтобы не пролить. В нос шибануло газом. Глаза заслезились. Он посмотрел на своих детей, припавших к стеклу. Сделал через силу глоток. Снова бросил взгляд на песчаную косу, волны прибоя, беззаботно парящих чаек. И в памяти его проступила строка из песни к советскому сериалу «Семнадцать мгновений весны», которую он едва не повторил вслух:

Берег мой, берег ласковый…

Димидов Александр Владимирович (1972 г.р., г.Черновцы, Украина) – магистр филологии (специализация «Русский язык и литература»), дипломированный переводчик с английского языка. Писатель, публицист. Автор романов «Четыре унции кофе», «Маджента» (диплом «Международное признание» литературного конкурса «Коронация слова-2019»), «Жонглер», «Грошери», книги-эссе «Поправка 3:17». В 2021 году были опубликованы рассказы «Отруби» (журнал «Новый берег», №74, Дания), «Стервы» (журнал «Дружба народов», № 12, Россия), «Портрет мужчины с диском» (журнал «Иные берега», Финляндия. Диплом золотой ступени Международного конкурса короткой прозы «Чемодан Довлатова», аудиоверсия рассказа подготовлена редакцией «Радио Гомель» (Беларусь). Рассказ «Чудиновский пастырь» вошел в лонглист и был отмечен дипломом Международного конкурса современной духовной художественной литературы «Молитва» (2022). С 2010 года проживает в г.Эймс, штат Айова, США.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ

Волчица, любящая людей

Рассказ

…Покалеченная голубоглазая собака, похожая на хаски и немного на волка, лежала в поселке городского типа Щербатово возле большой автомобильной дороги и умирала. Машины спокойно проезжали мимо, а пешеходы суетливо проходили, стараясь не смотреть на собаку: ну, ведь это не моя, я-то здесь при чем, зачем делать лишние телодвижения?! Помирает и пусть помирает.

Не прошла мимо только пенсионерка Надя, жительница близлежащего Шестого проезда… Она увидела собаку, поняла, что та искалечена и не может идти, осторожно и бережно взяла ее на руки и кое-как дотащила до своего небольшого одноэтажного домика. Собака не сопротивлялась, как-то сразу поняла, что к чему.

Пенсионерка Надя жила одна, два года назад у нее умер муж от инсульта, не дожив до шестидесяти пяти, а год назад от ковида и старости – девяностолетняя мама. Дети разлетелись кто куда. Надя осталась с верным стареющим псом Тяпой, которому шел уже одиннадцатый год.

Надя (в прошлом ветеринар) обследовала покалеченную собаку и обнаружила, что она избита, следы побоев и кровоподтеки были на морде, на лапах…

Кто-то сильно и зловеще избивал эту волкообразную девицу лет трех-четырех.

Надя отнесла собаку под навес, который был оборудован из бывшего гаража, и попробовала ее покормить. Та грустно и как-то обреченно положила длинную морду на лапы. Надя дала собаке овсянку с тушенкой, любимое блюдо Тяпы, но собака отказалась, точнее, поела немного и стала зализывать раны на лапах.

Весть о том, что Надя подобрала волчицу, быстро пробежала по улице. И мнения разделились… Некоторые односельчане стали журить Надю.

– Как ты ее прокормишь? – возмущался сосед Алексей, сорокапятилетний отец-одиночка. – Я на своего пса трачу десять тысяч в месяц, а у тебя пенсия – тринадцать. Как ты прокормишь?!

– А еще она выть по ночам станет! – возмущалась соседка Ирина Бенедиктовна, пьющая тетка лет семидесяти. – Надо ее сдать в собачий приют. Не нужны нам на улице волки.

Надю поддержала доброжелательная бездетная семейная пара – упитанный пятидесятилетний Игорь и худенькая миловидная тридцатилетняя Оля, которые пять лет назад переехали из Москвы в Щербатово, обменяв свою неказистую двушку в брежневской панельке в Выхино на полдома (из четырех комнат) и восемь сосновых соток в поселке.

Супруги полгода назад пережили ковид (Игорь – в тяжелой форме, лежал в больнице, Ольга – в умеренной), очень медленно восстанавливались, любое движение давалось с трудом, даже нагнуться на грядке или дойти до помойки и выбросить в контейнер мусор было проблемой, появились панические атаки и неприятная одышка. К тому же у Игоря после ковида диагностировали гипертонию первой степени, давление то внезапно поднималось, то резко снижалось. Мужчина не расставался с японским автоматическим тонометром, который показывал нерадостные результаты. Врач из платного медицинского центра прописал Игорю гору всевозможных таблеток, но он от них отказался, решил по извечному русскому обычаю, что на все воля Божья: будь, что будет. Авось обойдется.

Жизнь продолжалась, Игорь, выпускник мехмата МГУ, потихоньку работал (он имел собственный небольшой айтишный бизнес), а Оля, экономист по образованию, занималась домашним хозяйством – ходила в магазины, готовила, ухаживала за кошками (их было у супругов две: Маркиза и Кнопа), полола сорняки в огороде и теплице; дел всем хватало.

Игорь и Оля поженились шесть лет назад, два года назад потеряли ребенка (выкидыш произошел на втором месяце беременности). А тут еще ковид… Все это, конечно, отразилось на их душевном состоянии – горьком и подавленном.

«А душа, уж это точно, ежели обожжена, справедливей, милосерднее и праведней она»… Это метко заметил Булат Окуджава.

Игорь и Оля, еще толком не восстановившиеся после болезни, бросились Наде и собаке на помощь. Или на помощь – самим себе. Первым делом Игорь и Оля купили несколько пакетов сухого корма в «Дикси», собака с радостью начала есть. Супруги пообещали Наде, что помогут ей во всем, и попросили не отдавать собаку в приют…

– Не надо ее никому отдавать, если бы не наши кошки, мы бы ее взяли уже сейчас к себе, но мы сделаем вольер, разделим участок на две части (кошачью и собачью) и тогда заберем… – сказал Игорь.

– А когда? – уточнила добрая, но конкретная Надя.

– Через месяц. Сейчас особых денег нет, а через месяц я должен заключить хороший контракт на создание сайта довольно серьезной корпорации и тогда построю вольер, приглашу рабочих.

– Хорошо, – ответила Надя. – Месяц – не год. Подождем.

Собака стала обживаться на новом месте. Надя готовила теперь на двоих: и на Тяпу, и на Нэнси (так, по предложению Ольги, стали называть волчицу). Рацион был разнообразный: овсянка с тушенкой, недорогая рыба путассу, говяжьи кости, гречка с консервами…

Особенно Нэнси полюбила кильку в томатном соусе. Но и от сухого корма тоже не отказывалась.

Тяпа воспрял духом и телом, пытался даже пристроиться к Нэнси как герой-любовник, но она его как-то всерьез не воспринимала.

Игорь и Ольга каждый день приносили продукты Наде и гуляли утром и вечером с собакой по окрестным улицам Щербатова.

Месяц пролетел быстро.

Игорь заключил контракт, получил аванс и пригласил знакомых мастеров. Они за два дня отделили часть участка, прилегающего к забору, зеленой сеткой 3Д, и получился хороший уютный вольер на шестьдесят квадратных метров, а еще Игорь купил просторную односкатную собачью будку. На круг ушло восемьдесят пять тысяч рублей.

Игорь с Олей пришли к Наде и торжественно сообщили, что готовы забрать Нэнси.

Поначалу вольер Нэнси понравился, она стала изучать будку, легла рядом с ней, но все шло хорошо, пока рядом была Надя. Стоило ей уйти, как собака по-волчьи завыла и стала пытаться перепрыгнуть через вольер. Игорь не отходил от собаки, разговаривал с ней, гладил по волчьему мощному загривку, давал косточки, но собака не могла успокоиться… Потом все-таки прилегла у будки, грустно положив морду на мощные лапы.

Игорь пошел в дом на несколько минут, перекусить. Когда вернулся, собаки не обнаружил, а ворота были зверски раскурочены, две нижние доски Нэнси с мясом вырвала из ворот...

Ольга побежала на улицу и увидела Нэнси, которая стояла у Надиной калитки, пытаясь носом открыть дверь. В зубах у собаки была косточка — для любимого Тяпы, наверное. Ольга взяла Нэнси за ошейник и привела назад.

Игорь быстренько починил ворота и заложил их тяжеленными пеноблоками и кирпичами, которые остались от стройки. Собака опять по-волчьи выла и пыталась перепрыгнуть через вольер.

Она подбежала к пеноблокам, и не успели супруги глазом моргнуть, расшвыряла пеноблоки и кирпичи, как мелкие морские камешки.

Все стало понятно. Собака полюбила Надю, которая спасла ей жизнь, и Тяпу, который стал ее галантным кавалером.

– Ладно, – сказал Игорь, – вместе жить не получилось, значит, будем дружить. Мы все равно будем помогать Наде, давать деньги и продукты, и, может быть, Нэнси к нам еще привыкнет. Она волчица. Но особенная. Волчица, любящая людей. Особенно тех, кто любит ее.

– Я с тобой согласна, будем помогать, – поддержала мужа Ольга.

Надя тоже не возражала.

Каждое утро, перед работой, Игорь неспешным шагом гулял с собакой…

Маршруты день ото дня становились все длиннее и длиннее – сначала Игорь с Нэнси шли до помойки и обратно, потом стали ходить по близлежащему красивому и ухоженному Садовому переулку, потом по широченной центральной Первомайской улице, где когда-то жил один из руководителей ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов… Во всем поселке было множество добротных новых домов. Раньше Игорь на это не обращал внимания, да и гулял очень редко, все время торчал за компьютером, с утра до ночи зарабатывая на хлеб насущный.

После прогулки давление снижалось, вообще физические нагрузки шли на пользу здоровью, Игорь чувствовал, что к нему постепенно, день за днем, час за часом, возвращаются силы, уменьшается одышка. И собака смотрела на мир как-то веселее.

Начали думать, как приручить Нэнси, как обеспечить ей спокойный переезд в новый дом, к Игорю и Ольге… Надя часто стала приходить с Нэнси к супругам, сидели все вместе в вольере, поставили там круглый пластмассовый стол и деревянные скамейки, пили чай с пряниками и бутербродами. При Наде Нэнси вела себя идеально, лежала рядом с будкой, ела из одной миски, пила из другой… У собаки стали проявляться необычные особенности – перед едой она мыла передние лапы в большой миске с водой, помоет лапы и только потом ест. Всех это приводило в неописуемый восторг и удивление: как же так, кто ее научил? Вообще собака оказалась смышленой и легкообучаемой. Через три дня поняла все правила общежития.

Поначалу-то она стала гонять Надиных котов, и Парамон, серый хвостатый разбойник лет пяти, даже дал ей отпор, врезав лапой по морде, а вот Барсик, маленький рыжий котик, испугался, пошел скитаться и нашел приют у соседей – школьного учителя Юрия Юрьевича и его пожилой мамы, которую все звали Лида. Потом Надя стала ругаться на Нэнси, постоянно и строго ее отчитывая:

– Нельзя, Нэнси, своих котов обижать, нельзя, это свои! Нельзя! А то по морде получишь. И от котов, и от меня!

Нэнси поджимала уши, отворачивала опасливо морду и давала понять, что она готова в жизни на компромиссы.

Вскоре все жили дружно под крылом у доброй и гостеприимной Нади, а Парамон, обнаглевший от безнаказанности и мощной «крыши» в лице хозяйки, даже иногда «покушался» на собачьи миски. Короче, жизнь людей и жизнь животных во многом похожи.

Игорь и Оля каждый день гуляли с Нэнси. Больше всего им нравилось ходить, особенно летом, на озеро, которое находилось совсем рядом – пешком минут десять-пятнадцать. Озеро называлось Медвежье. Почему так назвали – никто толком не знал, медведей в Подмосковье давным-давно истребили, но вот название осталось. Может быть, в честь реки Межи, которая втекала в озеро и вытекала из него?

Собака купаться не любила, а Игорь и Ольга купались с удовольствием – по очереди. То Игорь держал Нэнси на поводке, то Ольга. Иногда привязывали собаку к дереву и тогда купались вместе.

Озеро давало дополнительные силы, особенно после работы, точно смывало с мужчины и женщины грешную суету и усталость. Сверху вода была теплая, а внизу холодная – там били подземные природные ключи, получался естественный своеобразный душ Шарко. Супруги плавали, улыбались друг другу, смотрели на собаку и понимали, что и в Подмосковье можно замечательно отдыхать, а не только на роскошных морских курортах. Озеро было огромным и живописным… Березы и плакучие ивы склонялись к прозрачной воде, по водной берендеевой глади скользили веселые байдарочники, неспешные упитанные пляжники играли в волейбол на белом привозном песочке… Все было сделано для людей.

Нэнси смотрела на воду настороженно и даже не пила из озера, все попытки супругов приобщить собаку к плаванию не увенчались успехом.

Она постепенно преображалась; распушилась, волчий густой мех стал играть на солнце, увеличился подшерсток, и хвост, который ранее чуть ли не волочился трусливо по земле, как показывали в советских рисованных мультфильмах, стал жизнерадостно закругляться в колечко, а это явный признак хорошего настроения. Изменился даже цвет морды – с невзрачного и пыльного серого на белый.

Когда супруги шли домой, Игорь всегда удивлялся:

– Ну, откуда у людей деньги на такие роскошные особняки? Это ведь не у кого-то одного, а практически у всех… У нас, наверное, самая маленькая избушка во всем поселке.

– А зачем нам больше? – отвечала Оля. – Главное, что живем на своей земле, и все удобства есть. И туалет, и ванна. И Москва рядом. Человеку на самом деле не так много нужно.

– Я согласен. Меня наш дом тоже устраивает. Меня удивляет другое… Ведь это значит, люди с м о г л и, построились, не все же это директора рынков, бандиты и чиновники… Обычные люди. Но откуда деньжищи? Откуда у в с е х такие особняки?

– Кому-то по наследству достались, кто-то купил, есть, конечно, в нашем районе и бандиты, но в основном нормальные люди, труженики.

– Слава Богу, пусть всем повезет… А нам нужно что-то думать о собаке. Подозреваю, что Нэнси к нам на ПМЖ не пойдет. Надя ее выходила, а собаки, тем более волки, добро помнят, никуда Нэнси от нее не уйдет.

– Может быть, нам своего щеночка завести? Восточно-европейскую овчарку, например? Щенок быстрее привыкнет и с кошками поладит, и дом будет защищать. Хаски как охранники – ни о чем. Они человека вообще укусить не могут. Если дом будут грабить – хаски поможет вынести вещи.

– Хорошо, давай возьмем щеночка овчарки, думаю, это правильное решение.

…Наступил сентябрь, супруги (попросив маму Оли, Татьяну Николаевну, моложавую пенсионерку, бывшую учительницу истории, пожить в доме и приглядеть за котами) уехали в недельный отпуск на море, забронировав номер в трехзвездочном отеле «Приветливый берег», на первой линии в Геленджике.

Несмотря на то, что обстановка в стране и мире была нерадостная, шла специальная военная операция на Украине, гибли люди, в том числе мирные, и воздух был пропитан болью и тревогой, Геленджик умиротворял.

Этот чудесный город красив и притягателен в любое время года, даже в драматическое, а осенью, в сентябре, в бархатный сезон, – особенно. Уже не слишком жарко, но еще тепло, можно купаться, температура воды примерно двадцать четыре градуса. Море спокойное и манящее.

В магазинах изобилие недорогих фруктов; виноград, например, Игорь покупал в прибрежной лавочке по сто рублей за килограмм.

Когда-то (еще тридцать лет назад) Геленджик был заштатным скромным городишком, фактически поселком, а сейчас – фешенебельный курорт на уровне Лазурного берега Франции. Роскошные отели и виллы, рестораны и яхты, бесконечная набережная (самая большая в Европе, протяженность – четырнадцать километров) и неутомимые уличные музыканты…

Конечно, еще осталось немного невзрачных хрущевок в центре, но не они теперь символизируют город. И всегда здесь были великолепная природа, прекрасный климат. Сухие (не влажные, как в Сочи) субтропики. Горы, смотрящие на море… Такое ощущение, что ты на другой планете, в мире, где нет боли и страдания. Это иллюзия, конечно. Но – очень приятная.

…Цены в прибрежных ресторанах кусались: пицца – пятьсот рублей, кусок рыбы – четыреста. Правда, в «Столовой» (это разветвленная сесть недорогих закусочных) можно было поесть значительно дешевле. Там сто граммов шашлыка, например, продавали по девяносто рублей, рассольник – по сотне. Впрочем, в дополнительном общепите Игорь и Ольга не особенно нуждались.

В гостинице «Приветливый берег» были созданы все условия для души и тела н е б е д н о г о человека. Пятиразовое питание, номер с видом на море, пинг-понг, библиотека; горничная каждый день меняла белье и приносила подарки в виде сухого кубанского вина и фруктов… И все это за шесть тысяч в день на двоих. То есть за пятьдесят долларов с человека. Понятное дело, что для многих это большие деньги, но для москвича, имеющего свой довольно-таки успешный бизнес, цена приемлемая.

…Геленджик Игорь помнил с детства, он ездил сюда еще в пионерский лагерь, от того городка остались разве что старые пирсы, с которых он нырял мальчишкой, хрущевки в центре да несколько сохранившихся старых частных домишек. Все остальное было отстроено заново.

Цены на жилье здесь превысили цены на приморскую недвижимость в Болгарии раз в пять и даже стали немного выше московских. Однушку в тридцать квадратов в ЖК продавали в сентябре 2022 года за двенадцать миллионов, а двушку в панельной убогой хрущевке (почему-то их еще не снесли!) общей площадью сорок пять метров – за шесть с половиной.

Супруги и не думали здесь ничего покупать, слишком дорого, да и нет необходимости, но лишний раз убеждались, что отдохнуть теперь можно хорошо и в России.

Они приходили на завтрак в девять утра, шведский стол представал во всем своем невероятном буржуйском изобилии: йогурты, сыры, колбасы, ветчина, яичница, омлет, соки, лимонады, каши, всевозможная выпечка и т. д. На обед давали рыбу и мясо, супы на любой вкус, салаты, пельмени, печенку, фрукты, вино, мороженое, все в каком-то невообразимом количестве. А еще были полдник, ужин, дополнительный вечерний ужин, когда угощали кефиром.

Супруги наслаждались жизнью, купались в море и бассейне, ездили кататься на лошадях в высокогорную деревню Прасковеевку, основанную греками, и в музей писателя В. Г. Короленко.

Игорь решал рабочие вопросы через компьютер и по телефону, который никогда не отключал.

Ольга восхищалась комфортом в отеле, особенно ее радовал горячий душ, дома в Подмосковье водоснабжение у них оставляло желать лучшего, напор был то очень слабый, то очень сильный. И никакие мастера не могли исправить эту неполадку.

Огромная кровать, белоснежные простыни пробуждали в супругах новые эмоции и сильную страсть, которая с годами не пропала.

Плотские отношения становились особенными и одухотворенными. Супруги опять мечтали о ребенке. И неустанно старались воплотить свою мечту в явь.

Здоровье здесь, на юге, возвращалось в норму.

Вечерами – допоздна – они гуляли по набережной и разговаривали на всевозможные темы.

– В чем смысл жизни, как ты думаешь? – однажды спросила Ольга.

– Вернуться туда, откуда пришел, – уверенно и быстро ответил Игорь.

– В рай?

– Возможно.

– Но мы же с тобой грешные люди… Какой уж для нас рай?

– Будем уповать на милость Божью.

– А для тебя Бог это кто?

– Если я скажу, ты засмеешься.

– Скажи!

– Бог – это ты.

– Не поняла.

– Мы все – Бог.

– Кажется, я начинаю понимать. Один поэт однажды написал стихотворение «Христос-человечество». Я где-то читала.

– Ну вот, он все правильно написал. Мы все – единое целое, объединенное и спасенное Христом.

– Но ведь в каждом из нас есть зло.

– У нас есть свобода выбора, возможность изживать в себе зло. Это главная свобода, которую мы получили от Него. Наша с тобой свобода – идти вверх, а не вниз, любить друг друга, собак, кошек, людей, Нэнси, Тяпу, Надю, родных и близких... Но прежде всего друг друга. Да, мы все – единый организм. Мы все – Бог.

– А ты раньше, в советское время, был членом коммунистической партии? Верил в коммунизм?

– Нет, членом партии я не был. Но до сих пор вспоминаю постулаты марксизма-ленинизма. Некоторые из них были очень толковые. Например, бытие определяет сознание. Да, действительно определяет. Строй изменился – и человек изменился. Все изменилось. За тридцать лет капитализма россияне, частные предприниматели, отстроили страну, отстроили, в частности, этот город, сделали роскошный курорт, а у нас в гостинице вообще какой-то коммунизм. За пятьдесят долларов в день тебе дают все, что ты хочешь. От каждого по способности – каждому по потребности. Это ведь и есть основной принцип коммунизма. Но построили этот коммунизм не большевики, а именно капиталисты… Как странно! Вообще все странно… Люди, которые раньше, в брежневскую эпоху, жили весьма расслабленно, стали работать в новых условиях, как сумасшедшие. На себя. И очень многого добились.

– Капитализм, конечно, имеет выигрышные стороны. Он заставляет человека все время что-то делать, производить продукцию, искать рынки сбыта, вынимает из человека все возможности на двести пятьдесят процентов… Это с одной стороны хорошо, а с другой – полностью выматывает человека, приводит к бесконечному поиску новых сверхприбылей. Отсюда – войны, другие бедствия… Разве не так?

– Да, так. Я прекрасно помню так называемую застойную эпоху. Поздний социализм в Москве давал возможность вольготно пожить человеку. Государство его защищало. А сейчас не защищает. Сейчас упадешь с ветки – тебя сожрут. И матерые капиталисты не могут умерить свои аппетиты. Все время гонятся, как ты говоришь, за сверхприбылью. Вот и возникают катаклизмы различные. Я с тобой согласен. Идеального строя нет. И рая на земле нет. Социализм не в полной мере использовал возможности человека, а нынешний российский капитализм использует их чрезмерно. Нужно что-то среднее.

– Да, верно, – сказала Ольга. – Жаль, что я не жила при Советской власти. Но я понимаю тебя. Ты из поколения моих родителей. Я с мамой часто на эти темы беседую. И с тобой мне всегда интересно разговаривать.

– А мне с тобой.

– Спасибо, любимый! А вообще, я думаю, что главное – это не политический строй, а любовь. Любовь жива в любую эпоху.

– А что такое любовь?

– Любовь – это когда альтернатива невозможна.

– То есть?

– Когда можешь жить только с одним конкретным человеком, а не с кем-то еще. Я могу жить только с тобой.

– Спасибо, родная!

– Это тебе спасибо.

Они обнялись, взялись за руки и пошли в отель.

…Через день, примерно в пять утра, раздался неожиданный телефонный звонок. Игорь по определителю увидел, что звонит Надя, испугался: может, что-то случилось? Так рано Надя не звонила никогда. Он взял трубку и услышал непонятное сопение, а потом в трубку залаяли и завыли…

Игорь подумал, что Надя его разыгрывает и подставила трубку к пасти собаки… Через несколько секунд связь оборвалась. Игорь перезвонил Наде.

Та начала взволнованно и сбивчиво рассказывать:

– Нэнси украла у меня со стола мобильник, отнесла к себе на лежанку, под навес, открыла лапой чехол и начала долбить по кнопкам. Значит, она до тебя дозвонилась?

– Да, – сказал Игорь. – Если честно, собаки мне раньше не звонили.

– Ну вот, теперь это произошло, – улыбнулась Надя, – Нэнси соскучилась и ждет вас с Олей домой. И Тяпа ждет. И я жду. Будем опять чаевничать.

Игорь тоже улыбнулся.

– Здорово, – сказал он, – скоро мы вернемся. Примерно через два-три дня. Всю жизнь будем помогать и Нэнси, и Тяпе, и тебе. Кажется, Нэнси успела нас полюбить. А то, что живет не у нас, так это не самое главное. Никакие другие собаки нам с Олей не нужны. И сил у нас теперь больше. И давление у меня, судя по всему, приходит в норму.

2022 год

Евгений Степанов – прозаик, эссеист, поэт, издатель. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Рассказы, повести, эссе и романы печатались в журналах «Наш современник», «Звезда», «Нева», «Знамя», «Литературный Азербайджан», «День и Ночь», «Крещатик», «Нижний Новгород», «Зинзивер», в коллективном сборнике издательства «Эксмо». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премии журнала «Нева». Автор нескольких книг. Живет в поселке Быково (Московская область).

ТАТЬЯНА КАДНИКОВА

Родилась в 1970 году в Пензе. Окончила Пензенский педагогический университет им. В. Г. Белинского и Литинститут имени А. М. Горького. Работала редактором отдела прозы журнала «Сура». Публиковалась во всероссийских и зарубежных изданиях. Лауреат Всероссийской премии им. М. Ю. Лермонтова. Член Союза писателей России. Живёт в г. Заречном Пензенской области.

Женщина едет с горки

Женщина едет с горки
В шубке своей из норки:
Грустно ей, ты хоть тресни,
В путах своих депрессий.

Женщина едет с горки:
День начался с разборки,
День начался с обманки —
Вот и схватила санки.

Женщина едет с горки
Мимо собаки, кошки...
Вот она в карусели
Врезалась для веселья.

Так помогите, боги! —
Спрячьте ее в сугробе.
В жертву примите шубку,
Жизнь превратите в шутку.

Дайте хоть на денечек
Все, что она захочет!

***

Мне нежность приснилась: сама по себе
Туманом лежала она на воде.
И всяк, её видевший, стар ли он, мал,
Кусок отрывал и карман набивал.
Я в воду входила на риск свой и страх
И нежность брала, и качала в руках.
И с ней, как с ребёнком, домой воротясь,
Я самую кровную чуяла связь.
И муж удивлялся: «Возни-то, возни!»
Но я возражала: «Вдруг чёрные дни
Настанут... И нежность, большую, как дом,
Обнимем с тобой мы и руки сомкнём!»

День голубоглазый

**На кого похож он –
День голубоглазый?
Как ни приглядишься,
Не узнаешь сразу.**

**На февраль, что ходит
С голубою тростью?
Иль на март игривый,
Что большого роста?**

**В феврале морозно,
В марте очень сыро.
Кто в голубоглазом
Угадает сына?**

**То в нем буйство ветра,
То обилье солнца.
Даже самым близким
В руки не дается!**

**Как его приветить,
Уберечь от сглаза,
Чтобы был счастливым
День голубоглазый?!**

Был конец света

**Был конец света,
а мы умереть забыли...
Нет, не со зла –
не доглядели его за делами.
Спускались флаги,
гудели автомобили,
Неслись из офисов
листы бумаги.**

**Текла река
с перевернутыми мостами.
И смотрел Господь
с удивлением лупу,
Как мы ехали в троллейбусе,
ворон считая,
Прямо в Армагеддон
с улыбкою глупой.**

***

Стать мне вдруг захотелось
Девочкой-лилипуткой.
Как же ты удивишься,
Добрый мой великан!
Ты меня, лилипутку,
Спрячешь в кармашек куртки,
А не найдешь кармана,
Я заберусь в рукав.

К птицам и лилипуткам
У великанов жалость.
Птицу и лилипутку
Можно кормить с руки.
Буду ходить с тобою,
В зеркале отражаясь —
Кукольный сарафанчик,
Детские башмаки.

Сяду на край подушки,
Спать тебе не мешая,
Чтобы глаза таращить:
Вдруг тебя украдут!
Если меня разлюбишь,
Вырасту я большая,
Больше земли и неба
Вырасту – и уйду.

***

Люблю дома, где книги и цветы
Стоят на этажерках вперемежку.
В томах бессмертных – времени пласты...
Меж ними – миг цветенья лилий нежных...

В таких квартирах чаще тишина,
Горят торшеры, бродят тени в окнах,
Сидит хозяйка около окна,
Себя не ощущая одинокой.

И смотрит на песочные часы,
И пухлый томик держит непременно.
Люблю дома, где книги и цветы...
В них миг и бесконечность равноценны.

РИММА ЭРККО

ЖЕНСКАЯ ПОЭЗИЯ СТРАНЫ ВЕТРОВ

Об антологии азербайджанской женской поэзии «Я пойду чуть-чуть поплачу» (Составление и перевод на финский язык Таиры Джафаровой)

«Я пойду чуть-чуть поплачу» – антология женской поэзии Азербайджана от средневековья до наших дней.

Самые ранние из вошедших в книгу текстов – это стихи, сохранившиеся благодаря фольклорной традиции в более поздних записях и потому приобретшие письменную форму. В книге представлены поэтессы, первая из которых творила в XII веке, а самая молодая, родившаяся в 1984 году, – наша современница. Удивительно, что в сравнительно небольшом по объему сборнике удалось так широко и так разнообразно представить поэтическое творчество женщин разных веков, объединенных не только одной обложкой, но и одной традицией.

Откровенные лирические признания о пережитых несправедливостях, об угнетении

Предисловие, написанное глубоко знающим предмет автором, доступно изложенные пояснения культурных реалий в сносках, а также биографические справки о каждой из поэтесс открывают сегодняшнему финскому читателю самое существенное. И, конечно, в первую очередь, как и должно быть, стихотворения говорят сами за себя. Перевод выполнен очень профессионально. Переводчица Таира Джафарова – уроженка Баку, но живет в Финляндии с 1980-х годов. Кроме того, этот сборник явно продолжает вышедшую под ее редакцией книгу «Я жемчуг, в раковине скрытый», открывшую достаточно широкую панораму азербайджанской поэзии, в которой были представлены и поэтессы. Некоторые стихотворения из самых древних образцов лирики могут показаться несколько незавершенными, но это, как представляется, обусловлено неполнотой дошедшего до нас поэтическое наследия.

Вышедшая книга выразительно и щедро проиллюстрирована (правда, жаль, что не указаны источники, откуда взяты рисунки). И нужно сказать, что в целом эта небольшая антология – бесспорно, изумительный, с любовным тщанием сделанный культурный продукт. К тому же, она доступно и ненавязчиво знакомит с азербайджанской поэзией и шире – культурой, но главное, представляет проникновенную лирику до сих пор не известных финскому читателю поэтесс. Кроме того, книга приоткрывает и особенности женского права в мусульманском мире. Хотя в ней нет и намека на политическую памфлетность, но многие поэтессы, вошедшие в сборник, прямо и смело признаются в испытанных ими несправедливостях. И все же это прежде всего – настоящая поэзия, проникновенная лирика, рассказывающая о чувствах, о женской душе.

Тоска по красоте и трагические судьбы

Через всю книгу, начиная с далекого XII века, проходят сквозные мотивы – все поэтессы говорят о стремлении к красоте и свободе, о поисках своего места в жизни, о радостях и горестях любви. И всегда их сопровождает природа, как бы соучаствующая, вторящая женским переживаниям. Даже в самых древних поэтических

произведениях можно усмотреть экзистенциальность лирического мироощущения.

Конечно, индивидуальность средневековых поэтических текстов по самой своей природе носит сентиментальный, даже чувственный характер. Но они обращены не столько на внутренний мир, сколько на окружающее. Взгляд поэтесс окрашен мечтательностью, однако не лишен проницательности. Не может не поражать в этих стихах и открыто выраженная чувственность, свойственная поэтессам даже в те давние времена, когда женщин обычно заставляли скрывать лицо и быть домашними затворницами. Несмотря на это, женщина и в тогдашнем мусульманском обществе могла сделаться популярной поэтессой – ашугом и даже воспевать распитие вина, не скрывая своей сексуальности и утверждая в слове свое право наслаждаться жизнью. Так, например, Мехсети Гянджеви (1141–1209гг.), одна из первых азербайджанских поэтесс, бесстрашно провозглашает:

Играй на чанге, свод приличий ложен,
Прельщайся пеньем и ковровым ложем.
Молитвенный же коврик ни к чему,
Мы за кувшин вина его заложим.

Красота – единственное оружие поэта против жестокого мира, и, в конце концов, значение имеет лишь сиюминутное наслаждение.

Красота мгновения воспевается в потрясающих поэтических образах, особенно в то неблизкое время, в котором повсюду присутствовали жестокое насилие и трагедия. О трагической женской судьбе лаконично и выразительно сказано поэтессой Ашуг Басти (1836–1936):

Мне горе легендой и притчею стало,
И всю душу мою той бедой истрепало.
А могилу любимого здесь навещало
Маков множество, жарко клонясь на ветру.

Злодеяния, привычная жестокость жизни вызывают острые переживания поэтесс, заставляют ярче воспринимать красоту, ощущать ценность жизни и потому смелей высказываться о насилии и несправедливости. А сиюминутное наслаждение имеет ценность еще и потому, что жизнь хрупка – умереть может кто угодно и когда угодно.

К модернистским будням

В книге четко видна грань, отделяющая классику от веяний нового времени, принесшего иную стилистику. И хотя это делит сборник как бы на две части, но позволяет проследить логику развития современной поэзии. Она, по сравнению с прежними вспышками чувства, кажется эмоционально более прохладной. Эта модернистская эпоха начинается, кажется, уже в 1900-е годы. Современные стихи редко приближаются к страстной выразительности классических образцов. А новые поэтессы не достигают трагедийности прежних ашугов. Читатель не всегда хочет вглядываться в сегодняшние оттенки, улавливать тонкости нового художественного сознания.

Обнадеживающее впечатление производит современное стихотворение, заглавие которого стало названием всей антологии, самой молодой из поэтесс в ней представленных – Лейлы ханым Алиевой «Я пойду чуть-чуть поплачу». В нем звучит нечто общее с прекрасным и трагическим гротеском старой классической поэзии:

Сердце отвезу на дачу,
В море утоплю нечаянно,
Закопаю прям на грядке.
Может, вырастут цветы.
И обмажу медом сладким,
Горечь спрятав пустоты.

И все же, несмотря на отдельные исключения, раздел современной поэзии кажется стоящим особняком. Возможно, было бы целесообразней посвятить современной поэзии, представленной в хронологическом порядке, отдельный сборник. А сейчас книга как бы распадается на две неравномерные части. Но, несмотря на это, она вполне достойна внимания и побуждает читателя к размышлениям над открывшимися ему страницами азербайджанской поэзии.

Главная заслуга книги в том, что она выводит из мрака ушедших веков череду очаровательных поэтесс и заставляет задуматься о судьбах тогдашних женщин, об их радостях и печалях. А это сегодня удается немногим поэтическим сборникам.

От переводчицы

Антология женской поэзии Азербайджана от Мехсети Гянджеви до наших дней в переводе на финский язык вышла в свет в 2019 году в издательстве «Палладиум кирьят» в городе Тампере. Там же на Международном фестивале поэзии летом 1920 года с большим успехом прошла ее презентация. Стихи азербайджанских поэтесс вдохновенно читала актриса в сопровождении оркестра. Книга вызвала большой интерес у финских читателей и особенно у читательниц, была раскуплена, и теперь с ней можно ознакомиться лишь в библиотеках. Но до сих пор я не знала, что известная финская писательница, поэтесса Римма Эркко тогда же откликнулась на издание антологии статьей, в которой выразила свое восхищение нашей ашугской поэзией. Но если бы ей удалось еще увидеть и услышать исполнение поэтесс-ашугов, то ее впечатления были бы еще ярче. Не случайно ашугское искусство внесено в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Большую работу по пропаганде ашугской поэзии проделал и продолжает делать Фонд Гейдара Алиева во главе и по инициативе Мехрибан ханым Алиевой.

Совсем недавно обнаружив статью «Женская поэзия Страны ветров», я решила познакомить с ней своих соотечественников. Римму Эркко настолько очаровали наши древние поэтессы, так восхитило оформление книги, что она практически не затронула представленную во второй ее части современную женскую поэзию, но заметила, что ее нужно было бы представить более широко и в отдельном сборнике. Что ж, будем надеяться, что финских издателей заинтересует ее предложение.

Таира Джафарова
Заслуженный деятель искусств Азербайджана

ОКТАЙ ШАМИЛЬ

Р А С С К А З Ы

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Евлахский симпозиум комаров

Евлах, – наверное, единственный уголок в стране, где ветер еле-еле раскачивал ели. Жара стояла адская… Земля, небо, люди, звери – все и всё было обречено на погибель. В такую жару мерли люди, деревья, комары. Шевелились только крохотные листочки – видать, жизнь не совсем угасла. Но и вправду, живое и неживое – всё полыхало… Все, обливаясь потом, тонули в миражной грёзе. Мир в беспощадном и жестоком своем обличье трубил о Судном дне. Комары с каким-то внутренним побуждением, с рвением восставали против жары, пробовали взять себя в руки с какой-то сверхъестественной яростью. Но это рвение было впустую. Крылья безвольно опускались вниз.

Теперь они потеряли всю надежду, лежали, не шелохнувшись, как мертвые, и ждали вечерней прохлады. К вечеру жара чуть спадет, и начнется вторая половина суток…

Порой, когда они злились, пытались уязвить другого или осыпали проклятиями, то говорили: «Чтоб тебе в Илису оказаться!» (то есть, чтоб ты попал в холода и не смог отыскать крови…) Или же короче: «Чтоб тебе в воду упасть!» Ведь как только комар или мошка упадут в воду – пиши пропало!..

– Да разве можно так, – начал наконец огромный комар. – Я такой путь проделал из Халдана в Мингячевир. Ни одной живой души не нашел, чтоб кровушки попить. Можно подумать, во всей стране кровь испарилась. Говорят, во время отцов наших да дедов мир прекрасен был… Овцы и волки вместе паслись. Плодились и размножались. Можно было вонзить хобот хоть в сотню таких, и – ни оха, ни вздоха, никто тебя не трогал. А теперь мы даже дурной крови рады.

– Люди хилые пошли, не то что во времена твоего покойного деда!.. – это сказал комар, сидящий на втором листке тамариска. – Комары в Барде, а это огромный город, слезы ручьями льют. Никто на глаза, кроме беженцев из палаточного городка, не попадается. У всех по домам кондиционеры. Обрыдло сосать беженскую кровь.

В этом самом месте никакой встречи назначено не было. Не предполагалось никакого собрания, съезда или симпозиума. Но комары, знай только, слетались, пища. Собралось столько мошкары, что, право, точь-в-точь огромный симпозиум.

И все они в тени этого широкого дерева напоминали чертей. С одной только разницей – черти собираются по ночам, а эти собрались ясным днем.

Иногда, споря между собой или язвительно общаясь, огромные, как саранча, комары говорили мелкоте: «Ты всего лишь мошка, топай к своим! Тебе до комара еще расти и расти. На кой черт тебя сюда прислали?!» «Сюда», то есть в столицу, в престольный город!

Евлах считался обителью, центром и столицей всех комаров этой страны. Бакинские, шекинские, агдамские, лянкяранские, даже прослывшие как отменные наглецы кюрдамирские комары – все они считались провинциалами. Столичные комары выдвинули требование именовать Евлах как «Пискляндия». Только вот любящие кровушку кровопийцы замели суть вопроса и переправили его без всякого обсуждения к «верхам»…

Кстати говоря, мошки вовсе не отставали от столичных в размерах и наглости. Только при внимательном взгляде можно было уловить их отличие в оттенке, в золотистом окрасе крылышек, круглой голове… А другие, особенно зардабские, уджарские, кюрдамирские, евлахские, мингячевирские, имели длинный, острый хоботок, голова их напоминала змеиную, а цвет был светло-зеленого оттенка, без всяких намеков говорившего о ядовитости…

– В Агдаше, Гёйчае, Уджаре тоже много кондиционированных домов. Как говорится: милиционер – кондиционер… Первый – враг преступников, а второй – комаров… – голос звучал вяло, но на душе накипело: – Мы, комары из Агдаша, Гёйчая, Уджара, всегда завидовали Евлаху. Думали, в этом городе с населением около ста тысяч можно отыскать любую по вкусу кровь. Ведь это большой город, железнодорожный узел. Может, даже в самой Гяндже нет таких крупных учреждений и предприятий. Каждый день заходят-выходят десять тысяч человек. В крохотном Агдаше или Уджаре нет ничего, кроме маленькой гостиницы. Дряхлая конура!.. Даже собака стороной обойдет… Проскальзываем через сетки, видим, все лежат без сил от голода. Ни кровинки в лице. А потом от нечего делать летим в Леки, Шеки, Беки… Куда ветер занесет…

– Хватит! Прекрати! – вытаращил глаза евлахский комар. – Говоришь так, будто мы Уджар в глаза не видали. Там уже два года как новый глава исполкома! Его женушка сотню комаров прокормит… К тому же она не может спать в комнате с кондиционером… Милая моя, родненькая, кормилица моя!.. Кровная родственница моя! А наша, жена евлахского главы, только кожа да кости, разваливается на ногах… У нее даже волосок не шевелится, когда я вонзаю хоботок. Безвкусная женщина…

– Все их жены такие. Они не разбираются в комарах, а мы – в женах глав исполкомов. Ягодицы у них разные, но вот «ягод» в них нет, одна вода.

Тут раздался голос комара из самого последнего ряда. Он прилетел из Гаджигабула. Все обернулись в его сторону:

– Есть дома, где, кроме кондиционера, поставили еще москитную сетку. Точь-в-точь, как в сказках: чтобы дойти до «кровиночки», надо преодолеть препятствия. Пройти через сетку – почти то же самое, что пройти в альков, раздвинув тюль.

К этим словам присоединился другой комар:

– Дом главы – вам не дом поэта, все окна на месте. В дом главы даже луч света без разрешения не проскальзывает.

Клонилось к вечеру, всё слетались и слетались комары, гнусы, мошкара, все говорили хором… Порой целое облако комаров оседало на тамариске, солодке. Комары, выросшие у побережий Куры и окрестных болот, были упитанней, массивней. Когда слетались они на солодку, куст подгибался под их тяжестью.

– Это неправда, что жена главы в Уджаре не может с кондиционером. А зачем тогда он вообще нужен?! Его новой жене, говорят, 18 лет. Точно не знают, правда или нет. Или ее тоже «вылепили» журналюги-злюки?!

– Да чего тут лепить… Она и вправду изящна, как бабочка, прекрасна, как цветок. Это у него по счету четвертая. Юная красавица. Младше самого главы на 38 лет и на 28 лет младше его первой жены. И девушка белая, как сметана… Так и хочется впиться в нее хоботком – ах, вот было бы загляденье…

– А мне, бедолаге, такая не попадается!.. – вдруг послышался вызывающий смех писк толстого, крепко сбитого комара. Голос доносился издалека, из последних рядов. Писк не вязался с его габаритами, потому он прокашлялся и вылетел вперед. Всё лицо у него было измазано кровью. – Это я воронью падаль сосал, – пропищал он, прокашлялся и продолжил: – Меня мутит. Даже попить нам дают.

Эти слова говорили о политической зрелости пожилого комара. Уже одно слово «мы» о многом говорило.

Так что все обернулись в сторону комара, чей хоботок был обагрен кровью.

Его золотые крылышки всё еще трепетали в тон голосу:

– «Как сметана», только что сказали вы… Мне попадалась такая в Мингячевире. Жена председателя суда. Она вскинулась, как только я вонзил хоботок. Вот я и дал деру.

– Ты что, зачем подался в Мингячевир, в таком огромном регионе больше никого не нашел или с собой не совладал?! – спросил голос с места. – Ты что, шофер автобуса из Баку, который ради бабок выходит из маршрута и отправляется в самоволку.

Старый комар по первой фразе этого юнца уловил, что тот неопытен. Его лицо преждевременно постарело, покрылось морщинами от нехватки свежей крови. Старик не стал его обижать:

– А ты, кажись, с луны упал, ни о чем тебе невдомек, – сказал старик. – Чтоб твои крылья отсохли… Немногого ты навидался… (*пауза*). Не знал, что у кровопийц дурная кровь. Был один такой, кожа да кости… Как жена Али Асанова… Даже не сказал бы, что это он сосет всю нефть страны. Не кровь у него была, а вода, вдобавок самой последней группы…

– Точно, как кровь жены мэра… мышатиной отдает…

– Та же мафия, те же повадки… Двуличные сосуны. И у всех кровь с гнильцой…

В отдалении виднелась другая комариная стая. Они покружились, как черное облако, и подлетели ближе. Оказывается, тоже услышали этот разговор.

– А вы знаете, когда назначают исполкомов, сперва проверяют их кровь. Она должна быть одинаковой группы…

– У всех хапальщиков кровь, что гной. Если человек хоть немного порядочен, кровь течет легко. А когда криворукость возрастает, кровь густеет и превращается в гной.

– Тогда выходит, у 70-80 процентов людей кровь, как гной, да?

– А ты что думал?! Не видишь, комары голодают?! Каждая вторая кровь оказывается гноем.

Какой-то сумасшедший гнус сделал несколько кругов и взял слово:

– Говоришь, комары голодают. Тогда давайте устроим такой эксперимент. Пускай комар пьет кровь комара, – рассмеялся безумец. – Думаете, что это?! Нигде в мире такой эксперимент не проводился. Ей-богу, мы попадем в Книгу рекордов Гиннесса. Никому в голову не придет, что комар может сосать кровь комара.

Тут встрял другой:

– Наше тело отторгает мерзкую чиновничью кровь. Гной должен очиститься. Фильтр нужен.

– Эх, куда им до бедняцкой крови… Как чистейший бензин! В этой стране только у сирот и бедняков кровь чиста. А они, горемыки, сухой корки не находят.

Все смешалось в комарином симпозиуме: не отличить, где гнус, где комар, где мошка…

– Люди изобрели кондиционер и тем самым попрали наши права! Подвергли нас изгнанию из общества!..

– Природа и общество должны жить в гармонии. Нам надо отыскать меры, обратиться в ООН, Совет Европы.

– Да они и человеческих-то прав защитить не в силах, а твои и подавно. Ты кровопийца! Потрудись сам себя прокормить… Но не попадайся… Поймают, пеняй на себя, сам знаешь, каким будет наказание…

На эту шумиху слетелись издали вороны. Но вороны были в отдалении, не знали, что тут творится. Многие радовались. Радовались, что собралось столько комаров – целое пиршество.

Солнце клонилось долу. А евлахское столпотворение не знало удержу.

Вдруг послышался властный голос старого комара-зачинщика. Он начал говорить тоном настоящего горожанина, и тогда воцарилась гробовая тишина:

– Друзья, мы не можем уничтожить созданные человеческими руками кондиционеры. Но можем отправить обращения своим сородичам из Огайо, собратьям-москитам из непролазной миссисипской глуши, и даже в ООН, ОБСЕ, ЕС.

Комары громогласно пропищали: «Мы согласны. Давайте!»

– Такое обращение уже готово. Чтобы прочитать…

В эту секунду легкий ветерок стал набирать обороты. А затем обратился в бурю. Вороны, каркая во весь голос, стали занимать позиции для атаки.

Никто и никогда не видал в Евлахе такую вот бурю, природную катастрофу. Даже поджидающие добычу вороны раскрыли клюв в изумлении. Наверно, тут не обошлось без человеческого вмешательства, думали они. Ведь не ликвидируют же Габалинскую РЛС. Для чего эта фальшивая звезда, сияющая по ночам? Ответа на вопрос всё еще нет, и никто этого не замечает.

Вороны, напоминающие настоящие истребители, не стали упускать шанса и приступили к атаке, пикируя на добычу.

Эти в миражной дымке степи, пропахшие ковылём, уже пахли кровью. И на эту картину, застыв от изумления, смотрели обитатели этой степи – змеи, ящерицы, вараны, лисы, шакалы да черепахи…

Пошив кармана

К этому чертову базару не подступиться, ей-богу, будто тандыр, жар обжигает! К тому же, все они такие, хоть «Тезе базар», хоть «Пассаж», всё одно! Те же цены, тот же курс, горит всё огнем…

Вот думаю, разве никому невдомек эти базарные дела?! Или никто туда больше не ходит? А вот он-то базаров навидался, причесался-приоделся и никуда не делся – явился в Союз Писателей!.. Будто Союз Писателей придет на помощь. Куда ты идешь, несчастный мой народ, как Союзу Писателей отрегулировать базарные цены? Не знаешь разве, что базар устанавливается чьей-то волей, наказом, приказом?!. Ничего из этого у писателя не сыскать. У писателя сил только на перо и хватает… А у некоторых даже на это нет сил!.. Максимум, что сможет сделать такой, – замарать четвертушку бумаги и отнести в издательство. Слава Богу, сейчас бумага да слово никого не волнуют. В противном случае стали бы все лезть в карман за словом?! Да и магазины бедные избавились бы от всей этой макулатуры, от этих стихотворных сборничков, поэм, пьес, толстенных романов, которые идут на корм мышам… Ну, а тогда обидятся бедные мыши… И что тогда делать в этом треклятом мире, чтоб не обидеть даже крохотного муравьишку?!

К счастью, сейчас даже ценители слов не думают о слове. Все думают о деньгах, а не о цене слова!

Есть и такие, кто превращает слово в базар, верно. Даже те, кто торгует словом! Но попрошу не отклоняться от темы, а то упустим нить разговора… Да, ведь я завел речь о нем, не важно, Шекинский это базар или Агдам-Гёйчай-Бакинский… Видать, все эти прохвосты – одного поля ягоды, одним миром мазаны. И у всех на роже базарная наглость! А ты вот попробуй у такого сбить цену всего на десять копеек! Но если такой завидит какую-нибудь «барышню», обнажит в широченной улыбке свою фиксатую пасть… клыки так и выпирают из пасти, прям диву даешься. Вся стойкость и непримиримость вмиг улетучиваются…

Да, вот я о чем, этот сшитый государством карман, ей-богу, наружу из дому выносить не стоит… Вынесешь – от стыда помрешь!.. Или же надо наловчиться сшить другой карман! Прям, как прокурорский!.. Как судейский!.. Минимум – как у преподавателя института!.. Два студента в год – и сыт весь твой род! До самой смерти хватит!

Честно говоря, газет я особо не читаю. С самого детства их терпеть не могу… Да и сами газеты ерундовыми стали. Пишут одну чушь, вешают лапшу на уши. Только «прогноз погоды» оказывался точным, а сейчас, слава Богу, и тот пролетает мимо!.. Сами граждане не знают, какая атмосфера в стране, аппаратам откуда знать?!. Я это так, в сторону, покупаю газету глянуть, кто же получает Ленинскую премию, Госпремию?! Есть ли среди них хоть один азербайджанец?! Покупаю газету и тут же об этом жалею! Жаль, плакали мои 3 копейки! Азербайджанец оказывается армянином!.. Оказывается грузином! Оказывается русским, украинцем, белорусом! Черт знает, кем еще!.. Но только не азербайджанцем! А потом я думаю, вот ты идиот, какие еще азербайджанцы, когда за одного студента берут 70 тысяч?..

Есть у меня один знакомый преподаватель института, мы с ним сдружились! Сирота круглая. Тихушник, тише воды, ниже травы!.. Молчун, за язык тянуть надо. Ан нет, оказывается, с речевым аппаратом у него всё отлично! Тот еще рот, готов миллион без остатка слопать! И кем он оказался в конце концов? – Нищебродом!.. (Эээ, простите, «полиглотом!») Учит ребят за словом в карман лезть… Но, когда говорит, лоб покрывает испарина. Глянь, а бедолага от неловкости весь в поту. Только вот не знаю, чего он стыдится…

Однажды он стыдливо мне признался: когда хожу среди парт, мельком гляжу на карманы. Ничего что студенты, разные ведь попадаются!.. Не пойму, что за страсть, обожаю карманы!..

Я вдруг заметил, что при этих словах мой дружбан смотрит и на мой карман… «Что-то твои карманы прохудились, – молвил он. – Сшей себе новый. И к тому же, два кармана; один для дома и семьи, а другой – на собственные карманные расходы… чтоб жена не прознала!.. А у тебя, горемыки, карман нагрудный, на рубашке. Совсем спятил!»

Честно сказать, я и сам так думаю, многим карманы даже не нужны… И о чем только думают фабричные работники?!. Надо им втолковать, что нельзя расходовать попусту ткань!.. Вот к чему рабочему карман?! Ради каких-то 90-100 манатов расходовать столько ткани?.. При надобности эти сто манатов можно просто зажать в кулаке, не так, что ли?.. Или же школьный учитель… Таким вообще можно зашить карман!.. Даже красивее выглядеть будет!

Тогда я не обратил внимания на слова друга. Подумал, наверное, он слишком ушел в книги, вот и тронулся умом…

Мы с ним встретились два года спустя. Я его совсем не узнал, поверьте. «Но я тебя узнал, – сказал он. – В ту же секунду! Пиджак у тебя тот же, и карманы те же!»

Наконец, я спросил у него о житье-бытье. Он хитро улыбнулся и указал мне на свои карманы. Они и вправду были прекрасно сшиты. А снаружи их украшали узоры… Не придраться. «Шил портной-армянин, – сказал друг. – Всем шишкам карманы шьют армяне! Но второго такого кармане в городе не сыскать. Сейчас мне строят кооперативную квартиру; с видом на море, возле Дома правительства. С ним обрету покой, за ним, как за каменной стеной!

Долго мы проговорили, всего не рассказать. Как пошил карман, так и «научную степень» получил. Получить бы еще «заслуженного деятеля», и горю конец!

Друг мой потом частенько стал показываться на телеэкране. Говорил о языке, о народности. «Край родной и язык следует беречь, как зеницу ока! Ибо народ жив краем родным!» Мне чудилось, что друг при этих словах глядит с экрана на мои карманы и при этом упрекает меня: «В гробу я тебя видал с твоими карманами».

…К этому чертову базару не подступиться, ей-богу, будто тандыр, жар обжигает! Хоть «Тезе базар», хоть «Пассаж», всё одно! Не важно, Агдам-Шекинский базар или Гёйчай-Бакинский! Кажись, даже Московский таков! Да, с моим-то карманом госпошива в такой базар не зайдешь. Надо пошить другой!

Словотворец с именем Октай Шамиль

Как человек, давно и пристально следящий за развитием азербайджанской литературы, я Октая Шамиля (родился в 1944 году) отношу к категории самых значительных словотворцов нынешнего Азербайджана. Он автор девяти поэтических и прозаических книг. Каждый из них вызвал живой интерес читающей публики на моей исторической родине, где сильны традиции большой литературы.

Творчество Октая Шамиля, победителя поэтических состязаний тюркоязычных стран в Турции в 1991 году, интересно и богато яркими образами, необычайными картинами мира. В своих произведениях он настолько азербайджанец, насколько и европеец по духу, мироощущению и мировосприятию.

В Азербайджане на его стихи написано немало песен. Одна из них, будучи переведенной на болгарский язык, нашла достойное место в репертуаре знаменитой на весь мир, эстрадной певицы Болгарии Лили Ивановой. В его поэзии даром речи обладают обычные горы, камни, долины, овраги, деревья, которые обуреваемы мыслями, размышлениями о счастливом будущем в земной жизни. К сожалению, в России о нем если знают, лишь немногие. На русском языке он в восьмидесятые годы печатался в известном альманахе « Истоки» и в журнале « Молодая гвардия» в переложениях такого маститого переводчика, как Дмитрий Цесельчук.

В 2022 году в журнале «Азербайджан» Октай Шамиль выступил с романом, описывающим атмосферу ковидного времени, вызванное им настроение в одной отдельно взятой стране, в данном случае в Азербайджане.

Октай Шамиль на высоте и в своих эссе, в жанре которого один из лучших критиков советской эпохи, литовец Витаутас Кубилюс назвал «Территорией интенсивного мышления». В них главной темой являются родина, его люди, вопросы государства и государственность. Исходя из принципа, критическая позиция писателя – отнюдь не очернительство, он порой позволяет себе высказать нелицеприятные вещи соотечественникам, которых Октай Шамиль любит преданной любовью.

В насквозь серьезной, реалистичной прозе Октая Шамиля есть место и остроумному, точному по адресату юмору, что по душе читателям.

Я от всей души предложил классически совершенные образцы малой прозы Октая Шамиля столь любимому мною журналу «Литературный Азербайджан» – они выходят в блестящем переводе ярко одаренного поэта Ниджата Мамедова, имя которого хорошо знакомо российскому читателю оригинальной по всем позициям книге «Непрерывность», которая в России принесла ему заслуженную славу.

Княз ГОЧАГ

Специальный корреспондент «Литературной газеты»
по Западной Сибири, лауреат Всероссийских и
международных литературных премий

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Н О В Е Л Л Ы

Зубная боль поэта

Зуб болел вторую неделю. Особенно боль одолевала по ночам. Для настоящего поэта зубная боль может стать источником вдохновения. Пронзительная пульсирующая боль перетекала в новые трагические стихи. Как всякий романтик, поэт не вспоминал в этих стихах о зубной боли. Он говорил о трагизме мира, всеобщем упадке, тяжелой судьбе народа. Удалось написать десять волнующих стихотворений. К концу второй недели поэт решил, что больной зуб исчерпал свои возможности, и назначил свидание у стоматолога. У поэта сложились прекрасные отношения с зубным врачом. Он чувствовал в нем родственную душу. И врач отвечал взаимностью и особым отношением.

В назначенный день поэт пришел в клинику. Он смело открыл дверь в кабинет врача, не обращая внимания на сидящих в ряд на стульях в приемной пациентов, чьи несчастные лица говорили о страданиях. Маска на лице зубного врача скрывала выражение лица, и поэт громко поздоровался, не сомневаясь в том, что его приход может вызвать только радость. Ибрагим, так звали врача, кивнул и продолжил исследовать зуб пациентки. Поэт окинул внимательным взглядом молодую женщину, сидящую в кресле стоматолога. Встать, подойти поближе к очаровательной девушке, чтобы во всех подробностях разглядеть ее, он не мог. Воспитанный мужчина не может позволить себе подобной вольности, а, тем более, поэт! То, что ему удалось разглядеть, вызывало восхищение. Поэт оценил стройные ножки, обутые в кокетливые туфельки на высоких каблуках, тонкие наманикюренные пальчики, сжимавшие подлокотник кресла. Затем он перевел взгляд на стоматолога. Тонко чувствующий поэт сразу смог оценить разницу в выражении глаз зубного врача. Обратил внимание на сверкучие глаза Ибрагима. То, как врач смотрел на него, поэта, разительно отличалось от того, как он смотрел на свою пациентку. Поэт забыл на время о ноющем зубе и сосредоточился на наблюдении за двумя участниками романтического (для него, поэта) действа. Девушка старалась не стонать, хотя пальчики время от времени с силой сжимали подлокотник кресла. Вибрирующая высокая нота бормашины отдавалась в ушах поэта, невообразимым образом складываясь в необычную мелодию. Ему даже стало казаться, что дуэт врача и пациентки движется в необычном танце, под звук бормашины. Девушка устала и запросила пощады. Врач кивнул, снял маску и стал рассказывать о том, как разные пациенты реагируют на зубную боль. Он обращался в основном к поэту, лишь изредка оборачиваясь в сторону девушки. По словам Ибрагима, выходило, что очень часто суровые и решительные мужчины,способные преодолеть серьезные препятствия и иногда даже вызывающие страх у окружающих их людей, не могут справиться с небольшой зубной болью, впадают в панику и требуют от врача обезболивающего укола. А это, в свою очередь, мешает дантисту. Он не может определить степень чувствительности зуба и решить, стоит ли его сохранять живым. То есть оставить в зубе нерв или необходимо удалить его, убив зуб. Девушка внимательно слушала врача, чуть склонив голову набок, отчего сделалась еще привлекательнее, совсем, как птичка, присевшая на ветку дерева и украсившая своим обликом все вокруг. Поэт не сводил с нее глаз, представлял себя на месте Ибрагима, и тут же в голове родился экспромт. Он назвал небольшое стихотворение так, как часто делают поэты: первой строфой:

Красавица-девица, совсем, как чудо-птица

Красавица-девица,
совсем, как чудо-птица,
Из райского приюта
Слетела в дом поэта.
Погляди на меня, дорогая,
Я так страдаю, пылая,
Увидев тебя, я погиб
И понял, Аллах, ты велик.
Она лишь ресницы поднимет,
Так сразу душа моя сгинет,
Забуду про дом и семью,
Лишь помню о том, что люблю.

Увлекшись стихосложением, поэт забыл на некоторое время не только «про дом и семью», но он также забыл о дуэте дантиста и красавицы-девицы. Удовлетворившись сочиненным стихом, он обнаружил, что девушка ушла, а Ибрагим, сняв маску, внимательно смотрит на него.

Сев в кресло пациента, поэт словно окунулся в ауру сидевшей в нем девушки. Аромат ее духов витал в воздухе. Сладкий запах кружил голову. Ибрагим внимательно посмотрел на поэта: «*Укол делать будем или достаточно запаха ее духов?*» Поэт вернулся на грешную землю: «*Будем. Конечно, будем*». После стоматологических процедур утомленный поэт уже не вспоминал о сразившей его красавице. Пожал руку Ибрагиму и договорился о следующем визите. По дороге домой вновь пережил весь сеанс, вспомнил свое стихотворение, повторил про себя, чтобы, придя домой, записать. Не пропадать же вдохновению. Вот в чем разница между простыми людьми, такими, как Ибрагим-стоматолог, шофер автобуса, продавец пирожков, и даже между его собратьями по перу – прозаиками, и им, поэтом. Ибрагим лечил ее зуб, возможно, любуясь при этом ее красотой, шофер отвез бы ее домой, продавец порадовал бы ее пирожком, прозаик стал бы скучно описывать девушку, кабинет стоматолога, его инструменты, в лучшем случае, как герои обмениваются взглядами, но пока все это прочитаешь, чувства улетучатся, ничего живого не останется. Ни один из них не способен сочинить поэму и воспеть красоту. А ведь поэма, если она хороша, может остаться в веках. «Лейли и Меджнун», к примеру. Правда, сложно представить, чтобы герои романтической поэмы встретились в таком прозаическом месте, как стоматологический кабинет. Можно об этом не писать. Придумать более подходящее место для встречи. Райский сад с птичками, с прозрачными источниками. Такие мысли одолевали поэта, и он невольно возгордился.

Неделя пролетела в заботах, и наступил день очередного визита к стоматологу. Все повторилось, как в первый раз. Поэт смело прошел в кабинет врача. На диванчике рядом со стоматологическим креслом расположился пожилой мужчина и неотрывно следил за манипуляциями врача. В кресле сидела пожилая женщина, оставившая всякие попытки быть женственной. Крестьянские грубые кисти рук, балахон, свисавший до пола, и тяжелые башмаки на толстой подошве. Ибрагим был занят сложным случаем. А поэт собрался скучать, понимая, что вдохновиться в этот раз ему будет нечем. Как он ошибался! Поэт догадался сразу, что мужчина на диванчике, муж пациентки, и сопровождает ее, вероятно, заботясь о том, чтобы никто не украл у него его сокровище – жену. Вполне объяснимое состояние любящего мужчины. Но ни он, ни она не могли разжечь пламя поэтического вдохновения. Поэт приготовился вздремнуть, как в этот момент, вот именно, всегда случается такой неожиданный момент, когда, казалось бы, совершенно обыденный порядок вещей внезапно нарушается.

Дверь распахнулась, и в кабинет ввалился интеллигентного вида мужчина в шляпе, в добротном модном пальто. Вел он себя развязно, что, впрочем, легко можно было объяснить. Мужчина был нетрезв. Он нетвердо стоял на ногах, громко, невнятно говорил и использовал бранные слова. Обстановка в кабинете накалилась. Ибрагим подошел к мужчине, пытаясь его урезонить. А тот продолжал рассказывать о каком-то необычном случае из практики его жены – гинеколога. В изложении мужчины все гинекологические термины получили свое народное название. Он расцвечивал свой рассказ смешками, прибаутками. Какое-то время невольные слушатели молча, оцепенев от подобной грубости, слушали. Первым взорвался муж пациентки. Он почувствовал, что не зря пришел блюсти добродетель жены. Необходимо должным образом наказать наглеца! И в глазах жены поднять свой авторитет, утративший былой блеск. Давно не смотрела она на него восхищенным взглядом. «*Послушай, наглец! Тебе говорю, бесстыднику! Убирайся или тебе придется иметь дело со мной! А меня знаешь, как зовут? Гартал! Да, так меня назвал отец! И не зря!*» Мужчина подскочил к грубияну, схватил за грудки и потащил к двери. Ибрагим попробовал вмешаться, но тщетно. Поэт взволнованно наблюдал за происходящим, не пытаясь сказать свое веское поэтическое слово. Драматический эпизод запал в ранимую душу поэта. По дороге домой, сидя на заднем сиденьи автобуса спиной ко всем остальным пассажирам, он сосредоточился на сочинении стиха, стараясь высказать всю трагичность нежданной коллизии.

В чем заслуга храбреца?
Заставить плакать наглеца,
Просить прощения, рыдать,
Куда глаза глядят, бежать.

Автобус остановился, а поэт подумал, что можно на этом закончить стихотворение. Не всегда же поэмы писать, можно удовлетвориться небольшим стихом. Следующую неделю поэт был очень занят. В Союзе поэтов, неформальной организации, где он неустанно работал уже тридцать лет, участвуя во всех акциях, что предлагали неутомимые общественники, собирались праздновать с большой помпой юбилей известного политического деятеля, который к тому же грешил писательством. Поэту поручили сказать вступительное слово. Как не воспользоваться таким чудесным поводом, чтобы явить миру свое еще одно бессмертное произведение? День, чаще всего ночь, он проводил в поисках красивой витиеватой рифмы. Поразить собратьев по перу не просто, обязательно найдется вредный въедливый персонаж, который начнет придираться к каждому слову, выискивая несуществующие пороки. Несколько особо интересных найденных им рифм просто необходимо было употребить.

Пиит – шиит. Поэт помнил о том, что религиозная тема становится популярной. Правда, если вспомнить о том, что деятель был в свое время коммунистом, то ему по определению полагалось быть атеистом. Да, полагалось…. Времена поменялись. Все бывшие коммунисты сейчас совершают хадж и усердно молятся. Так что вполне приемлемая рифма.

Счастье – ненастье. Неплохо, если учесть, что юбиляр смог удержаться на белом коне при разных режимах.

Герой – покой. Не очень удачная рифма по содержанию. Нужно будет еще поразмыслить. Возможно, удастся удачно обыграть ее. Показать героя в движении, не знающего покоя.

Уважение – положение. Замечательная рифма. Юбиляр за годы своей деятельности приобрел завидное положение. Естественно, такая персона вызывает уважение. Есть и завистники. Но об этом на юбилее лучше не говорить. И так все знают. Как и то, чего стоило сегодняшнему герою взобраться на вершину.

Поэт восхитился своей прозорливостью и талантом. Костяк поэмы готов. Дело осталось за малым – вдохнуть в слова душу. Так, чтобы все присутствующие прониклись симпатией к юбиляру и его, скромного поэта, не забыли. Поэт долго еще работал над поэмой, понимая, что такой шанс – блеснуть на юбилее столь заметного персонажа – дается очень редко. Раз в 10 лет, не чаще. Юбилей получился громким. Поэту все представлялось словно во сне. Его выступление – одно из первых, так понравилось публике,что присутствующие хлопали, не жалея ладоней. Еще бы: в цветистой восточной манере он сравнил юбиляра с Кёроглу, представив его таким же героем, поэтом, защитником народа, каким был Ровшан, сын слепого. И поэту показалось, что аплодисменты предназначались скорее ему, чем юбиляру. Желающих высказаться набрался целый отряд. Во-первых, все хотели выказать свое почтение и восхищение мудрому юбиляру, а во-вторых, подчеркнуть свою близость к влиятельному старцу. К концу торжественного заседания поэт почувствовал такую усталость, словно носил тяжеленные мешки с цементом, а не участвовал в празднике жизни. После окончания торжества к нему подошел один из распорядителей и доверительно, взяв за локоть, прошептал на ухо: «*Вас заметили. ОН заметил…*», говоря это, мужчина повернулся в сторону юбиляра. У поэта на лице появилась вымученная улыбка. «*Следующий юбиляр – двоюродный брат müəllima, он надеется на вас. Вы сочините новую поэму. В честь брата*».

Придя домой, поэт улегся на кровать прямо в парадном костюме, чего с ним прежде никогда не случалось. Ему необходимо было побыть в тишине и отойти от славословий. Захотел бы он, поэт, взлететь на место юбиляра? Ему стали бы посвящать поэмы. Поэт закрыл глаза. Ясно представил себе картину, ведь не зря он был поэтом. Себя, старика, замученного болезнями, а вокруг него толпу льстецов. Его раздумья прервал телефонный звонок. Звонил Ибрагим. Беспокоился о зубе и просил прощения за своего пациента-грубияна. Поэт обрадовался, услышав голос доктора.

«Ну, что ты, дорогой. Ничуть я не сержусь, наоборот, рад тому, что у меня есть замечательной друг, доктор, волшебник. Лечит людей. Терпит их настроение. Знаешь, сегодня я понял, как хорошо, что не все поэты, как я, прозаики или политики, – он сделал паузу, – *а что есть зубные врачи, водители, строители, другие*...» Ибрагим словно почувствовал тревогу поэта: *«Такой поэт, как ты, рождается один раз...»* Поэт не дал ему закончить: *«Не надо, дорогой, я сегодня все это уже говорил»*.

Вечер за окном превратился в черную ночь, подобную локонам любимой. Небесный свод покрылся звездным покрывалом. Поэт уснул, и ему приснилась прекрасная девушка, та самая, пациентка Ибрагима. Во сне она оказалась Шехерезадой. Она рассказала ему новую волшебную сказку. Предварила сказку вот таким стихом:

Расскажу тебе сказку, любимый,
Про пиита, что стал вдруг шиитом,
Про героя, что жаждал покоя
И почета, и злата, и славы.
Счастья миг превратился в ненастье,
Потерял он свое положение,
Не осталось к нему уважения.

Машутка

Эвакуатор подъехал к новенькой, блестящей синим перламутром кокетливой машине и невозмутимо стал взваливать ее себе на платформу. Машина артачилась, не соглашаясь добровольно на унизительную процедуру. Жестокосердный Эвакуатор, не в первый раз увозивший на своей спине добычу, не внял ее тихим мольбам и потащил в стойбище правонарушителей.

Хозяйка ласково назвала свою новенькую машину «Машутка», соединив в прозвище два имени: Машина и Малютка. Бедная Машутка не имела никакого опыта. Она наивно полагала, что все ее сородичи, мчавшиеся рядом с ней по дорогам города, так же, как и она, бесхитростны и открыты для общения. Машутка смотрела по сторонам красивыми хрустальными фарами-глазками и не переставала радоваться окружающему миру. Первое столкновение с жестокой реальностью в лице страшного эвакуатора повергло ее в ужас. Она тихонько заплакала, включив сирену сигнализации. Звук сирены, пронзительный, невыносимый у закаленных боями, прошедших огонь и воду матерых машин, у Машутки звучал музыкально и совсем не страшно. Эвакуатор усмехнулся про себя, представив, как она запоет через год. Он не проронил ни звука, точно следуя инструкции не вступать ни в какие отношения с нарушителями, зная, во что может вылиться самый невинный обмен любезностями. На штрафной стоянке, куда ее притащил беспощадный эвакуатор, находилось стойбище машин. Многие спали. Те, кто бодрствовал, со злорадством отметили появление новой постоялицы стоянки. Громадный четырехприводный джип, рядом с которым поставили Машутку, свысока оглядел ее блестящие бока и только фыркнул. Бедная Машутка не знала, что и подумать о подобном приеме. Хозяйка машины так расхваливала ее всем подругам, знакомым, что у машины сложилось завышенное представление о своей неотразимости и технических качествах. Она была уверена, что столь совершенной машины, как она, не сыскать во всем белом свете. И, только обнаружив громадное стадо сородичей, разных возрастов, экстерьера, мощности и состояния, она осознала свою наивность и полное незнание жизни. Машутке захотелось заснуть, чтобы не думать о случившемся, но не тут-то было! Новый сосед – черный навороченный джип стал расспрашивать о жизни. Машутка производила впечатление наивной неопытной девочки, что соответствовало действительности и вполне устраивало крутого мачо. Ему хотелось блеснуть своими подвигами, и не хватало именно такой восторженной и доверчивой слушательницы.

– Вы такая лапочка и, наверное, правильная девочка, судя по вашему экстерьеру, – джип мигнул грязными фарами, – как вы попали в компанию нарушителей? Просто удивительно! Не могу себе представить, чтобы вы мчались на скорости двести километров, наплевав на красные от ярости глаза светофоров. Каким ветром занесло вас сюда? Попутным? Я, как представитель сильного экстра-класса, очень рад этому обстоятельству. А вы?

Машутка замерла от неожиданности и откровенного напора громадного джипа.

– Я? Не знаю, что и сказать... Вообще-то я ничего не сделала. Я только стояла и смотрела, что происходит вокруг, и вдруг на меня напал, страшный… очень страшный, – Машутка поморгала прозрачными глазками-фарами, – такой ужасный эва… эва… Он назвал себя, но я не могу вспомнить его имя, такое же некрасивое, как и он сам!

– Эвакуатор, – снисходительно пробасил джип. – И совсем он не страшный. Мерзкий. Согласен. Мелочный, злобный. Это оттого, наверное, что он такой уродливый и никакого полета фантазии. Ни одна дамочка вроде вас не мигнет в его сторону. А как вас зовут?

– Моя хозяйка называет меня Машуткой.

– Какое удивительное имя. Я слышу его в первый раз. Вам оно идет. Что-то гламурно-веселенькое. А меня зовут просто Галопер. Я люблю скакать по прериям. Меня манит пустыня, заросшая кактусами, где можно порезвиться, а не толкаться боками в ужасных пробках.

Машутка не ответила. Её внимание отвлек знакомый эвакуатор, привезший на стоянку еще одного бедолагу: белый лимузин с помятым правым крылом и разбитым вдребезги лобовым стеклом. Он стенал, жалуясь на жизнь и на тяжелую судьбу. «Кто бы мог подумать, – громко причитал он, – что я, потомственный аристократ, могу попасть в такую обстановку! У этих плебеев из эконом-класса недостаточно воображе-

ния, чтобы представить, как меня холили и лелеяли. Они и не слышали о том, что такое ручная сборка. И вместо того, чтобы уступать мне дорогу, эти нахалы лезут, как тараканы или, как их еще зовут, «жуки»! Житья от них нет, от этих жуков! Я мечтаю о тихом уютном гараже где-нибудь в Туманном Альбионе. Там механики – и те джентльмены. Не то, что здесь!»

…Наступила ночь. Все спавшие и дремавшие машины проснулись, и началась ночная жизнь. Сторож стоянки включил несколько ярчайших прожекторов, и бледный молочный свет залил временное прибежище разнокалиберных собратьев. Машутка привыкла ночью спать в подземном, комфортном гараже и очень удивилась, когда услышала, а потом и увидела оживленную тусовку машин. Единственным фактором, сдерживающим общение, являлась вынужденная неподвижность. Подъехать к приглянувшемуся авто не было никакой возможности. Галопер тем временем продолжил воспитание своей новой подопечной:

– Вот вы, наверное, думаете, что все, кто сюда попал, – просто невезучие машины и во всем виноват страшный эвакуатор. А ведь это не так! В кошмарном сне не увидите здешних типажей. Вон, посмотрите туда, видите, в том углу рычит дикий зверь, аж сюда его рык доходит. Цвета, непонятного от грязи. Это известный в нашем обществе Хам.

– Как вы сказали, Хам?

– Ну да, погоняло у него такое. И не зря. Он действительно «хам». Почему я вам о нем рассказываю? Чтобы вы держались от него подальше. Он – наемный киллер! Знаете, что такое Киллер?

– Тоже имя такое?

– Вы совсем глупенькая, Машутка. Киллер – это значит громила, убийца. Это значит, что он кого угодно с колес может сбросить. Понимаете? Бока намять. Капот попортить. Багажник всмятку разбить! И делает он это не потому, что кто-то его обидел или темперамент у него бешеный: работа у него такая. Он получает за это хорошие «бабки»! Видите, как он одет, во все новое, шикарное, хоть и заляпан весь грязью. Таких шин, как у него, вы не найдете в нашем городе. Ему можно «заказать» кого угодно, лишь бы платили хорошо.

– Неужели это правда? – Машутка скосила глазки на Галопера и вдруг обнаружила, что внешний вид ее нового знакомого на ее вкус также далек от совершенства: передние клыки хищно скалятся, а тонированные стекла не позволяют заглянуть в «душу» – салон нового знакомого. – А вы, случайно не коллеги? – робко спросила она. Галопер довольно заржал, польщенный таким лестным сравнением. Машутка попыталась отодвинуться от джипа, но только больно ударилась блестящим бочком о микроавтобус, до такой степени потрепанный и страшный, что она тут же вернулась на исходную позицию.

Галопер заметил перемену в поведении Машутки и решил переждать, зная, что женские капризы – очень тонкая материя и не стоит быть брутальным с такой милой девочкой. Машутка, переполненная новыми грустными впечатлениями, погрузилась в размышления. Разноцветная, радостная картина жизни заметно померкла. Она вспомнила о том, как бережно обращалась с ней хозяйка. Её и хозяйкой назвать нельзя, – настоящая подруга. Правда, из другой породы, из человеческой. Каждый день они проезжали по главному проспекту города, и все вокруг любовались ею и её замечательной хозяйкой, такой же хорошенькой, как и Машутка. «Неужели мы никогда больше не увидимся? Как это ужасно! Не хочу оставаться в обществе этих невеж и преступников! Почему я такая несчастная?! Почему именно я, послушная, разумная и красивая, попала в такую передрягу?». Машутка задала себе подобный вопрос в первый раз, однако можно предположить, что она будет задавать себе этот вопрос, на который очень трудно найти ответ, всю свою машинную жизнь, впадая в транс и портя себе мотор ненужными переживаниями.

– Ах, как я устал! Я уже мечтаю о машинной свалке! Это же надо дойти до жизни такой, чтобы мечтать о свалке. Вах, Вах, Вах! Как я замучился! Столько людей за день перевозить! Когда я в Германии возил грузы, у меня была норма груза. И никто бы не посмел загрузить в мой салон больше нормы. А сейчас?! А здесь?! Я же не резиновый! Да если бы и резиновый был! Бедный я, несчастный!

Машутка уже не удивилась, услышав хриплый уставший голос соседа, бесцеремонно толкнувшего ее. Ее лишь озадачило сходство переживаний. Огромная разница между ней, очаровательной, молоденькой, и этой старой развалюхой, микроавтобусом, на который без слез не взглянешь, а результат на сегодня один и тот же – штрафная площадка.

– Вот как ты запел, милейший, – не удержался Галопер. – Небось, в Германии, когда тебя на свалку свезли, ты прихорашивался, чтобы выбрали тебя, а не другого твоего сородича. Наверное, хотелось посмотреть чужие страны, пусть даже не такие благополучные.

– Не знал я, что в рабство попаду! Я такой вежливый был, культурный. Только bitte и danke schön! А сейчас сами слышали. Qabaqda durmayın! Orta boşdur! Cəld olun!

– Да, твоему репертуару не позавидуешь.

Микроавтобус громко зарыдал. Плач его очень походил на ослиный крик, но Машутка никогда не встречала осла и не слышала его крика; она подумала, что у старика очень противный голос и что ему и в самом деле пора на свалку, а вернее на переплавку. Может, что-нибудь приличное и получится из груды старого железа.

В дальнем углу стоянки возник спор, грозящий вылиться в разборку. Громкий металлический голос перекрывал глухой ропот, напоминающий шум моря в ветреную погоду. Множество машин вокруг самой большой, серебристой, похожей на огромную рыбину, создавало гул, выражая, таким образом, свое несогласие с находящимся в центре авто. Повелительный голос принадлежал огромной машине, привыкшей к тому, что все вокруг следуют ее руководящим указаниям. Некоторые особо осведомленные собратья утверждали, что «Мерин», так зовут авто, не сам принимает решения и даже не его хозяин, крутящий баранку, а умнейший компьютер, который решительно, без колебаний, одинаково хорошо управляет и Мерином, и его хозяином. Компьютер-навигатор осуществляет «навигацию». Что такое «навигация», знали только самые продвинутые автомобили и обещали раскрыть страшную тайну в случае, если Мерин не уймется и не перестанет досаждать всем своими заумными наставлениями.

– В другое время я даже не стал бы разговаривать с вами! Приходится, чтобы не слишком соскучиться. Заржаветь можно от тоски. Вот ты, Хам, расскажи, за что тебя упрятали в эту тюрягу? Мы же недавно встречались в очень милом профилактории. Я даже помню, что у тебя амортизаторы ни к черту. Клапана стучат. Ты все бахвалишься своим высоким происхождением, а зря! Ни в какое сравнение с моими предками! Порода чувствуется всегда. Посмотри на меня, разуй фары! Куда тебе, весь заляпан грязью!

– РРРР. Да как ты смеешь, животное! Кляча старая, Мерин хромой. Думаешь, я не помню, что твое правое колесо восьмерку пишет! Это у тебя порода?! Я тебя одним левым крылом задавлю, очухаться не успеешь. Посмотрим еще, кто кого!

Машутка переводила фары с одного спорщика на другого. Ей очень хотелось, чтобы все жили в мире, совсем, как она и ее милая подруга-хозяйка. Внезапно она подумала, что та вполне могла забыть о Машутке и вообще променять ее на новую, более совершенную модель. И что тогда делать? Неужели придется ржаветь в этом ужасном месте, где никому нет до нее дела, ну, разве что надоедливому Галоперу? И слушать, слушать бесконечные жалобы и стенания неудачников, вместо того, чтобы мчаться с ветерком по скоростной дороге.

Галопер, совсем как застоявшийся мустанг, рванулся в бой, а вернее вступил в громкую перебранку авторитетов.

– Не понимаю, что вы делите, уважаемые? Вроде давным-давно договорились о сферах влияния. Все в курсе, кто где король. И что вам неймется! Возьмем, к примеру, меня. Никто не будет спорить с тем, что я смелый, авторитетный и знаю себе цену. Но я же не встану на дороге у Хама или Мерина. Зачем? Мне и своих шестерок хватает, чтобы покуражиться. И потом, вспомним о наших хозяевах. Почему ни один из вас не вспомнил о них? Ведь это они заставляют нас быть наглыми, злыми, иногда просто бешеными. Хам ведь не сразу стал киллером. Ты помнишь себя юным, Хам, когда ты только открыл фары! Какой ты был хороший! Я помню, мы же ровесники. А ты, Мерин! Настоящий джентльмен! Да, да. Красавец, умница! Что там говорить! Смотреть на него было одно удовольствие. А сейчас не тот! Извини, дорогой, совсем не тот!

Все машины вдруг завопили разом. У большинства закипела в радиаторе вода, и долго сдерживаемый пар вырвался наружу. Машины ругали своих хозяев почем зря. Каждый находил какой-нибудь особенно страшный недостаток у своего хозяина, и, смакуя, рассказывал об этом рядом стоящему товарищу. Автомобили, успевшие поменять нескольких хозяев, и те, кто попадал в аварию, описывая свою трагическую жизнь, не могли удержаться от слез, струйками стекавшими по лобовому стеклу. В этом хаосе всего несколько машин, а среди них оказалась и Машутка, молчали. Они со страхом и удивлением прислушивались к кошмарным рассказам других. За всеми этими событиями Машутка и не заметила, как наступило утро.

Пришел сторож. Машины благоразумно молчали, и сторожу и в голову не могло прийти, что ночью здесь назревал настоящий бунт. К полудню один за другим стали появляться хозяева автомашин. Машутка, повзрослевшая и поумневшая за одну ночь, точно угадала хозяина горемыки-микроавтобуса. Таким она себе его представила после рассказа автобуса: золотозубый крепыш, пропахший потом и крепким табаком. Он крепко стукнул своего напарника по боковому стеклу, совсем, как осла на горной тропе, вскочил в седло и рванул с места, завизжав изношенными тормозами.

Потом появился владелец Галопера. Высокий человек с атташе-кейсом, блестя стеклами очков без оправы, внимательно осмотрелся, оценивая обстановку, и только потом оглядел своего мустанга, взнуздал его и был таков. Все произошло настолько быстро, что Галопер успел лишь моргнуть фарами своей новой знакомой.

Когда на стоянке объявился качок, затянутый в кожу и обвитый цепями, Машутка поняла, что это наставник Хама. Он прошелся по рядам машин, как будто намечая будущие жертвы. Хам внимательно следил за его действиями, зная по опыту, что, возможно, в скором будущем он встретится на дороге с одним из этих автомобилей.

За лимузином пришла странная компания, вероятно, гулявшая всю ночь. Они шумно загрузились в недовольно чихнувший автомобиль и укатили, распевая веселую песенку.

Господин в темном костюме и галстуке, с выпирающим брюшком, придирчиво обошел Мерина, пнул ногой одно из колес, с трудом поместился за рулем и важно, не смотря по сторонам, отчалил.

Появление своей хозяйки Машутка проморгала. Она уже отчаялась увидеть свою ненаглядную подругу и только лила горькие слезы, выпуская их фонтанчиком на стекло. Хозяйка подошла к ней, оттерла душистым носовым платком прозрачные слезки, погладила ее по блестящему крылу, осторожно открыла дверцу, чтобы не поцарапать Машутку и ее случайного соседа, и аккуратно вырулила со стоянки. Все случилось именно так, как мечтала Машутка, закричавшая от избытка чувств тоненьким голоском. Что еще нужно для счастья – только свежий ветерок, свободная умытая дорога и ласковая подруга…

МАРАТ ШАФИЕВ

СОВРЕМЕННЫЙ ДИВАН

РУБАИ

Журнальный вариант

Часть первая
Восхваление Слова

***

Пой, ашык – душа народа,
бей, ашык – кинжал народа,
плачь, ашык – дитя народа,
коль смолчишь – и нет народа.

***

Я пленён, забыт, не нужен,
только не обезоружен –
мысль, калённая страданьем,
всё разит, не вяжет кружев.

***

Сломались вдохновения крыла,
и по бумаге бег застыл пера.
Уже никто. Но разного добра
и бог всего – я был ещё вчера.

***

Жизнь ушедшую почти.
Она – Истина почти.
В сборнике стихов несвязных
среди строк её прочти.

Часть вторая
Разговор с Богом

***

Неприметный и непраздный
бог приходит лишь однажды –
миг упустишь ты, вся жизнь
вдруг окажется напрасной.

***

Рухнет купол небосвода,
стон людской – прощальной нотой...
«Что же дальше, мой Господь?»
«Это не твоя забота».

Часть третья
Лирическая

***

А всё главное случилось,
и была дана, как милость,
эта встреча. И не важно,
что там дальше приключилось.

***

Вся светясь, обнажена,
встанешь ночью у окна.
И тобой посрамлена,
в небе спрячется луна.

***

Ты помнишь, встречей упоён,
решил, что навсегда спасён;
пожар гудит со всех сторон –
любовью ты испепелён.

***

Спираль косы сравню с
самой судьбой,
её ты распусти, когда со мной;
а вдруг и жизнь, затянутая в узел,
развяжется легко сама собой.

Часть четвёртая
Бытие

***

Из единственного рая
не последует изгнанье.
И названье тому раю –
все твои воспоминанья.

***

Объявлю духовный пир,
как же накормить весь мир?
сердце, как гранат, ломаю –
всем ли зёрнышек хватает?

***

Чай завариваем толком,
жаль, лимона нету только,
огорчались мы недолго –
подкисляем лунной долькой.

***

Наш дух надломлен.
У Земли тем более,
она – живая и вопит от боли:
хребет трещит, и отвалилось днище,
и кровь горючая из раны свищет.

Часть пятая
Сонная

***

Было мне во сне невмочь,
и никто не мог помочь;
каждый умер в одиночку –
осознал я в эту ночь.

***

Я впадал в беспечный сон,
только не был усыплён –
в мёртвый мир разведал тропы,
чтобы не блуждать потом.

Часть шестая
Физическая

***

Расширяется пространство,
не оставив жизни шанса;
но, себя не сознавая,
вновь сожмётся, может статься.

***

Мир как хочешь раскрути –
свет ничто не отвлекает
от кратчайшего пути.
Он прямую выбирает!

***

В точке выбора всегда
мир раздваивается,
если счастлив в этом мире,
в том – концы сведёшь едва.

***

Слово скоро отомрёт,
цифрой бог мир создаёт,
вместо грезить и страдать –
будем формулы решать.

***

Потакали токомаку
атом расщепить со смаком,
в раж войдя, он мир смахнул –
не успели мы и ахнуть.

***

Когда просвечен ты насквозь,
то наблюдается лишь кость;
ты о духовном мне талдычишь,
но покажи хоть духа горсть.

Часть седьмая
Винная

***

Пить горькое иль сладкое вино?
задачка мною решена давно:
пей горькое, к багряной
смертной чаше
тихонько привыкая заодно.

***

Есть могилочка одна
и с дороги не видна –
здесь оставь стакан вина,
и очнусь я ото сна.

Часть восьмая
Времена года

***

В город мой приходит снег,
если только на ночлег.
А потом на год уходит,
как бродячий человек.

***

Время позднее для розы,
но обледенелой прозы
колят сердце, как занозы,
непроезжие заносы.

Часть девятая
Смертельная

***

Страшный Суд не будет долгим,
всё подсчитано давно:
каждая слеза ребёнка,
каждый волосочек тонкий.

***

На краю стою, не знаю:
что найду, что потеряю –
и к отсутствию сознанья
потихоньку привыкаю.

***

Я свечой себя сжигаю,
напоследок понимаю:
мир затем чуть-чуть светлее,
что я таю, таю, таю.

***

Ты слезой меня не мучь,
ты врачом меня не мучь –
дай в час тихий, неминучий
облачком пропасть средь круч.

***

Солнце вечное и я,
звёзды вечные и я,
но не стало среди дня
вдруг ни мира, ни меня.

***

Я стану ветром, чтоб найти
свой прах,
водой я стану, чтоб слепить
вновь прах,
огнём я стану – закалить свой прах,
и снова засвищу – весенний птах.

ДВА ЭССЕ

В чем моя вера?

Приглашение на семинар в Психологический центр по теме: «Тело – Поэзия – Дух» застало меня врасплох. Я мало задумывался над механикой поэзии, как та сороконожка; выпевал, как птица, как бог на душу положит. Но предстоящий разговор заставил меня составить несколько основных тезисов.

1

Стихотворение у Пастернака – зеркало. Но зеркало – это пародия реальности. Стихотворение скорее – линза: что-то увеличивает, что-то искажает или поджигает.

Искусство потому и существует, что художник осознаёт несовершенство мира и пытается его исправить, доводя любое явление до предела. То есть пытается соперничать с Богом.

Настоящая жизнь самосохранна и готова идти на компромиссы, но в воображаемом поэтическом эксперименте предельного, где герой обречён на гибель, открывается неизвестный потенциал человека и предвосхищается будущее.

2

Природа поэзии – метафорична. Соблазнительно эту мгновенную и скачкообразную связь разнородных явлений объявить привилегией поэзии, если бы подобное не наблюдалось в природе. Понятие «синхронистичность» ввели психиатр Густав Юнг и физик Вольфганг Паули. Этот постоянно действующий в природе творческий принцип упорядочивает события, разделённые во времени и пространстве – то есть не причинно-следственная связь, а смысловая. То же самое с рядом Фибоначчи: ряд случайных чисел рисует график золотой пропорции. В заслугу поэзии мы относим только то, что метафору поэзия использовала ранее физики.

Метафора извлекается из разряда прикладной поэтики и получает философское обоснование. Метафора кристаллизируется в символ – в печать на пергаменте Вечности. Поэт, по мысли Фолкнера, умещает Вселенную на кончике пера. И у него нет иного способа, как изъясняться символами.

3

Если коснуться взаимоотношений лириков и физиков, то это есть познание материи с разных сторон, но для единственной цели. И ещё не известно, какой путь эффективней. Физики объясняют Творение формулой Большого Взрыва, а Библия утверждает: вначале было Слово.

Мысль записывают по-разному: телеграфный стиль, сложносочинённые предложения, поток сознания – но художник должен быть убеждён, что мысль донесена в единственной для неё форме. Но откуда художнику известно, что существует Абсолютный текст? Выступает ли он по отношению к Абсолютному тексту как переписчик или наоборот – ноосфера, подпитываемая сюжетами, материализует его фантазии?

4

Связь жизни и поэзии – это ведь тоже метафорический приём.

Гётевские Вертеры, тургеневские барышни и нигилисты, толстовские непротивленцы возникли прежде в искусственных романах, а лишь затем обросли костями и мясом, живой кровью. Умирая, Бальзак вспомнил одного из своих персонажей – врача Бианшона: *«Он бы меня спас»*. Сначала совершаются революции в языке (Данте, Пушкин), потом становится возможной революция социальная.

Дух теребит жизнь, но и то, что происходит в жизни иногда такого космического масштаба: атомная война, великое кочевье народов, смерть на промышленном потоке, что потрясается сам Дух.

Конечно, нравственность заложена в основание жизни (ибо сама Природа нравственна), но поэт (по Блоку: самый совершенный человек) – это электрический разряд, это свет, летящий по самому короткому пути от точки до точки. И, подобно электрону, он одномоментно вращается в противоположные стороны.

И если человек – проводник духа, то Дух большого напряжения выбирает человека большей сопротивляемости.

5

Совершенный человек – не есть атлет, а, может, человек субтильный, но с обострённым чувством гармонии. Человек быта испытывает страх перед говорящим стихами именно потому, что чувствует в этой выспренной форме отзвук чего-то Высшего.

Говорить стихами – ненормальность. Но что такое Просветление, как не отказ от земного ума в пользу иррационального?

6

Эволюция – это полезная мутация клетки (а шире – эволюционирует вся Вселенная). Поэзии интересны исключения, она также раскачивает энтропию жизни.

Вспомним и миф об Орфее, вырвавшем Эвридику из подземного мира. Пока Орфей играет на лире, страшные Церберы не могут очнуться от гипноза.

Философ Фёдоров ставил задачу физического воскрешения мёртвых. Задача осуществимая. Было бы кого воскресать. Сколько красавиц жило в России в XIX веке? Миллионы. А мы знаем Наталью Гончарову: чистейшей прелести чистейший образец. Ни одно историческое событие не обретает статус бессмертного, если на то нет разрешения Поэта.

7

Открытие мира – это восстановление единства человека и духа.

Может, поэзия – это тоже космическое явление или орган, заложенный в человека изначально, как совесть? Который не может не творить. Пять органов восприятия? Поэзия – это шестое чувство.

Постскриптум.

К этим тезисам можно присовокупить, наверное, моё эссе 2016 года.

Obiterpoetica. О поэзии между прочим

Prosa – богиня правильных родов (римская мифология). Но не будем о благоразумии, речь наша о поэзии.

Поэзия от сердца, проза от ума.

Четырёхстрочныерубаи и баяты – разница такая же, как между пословицей и поговоркой.

Для Данте (а Булгаков повторил) самое высшее – это покой. О покое он молил земную и небесную власть. Но и арабское «раха» – тоже «покой». Отсюда – «рай».

А вот как Пушкин двумя строками оправдал в истории царя Александра Первого: *«Простим ему неправое гоненье:/ Он взял Париж, он основал Лицей».* Лицей, где Пушкин учился, приравнен к Отечественной войне.

Известно издревне: не заигрывай со смертью. Особенно у сильных воображением людей виртуальная картинка стремится к воплощению. Так Пушкин пророчил обстоятельства и собственной смерти: не только дуэль и пулю в Татьянины именины («Евгений Онегин»), но и возраст: 37 лет (тройка, семёрка и туз – карта Смерти).

Пиковая дама сама указует тайную недоброжелательность и вдову. Как и жена Пушкина в будущем, Лизавета Ивановна «пробежала записку», где Германн требовал свидания. В итоге выяснилось: *«эти страстные письма, эти пламенные требования, это дерзкое, упорное преследование, всё это было не любовь!»*

В Германне угадывается портрет Дантеса, с которым Пушкин ещё не знаком: *«у него профиль Наполеона»*, а четвёртая глава предваряется эпиграфом на французском: *«Человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого!»*

В «Пиковой даме» все главные сюжетные линии закруглены, например, рассказ начинается и заканчивается одними и теми же именами: «Томский произведён в ротмистры и женится на княжне Полине». То есть понтируемые карты снова соединяются в колоду. И игра продолжается…

Воспитанница Лизавета Ивановна вдруг всплывает в «Преступлении и наказании» Достоевского как младшая сестра старухи-процентщицы Алёны Ивановны, и обе – «домашние мученицы». Но и Пушкин – не первоисточник, а позаимствовал «бедную Лизу» у Карамзина.

Стигматы у верующих кровоточат на ладонях, хотя гвозди распятия настоящему Иисусу вбивали в запястья. Но ладони – это устоявшийся художественный образ, оказавшийся сильнее реальности.

Поклонники Толстого делятся на два лагеря: перечитывающие «Войну и мир» или «Анну Каренину». Первый лагерь по преимуществу – мужской.

Пруст пишет как бы под микроскопом (наверняка и почерк соответствующий), пытаясь выжать из одного образа, как из губки, все до последней капли. А потом долго бродит по опустошенному саду в поисках закатившегося яблока. Микрокосм Пруста и макрокосм Толстого.

В записной книжке описывая свои впечатления от нескончаемых пространств, открывающихся из окон поезда, Блок, не найдя нужных слов, срывается в вой: *«А-а-а!»*

Чехов пишет Лике Мизиновой: *«Вы в тепле, вам светло, вам мягко, а мы идём в мороз, в метель, по глубокому снегу… Мы несём на себе всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей… У-у-у!»*

Это и есть русская литература, вперемежку завывание поэзии и прозы: а-а-а, у-у-у… Ау! Слышит ли кто меня?

Чёрно-белая поэма Блока имеет одну дополнительную краску: пунцовая родинка Катьки. Подобно чёрно-белому фильму «Броненосец Потемкин», в конце которого, подобно чуду, на полотне появляется прорисованный от руки красный флаг.

Многие забывают, что «Нечаянная Радость» – книга Блока – это также одно из имён иконы Божией Матери. Молятся об избавлении глухоты. А Блок, как известно, чутко слышал космические звуки. А перед смертью написал: *«музыка исчезла»*. Или всё же гегелевское: *«Нечаянные радости духа»*?

Образ *«ночной фиалки»* – у Блока не случайность. Её народное простонаречие – «любка». Подсознательное: Любка Менделеева.

Самая знаменитая песня Отечественной войны «В землянке»: *а до смерти четыре шага*. Почему не один, не двенадцать? А потому что роковое расстояние уже задано Блоком: *«Не видать совсем друг друга /За четыре за шага!»*

Евреи косноязычны. Но у Пастернака не дефект речи. Пастернак – поэт по ошибке, ему тесно в словах, он ищет невыразимого звука. Поэты слуха (музыка) и зрения (живопись). «Темы и вариации» по построению – симфония со всеми контрапунктами, андантами и адажиями.

В истории пугачёвского бунта Пушкин использовал и мемуары дворянина Дмитрия Мертваго. Отсюда пастернаковский доктор Живаго? Но скорее от библейского «Бога Живаго» (Бога Живого).

Гвоздь, на котором повесилась Цветаева, – не один ли из тех «крестных гвоздей», которые вбивали в запястья или в ступни Иисуса?

Американцы уронили ступень ракеты на Луну, и она целую неделю гудела. Луна внутри – полая. Поэт, сказавший о небесном барабане, знал это задолго до полётов на Луну…

Майкельсон и Морлипри помощи сложной системы труб и зеркал измерили скорость света – 300 000 километров в секунду. А древние люди знали об этом давно, их герои сказки залетали в тридевятое царство.

Книга Бытия: *«И остался Иаков один, и боролся некто с ним до наступления зари; и увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с Ним»*. Хромыми были Мефистофель, Байрон, Лермонтов, Пастернак – каждый по-своему в своём дерзновении схватился с Ангелом.

Даже когда арестовывают возлюбленную Пастернака, он жертвует этой беременной женщиной, обрывая леску. Можно этим поступком ужасаться или восхищаться, но когда и мефистолевская Гретхен теряет в тюрьме ребёнка, понимаешь, что это – явления одного рокового порядка. Как и черный человек Моцарта и Есенина.

Данте, вернувшийся из Космического Ада, и Рабин, вырвавшийся из советского ада, – это одна и та же ракета, стартовавшая на узкой улочке Флоренции в четырнадцатом веке и туда же вернувшаяся в двадцатом: одна и та же личностная боль, возвысившаяся до мировой скорби.

Поэт – только измерительный и регистрирующий прибор; немолчный монолог внутри человека – это до сих пор резонирующее реликтовое эхо Большого Взрыва. Даже если некие вещи услышаны впервые, не оставляет ощущение ***дежавю***. Так и должно быть. Мы не изучаем, а вспоминаем. Вот почему поэты крадут налево и направо без зазрения совести.

Гений – это тот, кто осмелился переписать на свой вкус всю предыдущую литературу. (Шекспир, Пушкин, Бродский).

Месяцы, а то и годы нужны для шлифовки программы – Железо требует железной логики, абсолютной точности. *«Я правил своё стихотворение полдня и вычеркнул одну запятую»*. Оскар Уайльд – новоявленный айтишник.

Дилетанство – от латинского «услаждаю», «забавляю». Симпатично рифмующееся с клавишей DELETE.

Многоточие – это затянувшееся прощание.

Редакция журнала поздравляет Марата Шафиева – нашего постоянного автора, прекрасного человека и нашего активного помощника со славным шестидесятилетним юбилеем. Мы желаем, чтобы Ваша жизнь была наполнена красочными мгновениями. Пусть юбилей подарит лучшее – любовь, тепло, благополучие.

МЕДИНА ЭЛЬДАРОВА

М И Н И А Т Ю Р Ы

Море в берегах

Море – оно удивительно, нежится-плещется, бушует и сердится, живет свою жизнь в своих берегах. Восходы, закаты на море – волшебство вселенского масштаба, шедевры кисти Великого Творца. Закаты, правда, – не мое, ни на море, ни на суше. Даже в толпе, среди людей, душе тоскливо, одиноко с уходом солнца, на закате, в сумерки, по вечерам. И, тем не менее, восход величествен, закат красив, морские глубины тайн полны, морские просторы заманчивы, морская гладь непостоянна. В штиль замирает, легкий бриз баюкает ее, зыбкой качает, ветер штормовой корежит, вздымает. К песчаному берегу ластится, шурша, морской прибой, в скалы прибрежные бьется высокой волной. Море живет свою жизнь и красит наш мир. Но что бы ни происходило, у моря всегда есть берега, оно всегда в рамках дозволенного.

Плывут пейзажи за окном

Расслабиться, все отпустить и просто жить со всем, что в этой жизни есть. Затягивает что-то, напрягает – отрешиться, отдалиться, отойти, посмотреть со стороны или подняться над толпой и над собой, затянутой толпой. Уехать в другой город, в пригород, просто на другой конец города. Любое транспортное средство подойдет. Всегда любила ездить, сам процесс, не сважно, на чем, главное, не за рулем, это имеет значение. От велосипедов, мотоциклов, деревенских телег, троллейбусов, трамваев до поездов. Самолеты тоже люблю, но полеты – это другое. Метро – исключение, нет пространства света, неба, облаков. Словом, уехать, отдалиться, но непременно с тем, чтобы вернуться. Пока едешь, пока тебя везут, покачивая, уйдет все лишнее, все мелкое отхлынет, лишенное значения и смысла изначально. Плывут пейзажи за окном, дома, деревья, люди, мелькают клумбы по сезону, хорошо, если где-то проглянет море, горизонт. Всё проплывает мимо, всё быстротечно, всё не вечно. Так и по жизни провезут, окончен, скажут, путь, обратно не вернут. Уходят чувства, мысли и умы, уходят целые миры. Что-то осталось, что-то нет, и всё прописано в нетленных книгах – томленье духа всё и суета сует.

Разные лица

На наших лицах с возрастом следы минувших лет. Характер, жизнь, судьба, климат и среда меняют лица исподволь. Фотографии хранят былые времена, былые лица, там они другие, детские, смешные, молодые. Кого-то узнают, кого-то надо называть. Разные судьбы, разные лица. И время, как скульптор, не устает над ними трудиться. Вне времени лиц не бывает. Маску не наденешь, гримом не закрасишь, пластика – не вариант, жалкие потуги. Морщинки жизни не сотрешь, кожу не разгладишь, утраты не вернешь, их горькие следы не сгладишь. И от себя - себя не спрячешь. Что есть, то есть, это не беда. Есть люди в возрасте, он им, кажется, к лицу. Им возрастные лица – не помеха, в них свет и мудрость, душевность и тепло. Есть люди, сохранившие лицо.

ЛАЧИН

Записки ангела Данте

Рассказ
соч. 97

1. Дебют в преисподней

Немного найдётся ангелов, побывавших в аду, и тем не менее я принадлежу к их числу. Правда, я не перенёс адских мук, а также не участвовал в их приведении в действие. Я не рвался туда, но и не упирался. Случившееся можно сформулировать кратко: я там был. Теперь подробнее.

Вы пожмёте плечами: нет во фразах моих благозвучия ангельского, они деловиты и сухи. Отчего? Я там был. Однако подробнее.

«Злые языки поговаривали» – так, кажется, говорят на земле. Будь в раю злые языки, они бы поговаривали, что ангел я завалящий. Репутация подмочена: когда мои сослуживцы взбунтовались во главе с Люцифером, нынче переименованным в дьявола, я некоторое время пребывал среди центристов, медливших с выбором. В «переднюю Данте», Лимб, я не попал лишь случайно, по архангельской протекции. Для многих людей не секрет, что излюбленная музыка властей предержаших на небесах – Бах, а в кругу ангелов чаще исполняется Моцарт; я же не особый поклонник обоих. Подобных странностей во мне много.

Сказанного достаточно, дабы понять, что и друзья среди собратьев у меня неказистые. И вот я слетаюсь (земляне говорят «встречаюсь») с одним из них в год от основания Рима 2753 (2000 г. н. э.). От «Рождества Христова» у нас считать не принято, потому как земные христиане почему-то приурочили его к двадцать пятому декабря, к языческим новогодним праздникам. Честнее отсчитывать от исторической даты, чем рядить языческий праздник под именины Христа. При слёте приятель сообщает мне, что намечается очередная отправка к чертям.

Выражение «послать к чёрту», в отличие от земного варианта, имеет у нас буквальный смысл: отправить на работы в ад. В одном из земных государств, СССР, говорили «отправлять на картошку», это примерно то же. То есть позора в этом нет, наказаньем это не является, а служит для того, чтобы население не расслаблялось, жиром не растекалось (физического жира у нас в раю нет, речь о душевном). Но приятного тоже мало, ибо растекаются многие. Отправляют туда главным образом праведников, экс-землян, порой и отдельных ангелов, впрочем, весьма редко, и подобная мера носит уже репрессивный оттенок.

Мой старый знакомый предлагает на пару с ним заменить двух постземлян – для встряски, и заодно отдохнуть от баховской полифонии. Полифония – если объяснять предельно просто и коротко, это несколько голосов, поющих одновременно, но на разные мелодии. Это легко устроить. Я тоже не любитель полифонии, вообще любой, и довольно быстро соглашаюсь.

И вот мы слетаемся в назначенном месте, преодолеваем один небесный регион, второй и, бросив последний взгляд на «небеса» в узком смысле слова (в широком в них входит и ад), низвергаемся в тартарары. Это трудно назвать полётом, ибо в его процессе мы для маскировки уже втягиваем крылья в спину: теперь мы временно души людские.

Мы подлетаем к Харону *(Харон – перевозчик душ умерших в ад через реку*

Стикс.), и сей полёт уже не сознательно направляем нами, а инерционный, бескрылый – полное впечатление, что нас сюда заслали властной дланью.

Харон устало курит, глядя в воды Стикса. Завидев нас, он тушит ментоловый обрубок об натруженный бицепс и, сплюнув в легендарные волны, берётся за вёсла. Мы всё же кидаем на дно лодки медный обол *(Обол – денежная единица, монета, в античном и средневековом мире. – **Л.**)* – дань скорее традиции, чем перевозчику, и он приличия ради приносит ей вторую дань – пробует монету на зуб. И гребёт во ад (я ставлю «во» вместо «в», как требует значимость сего момента). Я даже помню, что слово «гребёт» имеет в русском языке матерный привкус (учитывая место назначения, это меня устраивает), хотя не обращался к русскому со времён Великого наплыва. Так мы называем 2690-е года *(1930-1940 гг. н.э., в переводе с римского летоисчисления.)*, когда в рай и особенно в его антоним стояли очереди – мы не успевали регистрировать души. Русских через нас прошло особенно много.

И вот мы уже догребли, поднимаемся по лестнице под закоптелыми сводами, спускаемся по лестнице, поворачиваем, поднимаемся, и так ещё дюжину раз, и я теряюсь уже окончательно. Становится всё жарче – мы уже миновали несколько кругов ада, не девять, как у Алигьери, а десять (десятый ввели при Великом наплыве). Наконец оказываемся на хозскладе: в длинном низком помещении, слегка смахивающем на коридор. Здесь валяются пики, стоят виселицы, запах краски и маленький чёрт с выщербленными рожками. На стене надпись, почему-то на койне *(Койне – распространённый диалект древнегреческого языка в поздней античности – **Л.**)*: «Божиться и чертыхаться строго воспрещается». «О, боже!» – восклицаем мы, все, кроме завхоза, твердящего: «чёрт побери!» и хватающегося то за один рожок, то за другой. Мне представляется, что он сидит и повторяет это по меньшей мере со времён Реформации *(Реформация – религиозно-политическое движение 16 в., породившее протестантство. – **Л.**)*. Наконец он открывает один из ящиков в углу и начинает бросать нам рабочие робы. Левая половина у них зелёная, правая чёрная. Моя – почему-то с жёлтыми нарукавниками. На вопрос о причине этого чёртов завхоз оглядывает меня, восклицает: «чёрт побери!» – и отворачивается. Неисповедимы пути дьяволовы – и я не настаиваю. Потом мы надеваем прорезиненные чёрные маски с тремя дырками и одним рожком. В них душно, но мало того – нам вручают длинные шесты, едва ли не трёхметровые. В рай с ними точно не протолкнёшься. Иначе с этими шестами мы с приятелем живо разогнали бы всех моцартианцев в эмпиреях, говорю я ему. Бахианцев в первую очередь, отвечает он. Только не в этих масках, конечно, думаю я. В них не продохнуть.

Некоторое время мы толпимся в проходе, в коридорах и на лестницах среди всамделишных чертей в таких же робах и с шестами, но двурогих. «Чёрт бы вас побрал!» – бормочем мы, пытаясь расцепиться. «Это тебе не начальству на арфе играть», – огрызается один по-азербайджански.

Наконец мы добираемся к месту трудовой повинности. Не то чтобы на свежем воздухе – в наши ангельские ноздри шибает запах гари. Мы находимся в ужасной толчее, недалеко от ската в огненный ров. Небо предгрозовое – надо думать, оно здесь такое всегда. Толпа нагих греховодников (каждая вторая женщина по мирской привычке прикрывается руками) отчаянно визжит, подталкиваемая палками десятка чертей к нестерпимому жару впереди. Из высоких кустов выходит начальник бригады, последнее видно по третьему рогу на лбу. Повертоглазив по сторонам, он замечает наше существование. Мне ещё не встречалось начальство столь нервозного вида. Всё, что он говорит и делает, – последняя отчаянная попытка, вопль отчаяния. Он измучен более любого грешника. Он хватает шест моего напарника и показывает, как его держать.

Наша работа, объясняет он, проста. Как раз для ангельских придурков. Наша задача: подгонять падшие души ко рву и преграждать дорогу к кустам, куда так и

тянет этих мошенников. Мы расхаживаем, смотрим, толкаем и отгоняем. Всё просто донельзя, однако он явно не уверен, что для нас это окажется просто. Будь мир таким, каким представлял его себе Господь при сотворении, это действительно было бы просто. Если дорога в ад действительно была бы вымощена благими намерениями, он не понадобился бы вообще, говорит бригадир. И он нисколько не удивится, если мы вместо заданного дела начнём дубасить по головам кого ни попадя или сядем на шесты и полетим, как ведьма на метле. Он единственный нормальный чёрт в этом сумасшедшем учреждении. А из рая присылают таких придурков, что он не понимает, почему они не в аду.

И вот мы принимаемся за адский труд. Люди медлят? Мы им поможем. Мой приятель движется налево, я – направо и, как заправский чёрт (уверен, он тоже), машу своей чёртовой палкой. По-моему, здесь и без меня обошлись бы – бесы орудуют достаточно ловко, и машу я больше из приличия. Вот, например, тот смуглый толстяк, что на коленях подался вперёд и уткнулся головой в землю, будто молясь по правилам одной из мировых религий – ату его! Но я опоздал, подбегая, – один из преисподних рабочих, присев, мечет свой шест, как копьё африканского охотника, с адскою ловкостью вонзая его в срамную дыру (да как глубоко), после чего поднимает визгуна, как на вертеле, и гордо несёт вперёд, пыхтя от напряжения. Присобачился, куда уж мне так. Ага! К кустам бредёт женщина среднего возраста, русая, худощавая, но с большими отвислыми грудями. Я подскакиваю со своим шестом заместо шлагбаума, кричу: «назад!» Она останавливается, оборачивается. Сквозь чёртов рёв и визг людской, заполонившие пространство, я различаю треть её слов и угадываю ещё столько же. Надеюсь, это оказалось достаточным.

Она атеистка. Из воинственных. Мы тут все козлы рогатые. А я к тому же однорогий. Никогда не думал, что с таким отчаянием на лице ещё можно съязвить. Она сейчас это сделает. Мать нашу по самые помидоры. Сейчас.

Я устал держать шест наперевес, я опускаю его. Она поворачивается к эпицентру жара и воплей, гигантским всполохам пламени из бездны. Слегка выставляет левую ногу. Никогда не думал, что отчаяние и веселье на лице могут быть неразрывны. Поднимает кулаки. Кричит: «да-ё-ёшь!» – и бежит к обрыву. Один из чертей отступает в сторону – наверно, растерялся, не ожидал такого. Она прыгает. Исчезает.

Я срываю эту чёртову резину с тремя дырками и рогом, отбрасываю шест, иду обратно. Мне надоело – вопли, маски, сера, гарь, и этот чёртов Бах. Хотя он-то не чёртов, он как раз эмпирейский. Зато надоел раньше всего остального. На ходу я сбрасываю робу.

За мной бежит бригадир. Я ещё больший идиот, чем мой напарник. Таких даже в раю немного. Он суёт мне маску. Я не оборачиваюсь. Но представляю, с какой миной он глядит на крылья, вырастающие из моей спины.

Я решил рассказать о своём приключении на языке той женщины, иначе могут не понять, что значит «мать» с «помидорами» и почему «даёшь». Я и сам понимаю плохо, эти тонкости я слегка подзабыл.

Нечем мне похвалиться, знаю. Полифонист я никудышный, и даже повинность в аду отбыл без трудового подвига. К тому же, сорвав там маску, хожу теперь с отблеском адского пламени на лице, с кличкой «Данте». Комедия, словом, хоть и божественная. Впрочем, я признавался в начале – ангел из меня завалящий. Таких и посылают к чертям.

2. Грозящий путти

Работёнка у нас нелёгкая. Он так и говорил: «работёнка», – вообще сыпал такими словечками, когда я предложил перейти на русский, наверно, знанием языка щеголял. А может, нет. Может, у него лексикон такой. Крылышки сложил, скорчился

на корке, совсем пузатенький, златоглавый такой кудрея́н *(Кудреян – неологизм. То бишь кудрявый. – **Л.**)*. Крыльями, говорит, много надо работать. Это всё спектакль, когда мы весёленькие такие порхаем, вокруг святых или ещё кого повыше. От усталости в штаны наложить можно, сказали бы на земле, а нам и того нельзя, без штанов порхай. Да и накладывать нечего. И музыка в уши гремит. Ненавижу художников. Я бы их всех в ад послал, как в исламской секции. Как за что? За то, что понаписали нас весёленькими, беззаботненькими. А ты попорхай с моё. Вот балет да, уважаю, там тоже вкалывай, а лицо спокойным держи, только нам ещё труднее, потому как только радость и благостность изображать велят. Пот градом льёт, в уши музыка бьёт, хоть святых выноси, как люди говорят, только куда их тут вынесешь, для них-то и музыка, вокруг них-то и надо юлить… А, про музыку я уже говорил. И парить нельзя, а всё махай крылышками, так мелко-мелко, вроде как от восторга. Да, и ещё держи направление, чтоб вокруг головы начальства кружиться, расстояние выдерживай, дабы всё по церемониалу этому обрыдлому. Да вдобавок смотри, чтоб с напарниками не сталкиваться, когда нас на апофеозы стайками выпускают. А вся награда, что тебя ангел одобрительно по заду похлопает, а если архангел, так ты лопайся от счастья при каждом хлопке, и на лице изображай своё лопанье. Всё наша внешность треклятая и фигура, все забывают, что и мы не молоды. Только по внешности ориентируются. Мне кажется, у людей тоже так. Ты бывал на земле? И как? Точно… Нашего дерьма набрались. И-эх… Поработать бы чёртом, пусть меня научат *(Очевидно, путти неточно цитирует «Я бы в лётчики пошёл, пусть меня научат». – **Л.**)* – на земле стихи такие написаны, как-то так. Спохватившись, замолк, опасливо оглянулся (на горке сидели, вокруг никого), потом испытующе воззрился на меня пухлым личиком. Оглядел ожог на лице, успокоился. Правильно сделал, с моей неангельской рожей стукачей не бывает. Те больше гладкие на вид. А, ты и есть ангел Данте? Я, говорю. Моя кликуха. Это я от него поднабрался, слушая про тяжёлую его работёнку, «кликуха» и всё такое. Оригинальный путти *(Путти – ангелочек, на картинах изображается как обнажённый или полуобнажённый маленький крылатый мальчик. – **Л.**)*. Подсел поближе, крылышки заложил под мышки. Хошь, говорит, я про Данте тебе расскажу, что по небу петлял тут под ручку с другим рифмачом? *(Поэтом Вергилием, классиком античной литературы. В «Божественной комедии» он провожатый Данте в аду. – **Л.**)* Ну и обхихикались мы, когда… Не надо, перебиваю я, не надо про Данте. Мне только про него все и рассказывают, с тех пор как я в аду обжёгся. Биографию его наизусть выучил, впору на земле дантоведом устроиться. Он захихикал, вспорхнул, покружил вокруг меня. Приземлился. Я выждал, потом говорю: ты мне что другое расскажи, поинтереснее. Вот вы к мученикам подлетаете, вкруг них в воздухе вертитесь, на плахе, в темницах – было там что интересное? Он посерьёзнел, потом засопел. Никогда не думал, что путти тоже сопят, я считал, что только мы, ангелы, ну и люди ещё, а теперь думаю, может, и у чертей так, чёрт их разберёт. Ладно, говорит, расскажу тебе удивительное, может, даже небывалое, только раз бывшее. Не выдашь? Ты что, говорю, чтоб я тебя выдал? Не меня, говорит. Её. Тогда, отвечаю, тем более. Придвинулся ко мне вплотную, щёчки надул. Щёки-то у них и без того выпуклые, и стало личико его вконец круглым. Но мне он тогда смешным не показался. Это при Великом наплыве было, рассказывал он. Нам тогда изрядно попотеть пришлось, знай успевай летать вниз-вверх. В Россию, что тогда безбожной числилась, тоже нас посылали – и там ведь верующие были, праведники, что муки принимали. Да ты, поди, сам знаешь. Я-то знал, но интересно было наблюдать вот такого путти, я таких не видал, ни в кущах наших райских, ни на земных картинах. Такой… мыслящий. Мне хотелось больше его слушать. Не, отвечаю, я плохо помню, подробней рассказывай. Ну вот, короче, мы и туда верстали, к виселицам чаще всего. Там стольких вешали, что неудивительно, что средь них и верующие попадались. Лечу я как-то туда. Зимой. Хороший хозяин собаку в такую холодину не выгонит – что-то в этом роде на земле

говорят. Только нас, ангелочков, гоняют… Вновь опасливо оглянулся, крылышки за спину заложил, продолжил. Прилетаю по адресу, виселица там в пригороде, уж не помню, какого города. Всё как обычно: военные со свастиками, с древнеримскими приветствиями, ну и двое вешаемых. Мужчина и женщина, с табличками на груди «партизан». Меня к ней послали; он, значит, из атеистов. Моё дело простое – попорхать вокруг головы, ручками повсплёскивать. Вешать недолгое дело, не пытки. Ну, ты знаешь, наверно – кроме того, к кому подлечу, меня никто не видит. Знаю, говорю, и мы не всем видны. Он локотком в коленку упёрся, задумчиво смотрит вдаль, на реющих в высоте ангелов, дальше рассказывает. Ей петлю свивают, она вперёд уставилась, востроносая, шмыгает носом, красным от холода. Тут я принимаюсь виражи вкруг её головы выделывать, да руками всплёскивать. Она-то меня видит, только вроде не рада, а озабочена – глазами на товарища показывает. Кряжистого такого, небритого. Я так понял, она хочет, чтоб я и ему показался. А ты бы как понял? Ну вот видишь. А мне ж не велено, мне не к нему. Машу рукой, нельзя, мол, безбожник он. И тут она вслух говорит, мне говорит: без него не пойду. Напужался я, брат мой Данте… Впервые такое слышу. А ведь я ещё в эргастулы к идолоборцам залетал *(Эрга́стул – древнеримская тюрьма для бунтующих рабов. Идолоборцы – христиане, выступавшие против иконопочитания, как чуждого христианству, считая это идолопоклонством. – **Л.**)*. Товарищ её обернулся, непонимающе на неё смотрит, вешатели-то русского не знают, думают, лозунги пропагандистские, а ему невдомёк, с кем она. От страха быстрее перед нею кружу, да глаза растаращиваю. Ей петлю накинули, сейчас поздно будет. Я уже отчаянно так руками махаю, нельзя, мол, вас обоих привечать, обезбоженный он ведь, одумайся. А она глаза скосила на меня и плюнула. На снег не плевок упал, а лёдышек, такая была холодрыга. И тут же дёрнулась и закачалась, вислотелая. За нею и он. Палачи ушли, эти висят, вертятся вокруг своей оси. И я над ними ещё с минуту вертелся. Сам не знаю, зачем. Растерялся как-то. На казни-то я насмотрелся, только всегда знал, что скоро в эмпиреях жертвы завитают, а тут не знал, что думать, что теперь с ней будет? Так и не узнал. Она ж не мне плюнула, а всем, кто… кого я представляю. Начальство отринула… И главное, я всегда всем жертвам нужен был, счастливил их своим видом, как гарантия рая, а самому-то было всё равно, привыкаешь ведь, рутина, а она расплевалась со мной, и вот только ей мне помочь и хотелось, во, точно, из-за этого я ещё кружил над повешенными. Вот. Помолчали. Будь он человеком, сейчас так же шмыгал бы красным носом, как та партизанка, хотя ему не холодно, как было ей, подумал я. Или это просто я так подумал. Ну, спрашивает. Что ну, спрашиваю я. Ну и где она теперь? Ты же большой, ты же ангел, не ангелочек, тебе и знать. Не знаю, говорю, братец мой путти… Не знаю. Тут он вскочил, над лицом моим завис в воздухе, горизонтально. Крылышками не машет, как по чину положено, парит. Бровки нахмурил, ручонку пухлую вытянул и пальчиком мне помахал перед носом. Ты, говорит, не выдавай её, если… она всё-таки у нас. Никогда не думал, что малюточное пухленькое розовое существо может быть столь серьёзно. Никогда раньше не видел грозящего пальцем путти. Может, это тоже, говоря его словами, небывалое, только раз бывшее. Развернулся, попку в лицо мне выпятил. Помедлил так и улетел. Может, презрение мне этим выказал. Точнее, начальству в моём лице. А может, ждал, что похлопаю (их все похлопывают). Не знаю. Я тогда не смог.

Опубликовано в журнале «Новая Литература» 17.03.2023

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ
Автор

*Среда **2021,** 10 ноября, 3.55. Вспышка! Приступ острой одарённости продиктовал*

ДНЕВНИК НЕАНДЕРТАЛЬЦА,
или
МЕМУАРЫ О БУДУЩЕМ

(хроники с корточек)

Сумерки. Погасли тени.
Насторожены стога.
Ночь крадётся на деревню,
Оборвались голоса…

Кто ж зовёт за край дороги
На разбрызганную ртуть:
Серебрится одинокий
Одичалый Млечный Путь.

Автор, *«Картина Левитана»*

Марина, чувственная половина моя, «разбрызганную ртуть» восприняла своеобразно: – *Градусник разбился. Опасно! Пары ртути ядовиты.*

Ассоциации разминулись. Кому звёзды шариками ртути, кому-то светят белые звёзды палаты…

– *Вычурно!* – дохнул в телефонную трубку бард Ибрагим, услышав название моей притчи «Селфи с Дантесом». *(Словарь Ожегова. Вычурный – излишне затейливый, нарочито усложнённый, замысловатый)*. Так моя притча утратила статус парадокса. Какое селфи в XIX веке? Ку-ку! Пройдут ли кастинг «мемуары о будущем», фраза «приступ (можно «проблеск») мысли у неандертальца»? Телефонный звонок! **(9.40 Чт 18-ое)** Ба, Ибрагим Нухбекович! Нух – это Ной (потоп). Библейским чутьём автор книги «Барды», мл. друг аксакала бардовского движения Александра Моисеевича Городницкого, О-СЯ-ЗАЛ, что в ноосфере Вернадского шлифуют абзац о нём, любимом.

В мировой гонке безумия? медийного рыка и блеяния бардовское небо плотно зашторено гарью…

Надир Агасиев, в молодости слушатель семинара крепкого на язык и руку Андрея Битова, откликнулся юбилейным словом: – *Проза **Автора** непростая, для литературных гурманов. Пишется со скрежетом пера…*

Не пробудились ли во мне шелест и клик родового древа? С 29 лет пишу шариковой ручкой, заправленной гусиным скрипом пера и серебристыми лучиками от шариков ртути по Цельсию.

В редакции газеты «Социалистическая индустрия» (проник по протекции) обаятельный сотрудник, пробежав по диагонали моё стихотворение «Голубой апрель», пригвоздил: «Эклектика!» Незнакомое слово смутило, эрудиция сотрудника «взлохматила шерсть».

Гюлюш (прозаик; эссеист; терпкие, как вино, переводы с французского) на мой вопрос о названии опуса, потрафила (угодила): – Вы человек культурный, грамотный, коннотация слова «неандерталец» с душком. – Ах, так! Обратим неандертальца в снежного йети. Снег – свежесть – чистота.

Над Канадой небо синее. В Зимбабве жара. На душе слякоть…

Чем поднять тонус? Заскочить в рюмочную «И-го-го»? Инсульт с инфарктом. Заглянуть в кафе «Незнакомка»? Одинокие дамы в соломенных шляпках. – *Этот мир прогнётся под нас*, – изнывает «Машина времени». Скорее в эротик-бар «Бубликофф». Дорого. Тогда в «Марию Магдалену». Под коктейль через соломинку звучит: – *Ах, какая женщина, мне б такую!* – Сладко поперхнулся. Что ещё в шкатулке апокрифов (недостоверный библейский сюжет)? Есть!

АБШЕРОНСКИЙ ЭТЮД

Пламенный сураханец (поблизости Храм огнепоклонников), издали углядев, как учит мама-Одесса, «двоюродную» соседку, манким взглядом продолжал сопровождать походкой колышимый сдобный вид сзади. – Шаги-маги палки штраги, – неслось вдогон. Местное эсперанто. Эмоция. Означает восторг. Двоюродную нашу подружку (то ли задницу) зовут Надежда (Вера; Любовь) по фамилии Пивоварова. Когда зачехлят кумачовые стяги («мерси боку» или зря?), пылкий страстолюбец откроет пивную «Наташа».

Понедельник 29 ноября, вечер.

Не выдержал, огласил зачатое в надежде на понимание!

Половина моя: – *Дневник-мемуары-хроники… Слово наползает на слово.*

Слово на слово; жанр на жанр; прошлое впереди будущего; жопа или катарсис (ударение на первом слоге)… Эврика! Льдина на льдину. Ледоход!

Неандертальский человек жил в ледниковую эпоху.

Цифровую цивилизацию вакцинируют на таяние арктических льдов.

Белое солнце пустыни. Жара. В Зимбабве пекло. Телескопы запотели. Учёный сосед в лунном замешательстве. Северное сияние замаскировало болид. Выскочит из всполохов, ка-ак жахнет! Гольфстрим потёк не туда. Зелёные холмы Африки в белом безмолвии. Белым саваном снег.

Модуль обнадёживающий

В ГОДИНУ РАЗВИТОГО ПАЛЕОЗОЯ

Космонавтам на орбите; зекам. Сеанс

Вселенная для меня (на уме крутится слово «бздун»; пойми меня правильно, вокруг «улыбчивый» оскал чудовищ, рёв родного палеолита), блин, сбился с мысли. Начнём сначала. Вселенная возникла не с Большого взрыва в хилую пятницу, а с лучистых киносеансов под звёздным небом на бис мошкары. «Карнавальная ночь», «Мир входящему», «Бродяга». Вовремя я родился. На горизонте «Кавказская пленница». Если дело так дальше пойдёт, то жить можно! Была бы цела белёная стена сельской школы (экран). Киномеханик раз в неделю крутил волшебство, окунающее в купель до края полную сияющих пузырьков счастья («и нечаянных шептунов» в бешмертебе стыковать не рекомендуют по этическим соображениям).

Первые вспышки сознания… тень взлетевшего аиста, кудахтанье кур со двора… Биографию (судьбу, карму, сансару) не смахнёшь с обеденного стола повседневности, как хлебные крошки. Душа, оберегаясь от негатива за шторами, информационных войн, сирен «Скорой помощи», заботливо прихватив табуретки для себя и публики, чмокающих грудничков (куда без них, без меня), вновь спешит, спотыкается к белёной стене школы на воскресный сеанс. Сегодня под звёздами «Операция «Ы» («Полосатый рейс», «Мимино», «Римские каникулы», «В сельве нет звёзд», «Золото

Маккены»). Общность эмоций воодушевляет. Кстати, что общего у космонавтов в невесомости и зеков? Азбука! Буква «Ы», как рык родного палеолита, базон Хиггса и профессиональная ограниченность пространства.

Энциклопедия. Палеозойская эра – 570 млн. лет назад. Палеолит продолжался с возникновения человека св. 2 млн. лет назад по 10 тыс. до н.э. Неандертальцы – 200-35 тыс. лет назад. Потомки питекантропов и предки кроманьонцев. Большой взрыв – вспышка; проблеск мысли у неандертальца. Итак, эволюционная цепь: питекантроп – неандерталец – река Арпачай – родовое древо – тень взлетевшего аиста – автор на корточках – кроманьонец – явление богоподобного кучерявого примата, вспыльчивого сына креолки – слетевшая с Наташи белая фата во время венчания – кремнистый путь на Чёрную речку – «… самый белый в мире снег выпал в день твоей дуэли» (В. Качан, Л. Филатов) – слёзы народа, как капли крови из-под тернового венца Поэта – «… и шаль скользит по стеарину плеч покорно, и в каплях свеч ютится Натали» **(Автор)**.

– Расовая, национальная, имущественная принадлежности в нашей цивилизации не актуальны. Институт дуэли табуирован год назад, т.е. 570 млн. лет тому, – под перестук колёс проник вещий (чей?) голос. – В человеке присутствует Христос – лицевая сторона, на затылочной – дьявол. За какую сторону человеческую особь (серпантин хромосом) дёрнешь, той и повернётся.

Кто выбирает и дёргает? Волк из сказки, вестимо (мысли автора вслух).

Через чердачные щели Вселенной с лучами фотонов и пылинками занесён (кем? опять волк?) альтернативный проект: «Без меня народ неполный!» (А. Платонов); «Да здравствует мир без меня!» (Ю.Домбровский). На какую фразу классиков ставить?

– Господа! (прямая речь автора) Не увлекайтесь рулеткой, не косите глазом на билеты «Спортлото 80», не вынуждайте олимпийского мишку ещё раз ронять слезу. Состоится ли открытие Олимпийских игр в 2024 году там, где намечено, знает МОК; нам же (зрителям, болельщикам) выпал уникальный шанс с высоты Эйфелевой башни расширять свой «горизонт сознания». Виват Париж, виват!

За ГОРИЗОНТОМ СОЗНАНИЯ время управляемо, работает другая физика. «Эффект близнецов» Эйнштейна (погуглить) преподносит сюрприз: не покидавший Землю двухсотдвадцатидвухлетний «старец», окунаясь в родниковое утро, выглядит тридцатитрёхлетним – таким же, как его брат-близнец, только что юркнувший, т.е. вернувшийся с киносъёмок на Альфа Центавре через «кротовую нору».

Суббота 2022. 06 августа 2.45

Х/ф «Оливия, девушка из созвездия Кассиопеи». Набросок сценария. Купе. Проводница заправляет противоположную постель так искусно, что автору видны её трусики. Откровенная поза. Приумолк перестук колёс на стыках и стрелках. В дверном проёме возникает девушка. В купейном сумраке вспыхивают голубые, зелёные искорки. Воздух насыщается озоном как перед грозой, вот-вот прольётся дождь на плантацию благоухаюших роз под Бештау. – Минуточку, а куда испарилось двухместное купе, – возмущена продюсер фильма; наэлектризованы формы и волосы, свалился ободок (бандо). Ей сорваны (укол шипа) алая и кремовая розы, заказан чай с лимоном. Звякает ложечка в пустом стакане с серебряным подстаканником. В окне покачивается пейзаж. Полнолуние. Посылаются многосерийные стереосны (неужели проказы Оливии?). Побоище. Бряцая доспехами и высекая искры из шлемов, капуцины (нравится слово) тупят о головы небритых дамасскую сталь.

На «Одноклассниках» стикер от быв. сокурсника В. Волкова (из г. Арысь, ныне проживает в г. Ачинск). У него в друзьях друзей Карен Шахназаров.

Модуль стыковочный
БЫЛОЕ И ЧУВСТВА

– Я думаю мысль. (Удав из м/ф «33 попугая»)

Мои союзные соплеменники воспряли духом, взошли тестом для выпечки французских булочек с хрустом, натёрли песенные мозоли «о земную ось» в залузганных клубах единой отчизны. Наше кредо – план ГОЭЛРО. Наше всё – киноискусство. Стрекот иллюзий. Булгаковщинка.

Ровесники мои воссияли в софитах широкоформатных кинотеатров; нас, обитателей нефтеносных предместий, тянуло в потёмки последнего ряда, пардон, потискать отзывчивую отроковицу из параллельного «А» («Б»; «В»).

Неплохо бы завлечь городскую рассеянную чувиху в кулуары доступных чувств. Что такое «чувиха»? Бес его знает, «товарисч», что-то мягонькое. Хороши для ощущений ворсистые джунгли верхней одежды школьных раздевалок зимой. От галантных касаний в башку шибает какая-то «химия». На уроках биологии объяснят: сперматозоиды слишком подвижны. Марш в кино! На первый ряд…

«Весна на Заречной… », «Я шагаю по Москве»; близким созвучием, мелодией отрады и грусти откликаются Марлен Хуциев, Данелия, Шпаликов.

К/ф «Телефонистка»; киностудией имени Джафара Джабарлы из к/с имени Александра Довженко приглашена Раиса Недашковская. Как, она не азербайджанка? Не верю! Ролью живёт, не играет.

Сагдуллаев, Нахапетов, Иргашев, Вертинская. – Так взгляни ж на меня хоть один только раз… – «Влюблённые», режиссёр Эльёр Ишмухамедов. Ещё Эмиль Лотяну, Витаутас Жалакявичус… россыпь негасимых созвездий.

Журналы «Юность», как ветка оливы в клюве библейского голубя, «Дружба народов», «Иностранная литература»; Андре Моруа «Фиалки по средам». Франсуаза Саган.

Небольшое отступление. Бешмертебе (не путать с особняками нефтемагнатов) – знаменитая (напротив памятник Физули), самая первая пятиэтажка в Баку (1933); гнездовья щебечущих ласточек. Паркет; мягкие шлёпки; домашний телефон, свидетель долгих общений. Под потолок стеллажи с книгами. Букетик незабудок в вазочке. Чёрно-белое фото. Александр Блок. Поэт галактики. Гравитация глаз…

Моя собеседница – троюродная племянница автора колдовских строк: – *По вечерам над ресторанами горячий воздух дик и глух…*

Иосиф Сталин внедрил дворянскую культуру в массы. Респект. Народ лузгает семечки, поёт «Интернационал» (в основе «Марсельеза») и причащается к мировым шедеврам синема, музеев и выставок.

Пальмовая корона, озноб жюри и студентов – к/ф «Мужчина и женщина»; шелест моря; чарующей музыкой имена Жан-Луи Трентиньян, Анук Эме, Клод Лелуш, Френсис Лей. Конечно, Симона Синьоре (ах, как внешне похожа на мою собеседницу).

– *Задумчивый голос Монтана звучит на короткой волне, и ветки каштанов, парижских каштанов в окно заглянули ко мне*, – аромат эпохи в подаче Марка Бернеса. Магия в кошачьих глазках радиол.

Господа! Пора вернуться в реальность. Чёрный Абдулла эмигрировал в Карфаген. Личико Гюльчатай в испарине от блиц-вспышек белого Солнца. Очаровательная наложница доросла до главы муниципалитета. Шарман. Волонтёр Хафиза освежила службу знакомств под вывеской «Свободные женщины Востока». Джамиля, Гюзель, Лейла крайне довольны пенсионной поправкой. О, нравы! К чести сказать, пасквиль на жриц любви состряпал я, автор обольстительной «Гейши». Однако, жара.

Модуль поднебесный
ДУША ОТКЛИКАЕТСЯ

Памяти Надира в журавлиную светлую даль

2.35 Пастушья звезда.

2.52 Литература – занятие круглосуточное. Сопит чайник. Взбалмошный петух продрал сиплое горло. Благостная атмосфера на заре нового дня…

Расщепил абрикос. Червячок. Как извлечь, не повредив…

Ни мыслью, ни словом, ни действием не навреди сущему! – Белый лама Востоков утверждает, что это первый Закон Космоса (их 108).

Интересно, как получена информация?

Принимаю «революционное» решение: весь абрикос, как люльку для червячка, отправить в мусорное ведро, пусть сущее протянет подольше.

Семь утра, пора на прогулку. Обхожу маслиновую посадку.

Решил (импульс в голову) завернуть на погост авиагородка. У местных жителей (с трёх сторон подступают частные дома) это место называется «рус гобустан».

Пафосный слоган после Распада «своих не бросаем» сомнителен. Зелёные «волны» верблюжьей колючки. Запустение. Беспамятство. Перед входом на капище мусорные баки. Рядом свалены свежеспиленные ветки абрикосового дерева. Крупные зелёные плоды усеяли сучья, через неделю уже бы созрели. Возникают параллели: мусорное ведро – мусорные баки; абрикос с червячком – недозрелые плоды абрикосов. Природа совпадений давно занимает мой ум. Под ветками разбросаны игральные карты; на тыльной стороне кадр из фильма «Титаник»: герой с героиней прижались друг к другу, руки в стороны – образуют крест. По, так называемому мной, «методу ассоциативной идентификации» выстраиваю в голове цепочку: «Титаник» – Лондон – Нью-Йорк – айсберг – катастрофа – жертвы. Содержит ли смысл и, главное, упреждающую информацию предлагаемый метод? Или это заумь неофита (новообращённый)?!

Рассказал Надиру. – Идея! Готовый сюжет, – поддержал он.

… На кладбищенских тропках острое ощущение протекции Проводника («Сталкер» Андрея Тарковского?). Синь тюркская. В небе плещется белый голубь. Где голубь, там возникает ассоциация с рисунком Пикассо. Птица кувыркается, хлопает крыльями вне сознания «кривых зеркал», гаубиц, распрей. Свобода…

Хруст улитки вызывает в душе сосущую боль.

А вот под ногами кубик с буквами азбуки. Как сюда попал этот реликт из детства? Ко мне «лицом» (гранью) буква «М». – МАМА. ПАПА, – учила складывать кубики бабушка. – МАПА. ПАМА, – скрещивал я. Кубики летели на пол. – Собирай! – в гневе приказывала бабушка.

Сквозь слёзы бестолочь постигала важность букв и порядок их чередования.

Соберём азбучное, выложим, к примеру, КАВКАЗ – небесную вотчину гамзатовских журавлей.

Как-то Надир (выпускник литинститута), Эльдар Шарифов (литинститут) и я (инженер, стихийный раб литеры) посетили туристическую выставку.

На входе в тур-вавилон большой шутник Надир, кхе, симпатичным девушкам в униформе представился с загадочной улыбкой Будды:

– Мы, бесценные сотрудники журнала «Литературный Азербайджан» (издаётся с 31 года XX столетия), желаем осветить…

– Входите!

Светлую троицу безбоязненно впустили в турМекку, не требуя пригласительных (которых у нас не было). У секции «Дагестан» подзадержались. Одному из троих на столике представителя глянулась непочатая бутылка коньяка.

– А правду говорят, что число народностей (аварцы, даргинцы, лакцы, табасараны) и говор в аулах подлаживаются под количество и весёлые ноты горных потоков?

Пауза.

Гуль-гуль-гуль, – глаз косит на славный напиток.

Буль-буль-буль, – взгляд наставлен на представителя.

Быр-быр-быр-шикадам-цоб-цобе-асатуррр, – очей не оторвать от четырёх звёздочек.

Выдержанный представитель вручил каждому по визитной карточке, пригласил посетить край орлиного клёкота и насладиться говором задиристых речек.

… Покровительство Сталкера с кладбищенской тропы телепортируется к письменному столу, посылая вопрос: почему провидение выбрало абрикос, а, скажем, не яблоко (плод Адама и Евы) с червячком? Машинально открываю роман «Мастер и Маргарита», первым на глаза слово «Абрикосовая».

31 августа физическая форма жизни оборвалась. Возможна ли полевая?

31 августа Надиру Сулеймановичу Агасиеву – собрату моему в связке по духовному восхождению – годовщина. Как я был поражён, обнаружив горькую, год тому слетевшую дату в своей прозе «Прощальное эхо» (2015).

Воскресенье 07 августа 01.11 Пишу при свете ночника. На слово «турмекка» села букашка. Импульс в голову: название святынь надо писать с заглавной буквы – турМекка (под руку вспоминается трагедия «Шарли Эбдо»).

– Абсолютная свобода в словах и действиях социума ведёт к катастрофе. Соблюдение космической этики пробуждает в человеке сверхспособности, – бархатный голос и жаро-прохладные ладони Оливии, не касаясь, облегчают мне прозу («скрежет пера в невесомости, душной камере, пабе, белой палате»).

Четверг 11 августа 7.46 К/ф «Музей сновидений» (резервное название фильма про соседку Оливию). В созвездии Кассиопея обнаружен мощный источник радиоизлучения. Сны серебрятся…

Справка: Кассиопея – мифическая царица Эфиопии, мамаша Андромеды. Эх, ма! Везде наши родичи, аисты, звёзды. В кругу светил Зодиака хороши вечера на хуторе… далековато! На островах Дарданеллы. Есть такие на Каспии (турфирмачам на заметку).

Час мерцающих звёзд. Куда ни «глянь ухом» (повадка неандертальца), шелест волн и страниц. На островном песочке забыта книга «АЗБУКА АПОКАЛИПСИСА». Потянул присоленный бриз. Полнолуние тускнеющей копейкой закатилось в палатку. Что купить на копеечку? Спичечный коробок.

Воскресенье 14 августа 4.09 Продолжение снов и сценарной задумки. Перестук колёс…

… Войско (легион, когорта) движется маршем на поселение Сатанов (погуглить). Александр Север, император (222-235 гг. н.э.). Полотно Александра Иванова «Явление Христа народу». Явь. Рассвело. Курский вокзал. Авт. камеры хранения. Несколько номеров арендует некая фирма «ЛитераТур» (патент). Спичечный коробок на полу. На этикетке «Демон» Врубеля. За кадром слышится: – Поднимите мне веки! (Ник. Гоголь) – В кадре ячейка 814. По наитию набираем шифр А914. Щелчок. Дверца открывается. В утробе ячейки всего лишь мобильник. Вспыхивает дисплей. Турсхема Москвы. Пунктир ведёт на Воробьёвы горы (высоковато, ноги не те); тогда в паб с рулеткой и попугаем-кареллой (кличут Йориком). При попадании шарика на «зеро», орёт: «Правь, Британия!» Пинта пива клиенту за счёт заведения (автору бонус); на самом деле пунктир стремится к музею мецената Третьякова. Неужели мобила обладает функцией Космонавигатора (айтишникам на зависть).

Модуль сценарный
ВЕЕР ВЕРСИЙ

1. Москва, Третьяковка 2. Ленинград, «Храм на крови» 3. Железноводск (явь) 4. Лестница в небо (сон под перестук колёс) 5. Кербела, мавзолей имама Хусейна 6. Абшерон, «Храм огнепоклонников»

С 18 авг. по 21 авг. Дервиш шёл (скрипело «шариковое перо» парящего птицей автора). Впереди одинокое дерево. Кто-то неведомый нашёптывал: – Обладатель 8-ой складки прочитывает реальность, как титры на экране, огибая олеандровый и прочий рай стороной.* Дервиш шёл по грунтовому тракту в Кербелу. – Как на выжженной от зноя земле проросло одинокое дерево? – думал дервиш. – Передохну-ка в его тенистой прохл… – дорогу пересёк облезлый заяц. Дервиш (он же суфий, зороастриец, то ли убежденный атеист) располагал СЦЕНАРНЫМ СОЗНАНИЕМ. Скоро развилка. Направо желанная тень дерева на пути к мусульманской святыне; налево дорога круто сворачивает на полуостров. – Значит, мне налево, давно собирался посетить Храм огнепоклонников, – решил изменить маршрут взмокший путник. Коршуном налетела туча. Высверк (будто зыркнул глаз хищной птицы). ***Автор*** оглянулся: в двуствольное одинокое дерево ударила молния. Треск…

** Примечание прописью: 8-я складка предвосхищает «отсутствие», удар молнии в дерево, небы… дёрнулась рука от скрипа открываемой двери. Пресечено слово «небытие». Будем жить…*

Четверг 18 августа 3.30 Кривизна зеркал Козырева (астрофизик воспринимал время как энергию; энергия управляема). Изгиб, сгущается время. Пунктирный маршрут автора опрокинут в прошлое из бездны Вселенной.

Опрокинуть из бездны. Как сказано, блеск! Всё равно, что услышать «идеология – ложное сознание». Каково?! Алё, гараж! Какое сознание ЭТАЛОННОЕ? Далай лама, например, утверждает, что сознание европейцев однонаправленное. В буддизме отсутствуют христианские категории добра и зла. Побеждают «капуцины». Ну, нравится слово, как незабвенный фильм «Человек с бульвара Капуцинов» Аллы Суриковой и сценариста Эдуарда Акопова – друга детства (одного цвета горшки) и бывшего соседа по бешмертебе роскошной моей собеседницы. С 1528 года или раньше, когда на оси координат протикал таймер «зеро», Блюстители Поступи, ежедневно пополняя звенящим текстом священные дощечки (скрижали), оберегают мадам (ханум, госпожу) Историю от гнева необузданных её учредителей.

Мавзолей Ленина – факт или гримаса…

9-ый класс (1967). Сочинение на заданную тему из будущего (1991): *звон семинарского колокола в час небывало жаркого заката на Патриарших*. Ох, мамочка! Кошмар. Вий, Мастер, Маргарита – вся чарующая троица в «одном флаконе». Просыпаюсь в холодном поту. Час и месяц Тельца.

… изумрудный июнь, раздолье юношам, кошкам, близнятам, кузнечикам.

Координата подскока (адрес): набережная «Бульвар Шевченко». Сквозь тюлевую занавесь видны Москва-река и мост. Из тоннельного зева выхлёстывают и несутся вагоны метро… Сталинки. Башни. Рубиновый высверк.

Вторник 2023 11 июля 11.54 Несчётный раз вычитываю текст, что-то напрягает… **«Автор»** и «автор»… почему двумя шрифтами?

*Внезапное прояснение: в силу отсутствия этических норм в хромосомах **«Автор»** (не расшаркиваюсь) покрыт сверхчувствительной «шерстью»*; «автор» же со времён Ноя – скиталец в поисках тверди и убегающей за горизонт истины с веткой оливы в реликтовой памяти…

Модуль первопрестольный МОСКВА, 67 *Продолжение следует*